



АРХИМАНДИТА ИОАННА  
(КРЕСТЬЯНКИНА)

# ВСЕ ВЫ В СЕРДЦЕ МОЕМ, И ЭТА ЛЮБОВЬ НАВЕЧНО

*Воспоминания одной семьи  
об архимандрите Иоанне (Крестьянкине)*

Свято-Успенский  
Псково-Печерский монастырь  
2018

УДК 271.22(093.3)  
ББК 86.372.24-3ю14  
В84

*По благословию Высокопреосвященнейшего Евсевия,  
митрополита Псковского и Порховского,  
Свято-Успенской Псково-Печерской обители  
священноархимандрита*

*Одобрено Издательским советом  
Русской православной церкви  
ИС Р18-809-0332*

Составитель Т. С. Смирнова

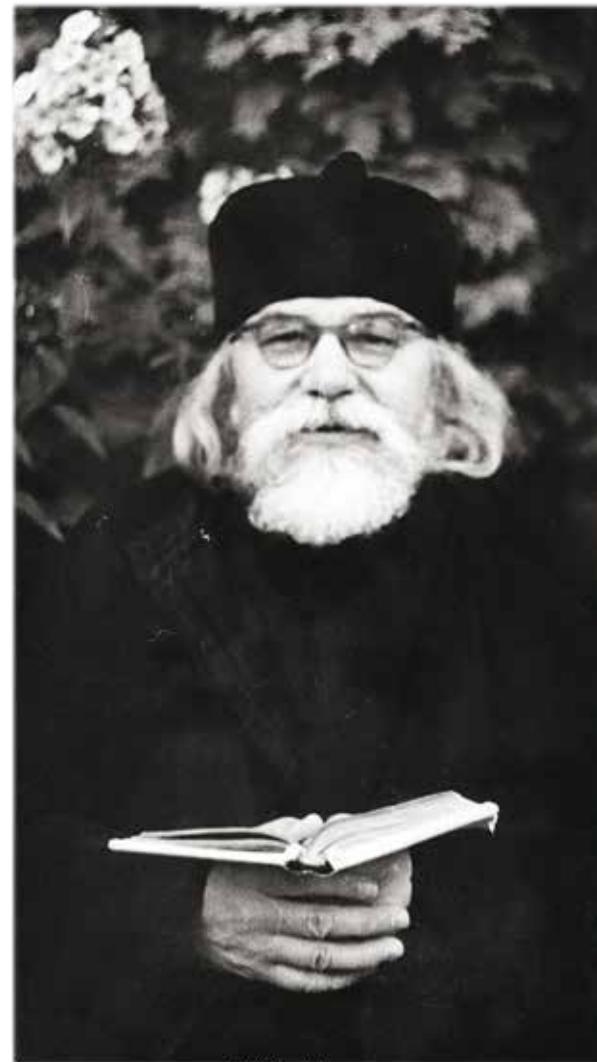
В84 **Все вы в сердце моем, и эта любовь навечно.**

**Воспоминания одной семьи об архимандрите Иоанне (Крестьянкине).** –  
Издание Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря, 2018. – 336 с.  
ISBN 978-5-9908186-5-1

Старец и духовник Псково-Печерского монастыря архимандрит Иоанн (Крестьянкин) до своего поступления в обитель много лет служил на приходах Рязанской епархии. Там, среди многочисленных его духовных чад, были и две семьи священников: отца Владимира и отца Анатолия Правдолюбых. Их воспоминания о дорогом нашему сердцу батюшке мы публикуем в этой книге.

УДК 271.22(093.3)  
ББК 86.372.24-3ю14  
© Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, 2018

ISBN 978-5-9908186-6-8







## Содержание

вспоминает протоиерей Владимир Сергеевич Правдолюбов	10
вспоминает протоиерей Сергий Анатольевич Правдолюбов	46
вспоминает протоиерей Михаил Анатольевич Правдолюбов	142
вспоминает протоиерей Феодор Анатольевич Правдолюбов	167
вспоминает протоиерей Серафим Анатольевич Правдолюбов	177
вспоминает Ксения Анатольевна Нефедова (урожденная Правдолюбова)	190
вспоминает Вера Сергеевна Правдолюбова	223
вспоминает София Сергеевна Правдолюбова	231
вспоминает Елена Анатольевна Правдолюбова	244
вспоминает Лидия Анатольевна Правдолюбова	286



*Прославленный в лике святых исповедник Сергей Правдолюбов с семьей*



вспоминает протоиерей  
Владимир Сергеевич Правдолюбов

### *Что за Касимов?!*

Слышал я о необыкновенном священнике отце Иоанне Крестьянкине, в частности о его прозорливости, задолго до его приезда в Касимов. Это были 60-е годы прошлого века – разгар хрущевского давления на Православную Церковь. В Касимове у ящика стояла очень властная (особенно по отношению к священнослужителям) и умная женщина – Клавдия Ивановна Потапова. Однажды она чуть не отправила за штат нашего настоятеля (такие права были даны приходскому совету), отца Василия Романова. Через некоторое время то же ждало и нашего диакона, осмелившегося сделать какое-то замечание подруге Клавдии Ивановны. Так что мы жили как в осаде и ждали от нее любого подвоха. И вот, когда отец Василий из-за своего преклонного возраста (86 лет) решил уйти за штат, Клавдия Ивановна спросила меня: «Кто у нас в епархии самый лучший священник, я его буду просить в Касимов». Я ответил: «Лучший – отец Иоанн Крестьянкин, но вам его не дадут». «Дадут!» – уверенно заявила Клавдия Ивановна. И правда, через некоторое время узнаем, что в Касимов назначают отца Иоанна Крестьянкина. Тут Клавдия Ивановна слегка испугалась: «Батюшка-то, говорят, провидущий?» Она готовила ему квартиру с огромным старанием, но отец Иоанн по приезде тут же сменил ее на более просторную в том же доме, так как с ним



*Никольский храм. Касимов*

приехали несколько спутников, которые, сменяя друг друга, были его основными помощниками. Помогали в ремонте церкви, обновлении ризницы и украшении храма к праздничным дням.

Дело в том, что исполком запретил нам что бы то ни было делать в церкви, никаких ремонтов. И церковь пришла в ужасное, так сказать, состояние – и грязно, и запущенно. Конечно, что могли, делали. А отец Иоанн за год все обновил – и снаружи ремонт, и внутри ремонт. Он с такой любовью всех принимал, ту же самую старосту нашу и ее «сподвижников», он всех любовью своей покрывал, и все потом готовы были ему помогать. Он очень интересно это обосновал: «От внутреннего, – говорит, – надо идти к внешнему, то есть от любви сердечной стараться благоустроить храм, и от внешнего к внутреннему». Отцу Иоанну хотелось, чтобы все было изящно, красиво. Он очень ценил внешнее и оценивал его с точки зрения внутреннего – то есть мы должны устроить все так, чтобы в храме было лучше, чем где бы то ни было, и тогда это вернется к нам радостным благоговением. И для него очень характерно было внимание к деталям.

По просьбе отца Иоанна приезжал какой-то московский специалист по калориферному отоплению, осмотрел все, говорит: «Восстановить можно, и будет работать очень хорошо, но каждый год вы будете меня вызывать, чтобы его чистить». Отец Иоанн подумал и говорит: «Каждый год вызывать трудновато. Нет, давайте проводить водяное». Водяное отопление он провести успел: его была организация процесса, а староста деньги давала. Церковь одна на огромную округу, бога-

тая, но староста все деньги обычно пускала не на церковные нужды. Как-то я пожаловался отцу Иоанну: «Что делать, у нас старосты, которые все деньги к себе тянут», а отец Иоанн отвечает: «Ты стоишь пред престолом и молись Богу. А Святитель Николай обычно около ящика стоит и на них смотрит, пускай он с ними и разбирается». И вдруг наша староста все деньги буквально «швырнула» на церковь, так прониклась к отцу Иоанну. И церковь за год обновилась. Отопление сделали, проводку – осталось только подключить. Но отец Иоанн уехал, старосту тут же сняли и запретили доделывать. Так и стояли у нас эти батареи, неподключенные, лет десять.

Кстати, немногие знают, что отец Иоанн открывал Троице-Сергиеву лавру. Дело в том, что Лавра была возобновлена по настоянию властей, поскольку им нужно было иметь место, которое можно было бы показывать иностранцам. Это было в 1946 году. Собрали четверых человек, среди них был и отец Иоанн. Потом его убрали – для Лавры не годился, очень уж большой авторитет у него был на приходе в Измайлове. А вскоре его арестовали.

Немного отец Иоанн рассказывал о годах своего заключения. Но кое-что можно вспомнить.

Был у нас такой батюшка, отец Евгений Климентовский. Его, как и всех священников, вызывали в органы, стращали всячески. И вот однажды пригласили его в определенное учреждение и, чтобы он «передрожал», так сказать, посадили на деревянный диван с ручками и спинкой и долго не вызывали в кабинет. Он сидел-сидел, потом снял с себя верхнюю одежду, положил под голову, улегся и заснул.

Выходят: «Старик, ты чего спишь?» – «А что, разве нельзя?» – «Неужели ты не боишься?» – «А чего мне вас бояться, вы ребята хорошие, я к вам привык». – «Иди отсюда, старик!»

Когда я отцу Иоанну это рассказал, он говорит: «У меня подобная была история: когда меня взяли в тюрьму, там оформление длилось очень долго – водили то туда, то сюда, в разные стороны... Я совершенно измучился. И вот завели меня в какую-то камеру: голые стены и бетонное возвышение посреди, – а сами куда-то ушли. Я лег на это бетонное возвышение и, совершенно измученный, заснул».

Еще рассказывал про свой первый банный день в тюрьме. Там два бака было, в одном из них сидит вор в законе, прямо внутри, и моется. А всем остальным выдавали по кусочку мыла и по шайке воды. «Мне-то, – говорит отец Иоанн, – шевелюру мою оставили. Я это мыло и шайку воды использовал для того, чтобы намылить голову. Говорю: "Дайте мне водички еще". – "Не положено". – "А что же я буду делать?" – "А что хочешь". – "Батя, ты чего там? Иди сюда!" – это вор в законе голос подал. Иду. "Давай шайку". Черпает – дает: "Используйшь, приходи еще". Так я первый раз в тюрьме помылся».

О годах заключения отца Иоанна есть упоминание у Солженицына: священник, который был посажен только за то, что к нему сходилась московская молодежь, отец Крестьянинов. Дословно не помню, но что-то подобное: увидели мы человека, который пришел, развязал котомочку, достал хлеб и говорит: «Не угодно ли?» Это солженицынские воспоминания, я читал, но не помню сейчас где.



*Фото из следственного дела священника Иоанна Крестьянкина. 1950*

И вот через некоторое время после освобождения из лагеря отец Иоанн стал служить у нас, в Рязанской епархии. В Рязанской епархии ему больше года не давали служить ни на одном приходе, постоянно переводили – боялись, что он обрастает духовными детьми. Но как раз все эти приходы собрали ему множество духовных детей. Потом, когда он в Печорах был, вся эта гурьба туда ездила.

В нашем храме отец Иоанн был настоятелем. Сначала он не очень хотел сюда идти, но когда узнал, что, если он не пойдет, закроется штат священников, то пошел. Ведь я, когда поступил на службу сюда, был четвертым свя-

щенником, последним. Потом стал третьим последним, потом вторым последним. Грозило, что я останусь первым и последним. От такой беды и избавил отец Иоанн наш храм согласием у нас служить.

За время своего пребывания в Касимове – с 30 января (день Трех святителей) 1966 года по 2 февраля (Сретение Господне) 1967 года – отец Иоанн обновил храм внутри и снаружи. Летовские монахини пошили облачения недостающих цветов – эти облачения живы до сих пор и так и зовутся облачениями отца Иоанна. К Плащанице его духовные дети привезли из Москвы живые цветы – и с тех пор и доньше обычай украшать Плащаницу живыми цветами живет в церквях города Касимова. Правда, таких роскошных цветов нам больше привозить не удавалось.

Отец Иоанн очень заботился о чистоте в церкви, и, когда в очередной раз ликвидировал завалы грязи, которые создавала жительница сторожки – некая Зинушка (теперь монахиня), он, потрясая руками, сказал ей слова, сохранившиеся в нашем обиходе до сих пор: «Зинушка, если ты юродствуешь, скажи, кто тебя благословил!»

В нашем храме довольно сильными были традиции уставной службы, грамотного чтения и пения. Но и во все это отец Иоанн вносил особую вдохновенность. Например, в 4-й день предпразднства Рождества Христова у нас поют Турчанинова «К Тебе утреннюю...». Отцу Иоанну это пение так понравилось, что он распорядился (тут же, по ходу дела) исполнить «Достойно есть» в конце канона таким образом: он сам прочитал «Достойно есть яко воистину блажити Тя,



*Схиигумен Серафим (Романцов), от которого отец Иоанн принял монашеский постриг*

Богородицу, Присноблаженную и Пренепорочную и Матерь Бога нашего», а хор должен был еще раз пропеть турчаниновское «Честнейшую». И этот обычай закрепился в нашей церкви. Сам отец Иоанн пел очень хорошо. Воодушевленно, энергично, с чувством. Мы с ним и вместе пели – он первым голосом пел, а я вторым.

Отец Иоанн ввел у нас практику общих Соборований. До этого считалось, что собороваться можно только в серьезной болезни. И вдруг отец Иоанн – своей властью настоятеля – вводит общее Соборование. Меня это очень сму-



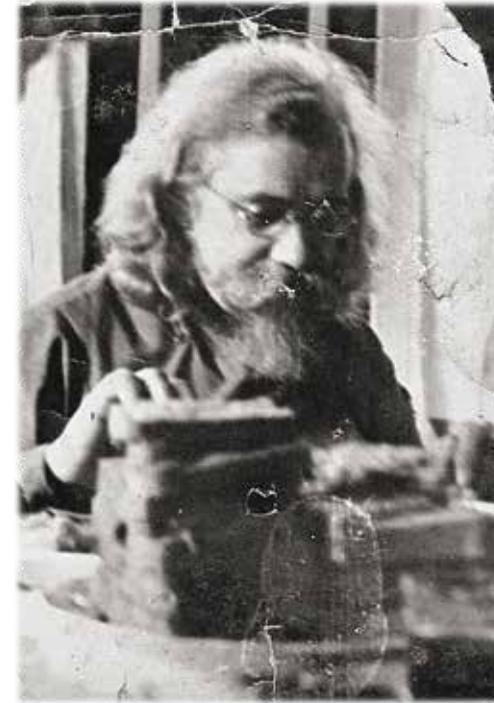
*В гостях у матушки Лидии Правдолюбовой. Отец Иоанн называл это «Касимовский синод»*

щало. И я хотел поехать к отцу Серафиму (Романцову) спросить, как быть? Но у меня не было возможности поехать: наступил Великий пост. И вдруг получаю от отца Серафима поздравление с Крестопоклонной неделей – неожиданно, никогда до этого никаких поздравлений не получал. Там текст какой-то душеполезный, и его личная приписка: «Отец Владимир, кто у вас там служит? Если отец Иоанн Крестьянкин, передай ему привет – это мой друг. Недостойный Серафим». С получением этой записки все мои сомнения рассеялись.

Отец Иоанн говорил непривычные для нас длинные проповеди, очень, конечно, хорошие. Но некоторым их длинота не нравилась, и кое-кто в народе роптал. Я причащал на дому свою хорошую знакомую, которая по старости в церковь уже не ходила. Потом, за чашкой чая, разговорились о новом священнике, и она сказала, что он слишком долго проповедует. Я взял у нее в переднем углу Новый Завет и прочитал в Деяниях апостолов, как в Троаде в воскресный день апостол Павел «продолжил слово до полуночи», как упал и разбился задремавший юноша Евтих и как Павел, воскресив его, продолжил слово «даже до рассвета». Потом говорю: вот как апостолы служили, а вы испугались – слишком долго проповедует. В следующий воскресный день отец Иоанн превзошел самого себя размером проповеди, а потом, давая крест клирошанам, сказал моей сестре Соне: «Здесь с окошка никто еще не упал?» А она – в тон ему: «А разве уже полночь?»

Несмотря на недавнее тюремное заключение, отец Иоанн действовал без оглядки на власти и очень смело проповедовал. Помню из его проповеди фразы о безбожниках: «Ладонью Солнце не заслонишь!», «Хотят веру похоронить! А вместо этого их хоронят!».

Однажды я исповедовал во время поздней литургии. Среди кающихся была женщина, сделавшая аборт. И хотя она обещала, что больше этого не будет, у меня осталось сомнение в том, что она прочувствовала тяжесть своего греха. С такой смутой сердечной пошел крестить в сторожку. Возвращаюсь – гремит проповедь отца Иоанна:



*«Современные постники». Трапеза в доме отца Анатолия Правдолюбова*

«Чашу с кровью убитого младенца дадут пить матери-убийце!» Я думаю про себя: «Благодарю тебя, отец Иоанн, что пронял мою исповедницу».

Отцу Иоанну было не чуждо чувство юмора. Он сам рассказывал про свои длинные проповеди такую историю. Однажды в каком-то храме он проповедовал. Священнослужители слишком быстро причастились



*С отцом Виктором Шиповальниковым*

в алтаре, и отец Иоанн не успел договорить то, что приготовил. Из алтаря вышли ему сказать, что пора заканчивать проповедь. Он сказал: «Сейчас, сейчас», – а сам «продолжил слово». В алтаре достаточно шумно открыли и закрыли завесу. Но отец Иоанн продолжал говорить. Наконец из алтаря стали тянуть ковровую дорожку, лежавшую на амвоне под ногами отца Иоанна; а он по мере ее движения переступал – и продолжал говорить. Чем кончилось – не знаю. В этой связи мне вспоминается случай с замечательной проповедью в академическом храме МДА профессора протоиерея Александра Ветелева о праведном Филарете Милостивом. Как же было досадно, когда из алтаря вышел иподиакон и шепнул отцу Александру, что пора заканчивать говорить. Он оборвал проповедь на полуслове и, поникнув, ушел в алтарь.

Еще о юморе. В Сынтуле, в гостях у протоиерея Анатолия Правдолюбова, отца Иоанна сфотографировали так, что он был загорожен тарелкой, на которой горкой лежали кусочки черного хлеба. Увидев эту карточку, отец Иоанн сказал: «Вот какие мы, современные постники!»

Там же угощали черной смородиной. Отец Анатолий говорит: «Это очень полезная ягода! Четырех ягод (или, может быть, десяти, не помню) достаточно, чтобы получить суточную дозу витамина С». Отец Иоанн тут же отозвался: «А я уже больше съел! Что же теперь делать?» Еще он говорил: «Не везло мне с сослуживцами! Служил в Летове с отцом Иоанном Смирновым (впоследствии – владыка Глеб). Прихожане звали нас: отец Иоанн боль-

шой и отец Иоанн маленький. Служил в Троице-Пеленице с отцом Иоанном Косовым. Прихожане говорили: отец Иоанн молодой и отец Иоанн старенький. Так и был я – то маленький, то старенький». Рассказывал, что, когда они путешествовали с величественным отцом Виктором Шиповальниковым, отца Иоанна считали его носильщиком.

Вспоминал интересный эпизод из их совместных путешествий. Однажды после службы они были на каком-то парадном приеме. Рядом с ними сидел некий иеромонах из ОВЦС. Этих иеромонахов за их частые полеты за границу какой-то остролов прозвал «аэромонахами» – от слова «аэро», то есть воздух. Этот «аэромонах» восторженно рассказывал о своем Отделе. Отец Виктор важно протянул: «Да! Сие море великое и пространное!» Отец «аэромонах» продолжал свою восторженную речь. Отец Иоанн, увидев, что собеседник не понял смысла слов отца Виктора, тихонько промолвил: «Тамо гади, ихже несть числа». «Аэромонах» взорвался: «Какие гады?» Отец Иоанн сказал: «Я только продолжил псалом: "Сие море великое и пространное; тамо гади, ихже несть числа, животная малая с великими!"» (Пс. 103, 25).

Очень любил отец Иоанн рассказывать про владыку Онисифора Калужского. Когда владыку назначили на Калужскую кафедру, он, приехав в Калугу, пришел в собор на службу в порыжевшем пальтишке и со свертками, в которых были жезл и другие предметы, необходимые для архиерейской службы. Стоит владыка среди молящихся, а мимо пробегает матушка-алтарница, и нагла-

женные ленточки ее апостольника развеваются сзади. Владыка остановил ее и сказал: «Матушка, передай записочку отцу настоятелю». «Да ну вас, отстаньте!» – отозвалась матушка и полетела дальше. Пробегает второй раз: «Матушка, очень важно, передай записочку отцу настоятелю». «Наш настоятель очень строгий и проходимцев не любит!» – был ответ. Пролетает третий раз – и опять: «Матушка, передай записочку!» – «Да ну вас, надоели! Давайте!» Пробежала в алтарь, а оттуда еще быстрее: «Владыка, простите, я не знала!» – «Ничего, ничего, забери эти узлы и приготовь все – вечером будет архиерейская служба!» Так владыка вступил на Калужскую кафедру. Пищу – самую неприхотливую – он готовил себе сам и сам ходил в магазин за продуктами. Стоит в овощном магазине в очереди за картошкой – женщины узнают его и говорят: «Владыка, проходите без очереди!» Он отвечает: «У вас дела, у вас семьи, а я подожду».

Слышал я о том же архиерее и от владыки Питирима. В хрущевские времена владыки друг другу жаловались на произвол старост, а владыка Онисифор молчал. Наконец его спрашивают: «Владыка, а у вас-то как?» – «Как всюду: старосты смотрят на священника гордым оком, а на ящик – несатым сердцем». И еще одна история: владыки, которые ездили за границу, хвалятся друг перед другом: «Вот я себе очки в Берлине купил», «а я – в Копенгагене». Тут владыка Онисифор тоже вынимает свои очки: «А я на толкучке, в Калуге, за три рубля купил – хорошие, надежно служат», – такие старинные, в железной оправе, круглые.

Еще отец Иоанн вспоминал, что владыка Онисифор ездил по своей епархии и служил в самых глухих приходах. Однажды произошел такой характерный случай. Как-то он служил в церкви, деревянный пол которой был, по счастью, близок от земли. По счастью – это потому, что во время возглашения «Призри с Небеси, Боже, и виждь...» под владыкой на амвоне подломился пол, и облако пыли скрыло владыку от глаз молящихся. Принесли доски, настелили и кое-как закончили службу. После нее владыка перевел настоятеля на другой приход, а туда послал энергичного отца Дорофея – сослуживца отца Иоанна по Троице-Пеленице. Через год в отремонтированной церкви вновь совершалась архиерейская служба – и на нее был приглашен отец Иоанн Крестьянкин. Перед службой владыка в сторожке обсудил с отцами порядок службы и увидел в окно – в пижаме на мотоциклете едет священник из соседнего прихода. Владыка послал келейника: «Скажи этому стилигае, пусть едет обратно». Тот, как ни в чем не бывало, развернулся и уехал обратно. На встрече владыки в храме красноречивый отец Дорофей сказал приветственное слово. Ответ был таким: «Прости, отец настоятель, не могу тебе ответить, меня этот стилига расстроил. Давай начнем служить!» В конце службы владыка приветствовал молящихся такими словами: «Возблагодарим Господа Бога за Его великие к нам милости! Вы помните, как я у вас в прошлом году провалился под пол? А теперь заботами отца настоятеля и приходского совета церковь приведена

в порядок. Возблагодарим Господа Бога за Его великие к нам милости». Сквозь юмор рассказа просвечивало благоговейное уважение отца Иоанна к смиренной простоте владыки Онисифора.

Да и сам отец Иоанн при всей своей известности всегда избегал напускной значительности. Об этом говорит такой случай. Моему сыну Андрею во время пребывания у нас отца Иоанна исполнилось четыре года. Мама отдала ему ручные часы, которые перестали ходить. Он очень гордился подарком. В церковь ему запрещали их надевать. Но он ухитрился надеть. И вот что из этого получилось. За всеобщей отец Иоанн стоял у праздничной иконы и помазывал. Народу осталось немного, и с клироса поглядывали – как бы не опоздать. И вдруг движение застопорилось. В чем дело? Прислушались. Детский голосок что-то пищит, а отец Иоанн наклонился, всплескивает руками и качает головой. Оказывается, Андрей показывал отцу Иоанну свои часы, а отец Иоанн восхищался ими.

С Андреем связана еще одна история. Моя мама занималась с моими старшими детьми Законом Божиим, а Андрей, играя, при сем присутствовал и, оказывается, запоминал. Обычно мы после службы провожали отца Иоанна до его квартиры, что занимало довольно много времени, так как по пути его останавливали люди и спрашивали у него совета и благословения. В этот день мы шли с ним долго от алтаря до паперти, а на паперти нас дождалась моя матушка с детьми. На паперти после очередного ремонтного действия осталась приставная лестница. Наш озорник



*Пасха в Сытуле*

Андрей забрался на нее и, рискуя сорваться, на ней крутился. Маму он не слушался. Я вышел на паперть, говорю ему: «Прекрати!» Никакого внимания. Вышел отец Иоанн: «Андрюша, как надо относиться к родителям?» – «Я знаю! Чти отца твоего и мать твою, да благо ти будет и да долголетен будешь на земли!» Несколько удивленный отец Иоанн сказал: «Оказывается, ты знаешь! Ну а как с исполнением?» Мне показались слова отца Иоанна несколько сложными для младенца, но он, оказывается, все понял, вздохнул, сказал: «Надо стараться», – и осторожно стал спускаться с лестницы.

Пригласил нас отец Иоанн к себе на Пасху – мы обычно, духовенство, друг к другу на Пасху, на Рождество, на дни Ангела ходили – и оказалось, что это его день Ангела. А мы не знали и огорчились. Я говорю: «Как же мы не знали, что у вас день Ангела-то? Проворонили». Он отвечает: «Ну какой у меня Ангел? Он сидел в колодце, и никто о нем не знал». А святой, в честь которого было дано имя отцу Иоанну при крещении, – преподобный Иоанн Пустынный – действительно где-то спасался в сухом колодце в неизвестности. Такой легкой шуткой отец Иоанн нас утешил в том, что мы не знали об этом дне и не подготовились его поздравить.

А на Рождество матушки Нина и Мария пели: «Я умом ходила в город Вифлеем». Такая колядка большая и очень трогательная: «О чем плачет маленький Христос? – Плачет, что не любят дети их Творца, и сквернят грехами души и сердца». Матушки наши поют, а у отца Иоанна слезы катятся из-под очков.

У отца Иоанна иногда был такой способ назидания: он не говорил прямо на нужную тему, а ходил вокруг да около, и только потом, осмысливая то, что было сказано, собеседник понимал, что он получил исчерпывающий ответ на свои вопросы. И, кроме того, было сказано то, о чем собеседник отца Иоанна говорить не думал, но что нужно было для его души, так что и обличение воспринималось легко, так как осмысливалось уже после разговора. Так было, например, с Наташей В., москвичкой с высшим образованием и значительными завихрениями в голове, кото-

рую моя сестра Соня познакомила с отцом Иоанном. После разговора с ним она сказала: «Соня, я ничего не поняла». Соня говорит: «А ты подумай!» И уже после Наташа поняла, что ей сказали все, о чем она спрашивала, и что-то, о чем она и не хотела спрашивать. Этой Наташе отец Иоанн сказал: «Ты очень близка к Царству Небесному!» Она ответила: «Что вы, вот Соня – она действительно близка!» Отец Иоанн возразил: «Мы с ней дальше от Царства Небесного, потому что с нас больше спросится».

В этой связи вспоминается такой случай. После окончания Академии отец Дамиан Круглик некоторое время был без места и практиковался в Касимове. Однажды на поздней он крестил в сторожке. Прибегает взволнованный: «Отец Владимир, что делать – крестная оказалась неверующей. Она пришла уже во время крещения, и я до крещения не спросил ее о вере, а потом оказалось, что она – неверующая». Я пошел за ним в сторожку и вижу девицу, старающуюся не терять форму, но явно растерянную, а около нее – разгневанного отца Дамиана: «Как вы смели – неверующая! – прийти на таинство крещения, да еще стать крестной». Ошеломленная таким натиском, девица пыталась оправдаться казенными аргументами антирелигиозной пропаганды. Я в нескольких словах сумел доказать ей абсурдность ее утверждений и привел ее к молчанию. Обеспокоенный нашим отсутствием, в сторожку пришел отец Иоанн, вникнул в дело, понял, что его сослуживцы вдвоем девушку совершенно заклевали, отвел ее в сторонку и стал ей на ушко что-то говорить. Из того, что мы услы-

шали, стало ясно: он говорит ей, что она на самом деле верующая, но пока сама этого не знает.

Мою матушку Нину родные уговаривали поработать, чтобы иметь хоть частичный стаж для пенсии. А тут рядом с нашим домиком в ателье кассир попросила Нину поработать за нее, так как она два года не была в отпуске. Нина согласилась и оформилась. И вот ее встречает отец Иоанн и говорит ей: «Ничего не понимаю: матушка Мария Борисовна (Шиповальникова) бросает работу, чтобы детей воспитывать, а матушка Нина Ивановна, наоборот, на работу устраивается!» Она говорит ему: «Отец Иоанн, это ради пенсии!» Он отвечает: «Не беспокойтесь, будет у вас пенсия!» И правда – при сменившейся власти ей начислили пенсию как певчей церковного хора.

Отъезд отца Иоанна из Касимова был довольно своеобразным. Он пригласил нас с Ниной проводить его до Рязани. Мы летели на 11-местном самолете-кукурузнике меньше часа. Я перед полетом, чтобы не страдать от морской болезни, принял таблетку пипольфена (кажется, так называется препарат), который обладает и снотворным действием. Отец Иоанн спросил меня, что я принял, – и тоже принял такую таблетку. В самолете он предложил принять еще по одной таблетке, что мы и сделали. И среди разговора – отец Иоанн давал мне напутствие как новому настоятелю – чувствую, что у отца Иоанна заплетается язык и его голова клонится на мое плечо – он засыпает! Но тут уже Рязань (точнее, Турлатово) и надо выходить из самолета. Отца Иоанна встречают. К автобусу по тропинке отец Иоанн

еле шел впереди меня. Слышу, сзади говорят: «До чего же отца Иоанна довели в Касимове, как он, бедный, одряхлел».

В Рязани отец Иоанн нас отправил к отцу Виктору Шиповальникову, а сам – ненадолго – поехал навестить сотрудников Скорбященского храма. У отца Виктора находились отец Иоанн Косов и матушка Зоя с детьми – они приехали из Троицы-Пеленицы попрощаться с отцом Иоанном, и им в тот же день нужно было отбыть обратно. А отца Иоанна все нет и нет. Звоним (конечно, не я, а отец Виктор) в Скорбященский храм – говорят: отец Иоанн прилег отдохнуть и так крепко заснул, что не можем его добудиться. Так подействовал пипольфен. На меня он подействовал позже. Утром меня будит какой-то священник и целует меня. Я, будучи сонным, вообразил, что еще какой-то батюшка приехал проститься с отцом Иоанном, покивал и снова заснул. Как же я был огорчен, когда, проснувшись, узнал, что это отец Иоанн прощался со мной перед отъездом.

Да, много тягот было, но отец Иоанн умел все воспринимать со смирением и нас этому учил. Через некоторое время после его отъезда у нас в Касимове поднялась буря, что это я удалил отсюда отца Иоанна, что я его «съел». Вот я весной поехал в Печоры, говорю ему: «Батюшка, там говорят, что я вас съел». Он меня потрепал по плечу и говорит: «А сюда доедать приехал».

На самом деле отец Серафим (Романцов) благословил отца Иоанна на поступление в монастырь. Именно я и привез ему это известие из Сухуми. А отец Иоанн уже с этим

благословением обратился к Святейшему Патриарху, и тот тоже благословил. Но интересно, что, когда он получил благословение Святейшего на поступление в монастырь, в Рязани уже был готов указ о переводе его в Городище, то есть ему дали служить в Касимове только год. А против Святейшего наши уполномоченные сделать ничего не могли – «лапки подняли» и отпустили отца Иоанна в Печоры.

За год в Касимове отец Иоанн приобрел себе многих духовных детей. И они впоследствии стали довольно часто ездить в Печоры, так что один печерский иеромонах говорил мне: «Что это за Касимов такой! Все время из него в монастыре кто-то есть. Уж переносите его сюда – за Святую горку».

Мы сами не часто беспокоили отца Иоанна своими приездами в Печоры. Но все значительные шаги в жизни моих детей совершались по его благословию. И – слава Богу! – у моих детей и в семейном, и в служебном плане дела обстоят благополучно.

Доброе отношение отца Иоанна к людям и его искренняя вера были той живой проповедью, которая красноречивее всяких слов. Он многих привлек в Церковь, в частности отца Анатолия Культинова (теперь это архимандрит Афанасий в Кадоме). Отец Анатолий тоже был нашим прихожанином. Он стал ходить в церковь, как раз когда у нас служил отец Иоанн. Сильный импульс дал ему отец Иоанн.

Насколько я помню, Анатолий служил вторым штурманом на речном флоте. Это был предел карьеры для беспартийного, потому что первый штурман – это парторг. Тогда,

если ты не член партии, то первым штурманом не будешь, а капитаном тем более. А до второго штурмана он дослужился. Он был верующим человеком, да только церкви у них в деревне не было. Когда он женился на касимовской девушке, Зое, то вместе с ней стал ходить в храм. Потом он мне рассказывал: «Я стоял в церкви, и народ мне по плечо... высокий я. Мне казалось, что все на меня смотрят. Я ничего не понимал в службе, и задача у меня была – выстоять. Но отец Иоанн так служил, что когда я приходил домой, то у меня была невыразимая радость на душе... Вот теперь я священник, окончил семинарию, разбираюсь в службе и радостно служу. Но той радости, которую имел тогда, уже не ощущаю».

Анатолий решил стать священником, поступить в семинарию. В детстве он облокотился о горячую печку и повредил левую руку, поэтому получил «белый билет». Он рассчитался в речном флоте и подал заявление в Московскую духовную семинарию. И вот, когда нужно было ехать на экзамены, ему пришла повестка из военкомата. В военкомате его продержали ровно столько, сколько продолжались экзамены, и отпустили с тем же «белым билетом». Он поехал в семинарию. Там говорят: «Нельзя, опоздал, кончились экзамены». Он приехал, без работы... А у нас тогда не было водяного отопления: при отце Иоанне стали делать водяное отопление, но до конца не довели. Десять лет нам не давали закончить его устройство. Приходилось топить печи. Вот будущий отец Анатолий, Толя Культинов, и трудился истопником. Тогда же они с отцом Иоанном Косовым, который стал у нас служить,

стали промывать своды. Одновременно учился Анатолий клиросному послушанию.

Однажды он сказал отцу Иоанну (Крестьянкину): «Жалею, что женился, надо было мне в монахи идти». Отец Иоанн засмеялся и говорит: «Никто не хочет своего подвига нести. Мирские люди в монастырь рвутся, а монахи жениться рвутся».

Анатолий был истопником довольно долго, потому что никак не могли пробить его рукоположение. Решили так: семинария для него закрыта, пока он не в сани, – надо, чтобы он был диаконом, осваивал службу и дальше уже мог поступить заочно. Но рукоположение тогда было делом непростым.

В то время уполномоченные Совета по делам религий при Совете Министров СССР были коммунисты, которые наблюдали за Церковью и старались свернуть ее деятельность. Отношения с уполномоченными в советское время – это, конечно, целая история, и очень интересная. Приведу ее здесь, поскольку отцу Иоанну тоже немало пришлось пообщаться с уполномоченными. Это реалии нашей жизни в то время.

На моей памяти уполномоченных в Рязани было три: некий Ножкин, затем Малиев и Борисов. Ножкин и Борисов были ласковые люди, причем ласковость их оказывалась временами весьма зловредной. Но очень интересно, как Церковь их перевоспитывала. Если кого из священников вызывали в епархию, обязательно сначала к уполномоченному. Например, Борисов, последний

уполномоченный, помню, со мной разговаривал таким тоном, что создавалось ощущение, будто мы с ним «культурные» люди и отлично понимаем, что вера – это чушь. Я даже и не понял, как это получилось, как ему удалось соткать такую атмосферу. Ведь это своеобразное искусство. Я только почувствовал, что словно паутиной опутан. Пришлось мне говорить ему, что я – верующий человек и таких вещей не принимаю. Что было дальше с Борисовым, не знаю, он у нас работал совсем недолго – уполномоченных упразднили.

Ножкин, первый уполномоченный, с которым я был знаком, начинал точно так же. Но потом стал в храм ходить, стал всячески помогать Церкви преодолевать разные сложности. Впоследствии он так подвел итог своей деятельности: «Слава Богу, по моей вине ни одна церковь не закрыта, ни один священник не уволен». Очень ярким типом был второй уполномоченный моего времени – Малиев. Это был чекист, которого трясло не только при виде священника, но и при одном упоминании о священнослужителе.

Так вот, мы с Анатолием в очередной раз поехали в Рязань. Владыка Борис говорит ему: «Тебе надо идти к уполномоченному. Не получается у меня тебя протолкнуть». Пришел Анатолий к уполномоченному, рассказал, кто он такой. Уполномоченный с ним очень мило поговорил, потом открыл средний ящик письменного стола и ушел. Анатолий недоумеваает: зачем это нужно? Через некоторое время тот пришел, поглядел в стол, закрыл ящик, стал

его ругать и выгнал. Совершенно ясно стало, что уполномоченный требует денежного поступления, чтобы Анатолий стал диаконом. Тут мы задумались: что делать, как быть? И дошел до нас слух, что тумская староста, матушка Варвара, имеет свободный доступ к уполномоченному. Она говорила: «Они у меня все в кармане сидят». Эта матушка Варвара рассказывала такой случай. Пришла она к уполномоченному на пасхальное сорокодневие и говорит: «Христос воскрес!» «Ты что, – отвечает, – бабка, с ума сошла? Сейчас милиционера вызову. Посадят!» Она ему показывает кукиш: «Вот получишь!» «Ну, тогда, – говорит, – воистину воскрес». Эта матушка Варвара и «пропихнула» отца Анатолия в диаконы.

При владыке Борисе была дана установка властей – не рукополагать новых священников. Диакона – еще можно, священника – ни в коем случае. А у нас священники умирали один за другим, все ведь старенькие – скоро и служить было бы некому. И вот в Рязани скончалась мама владыки Никодима Ленинградского. Владыка Никодим приехал в Рязань на похороны и говорит владыке Борису: «У вас есть кого рукополагать? Можно двоих. Я служить буду в Борисоглебском соборе литургию и отпевание, а на другой день в Скорбященском храме отслужу литургию». «Да, – отвечает владыка Борис, – диаконы есть, но рукополагать не дают». Владыка Никодим взял личные дела этих диаконов, одним из которых и был отец Анатолий, – и к уполномоченному. Потом секретарша уполномоченного, которая нам иногда потихонечку

рассказывала, что там делается, говорила, что они два часа друг на друга кричали. И в конце концов владыка Никодим добился рукоположения. В день похорон своей матери он рукоположил диакона Анатолия Культинова во иерея.

От этой же самой секретарши мы знали, что у них обязанность была ходить в церковь, чтобы вылавливать, анализировать, чем можно ужать, притеснить священника или кого-нибудь из прихожан. Уполномоченный ей говорил: «Вы пореже ходите в церковь, по себе знаю – затягивает». А мне он говорил: «Вы знаете, имейте в виду, что в церкви находятся люди, которые проверяют ваши проповеди на предмет того, чтобы вас на чем-то поймать. И люди некомпетентные. Поэтому будьте предельно четким и ясным в вашей проповеди и не задевайте запретных тем. Чтобы не было двусмысленности, не было к чему прицепиться». Вот такая интересная вещь: центральные установки на местах исполнялись с послаблениями, потому что люди сочувствовали Церкви. Это уже, конечно, в переходный период. Раньше были ревностные борцы с Православием. А потом все это стало размываться, начали понимать, что не туда заехали.

Так что история Церкви наполнена скорбями, но все они – во спасение. Неисповедимы пути Господни. Нередко Бог самым неожиданным образом творит волю Свою. Потому отец Иоанн любил повторять: «Верьте Богу!»

В заключение – рассказ моего сына Михаила об одной из его поездок в Печоры. Он пришел в монастырь и увидел,

что Успенский собор открыт. Решил приложиться к чудотворной иконе Успения Божией Матери и мощам преподобномученика Корнилия. Пришел – а там отец Адриан отчитывает бесноватых. Картина жуткая! Миша тут же вышел. Вскоре вышел и отец Адриан – серое от усталости лицо, потухшие глаза, картина полного изнеможения. Дошел до лестницы, ведущей в его келию, и остановился, не имея силы идти дальше. Тут из Сретенского храма вышел народ, а среди него – сияющий отец Иоанн: с тем поговорит, того благословит – обычная картина. Вдруг отец Иоанн увидел отца Адриана и сразу понял его состояние. Властно раздвинув толпу, отец Иоанн подошел к отцу Адриану – они расцеловались – и что-то стал говорить ему на ушко. На глазах у всех отец Адриан совершенно изменился – ожили глаза, просветлело и даже порозовело лицо – и, поговорив с отцом Иоанном, он бодро и радостно пошел в свою келию. Поистине «брат от брата утверждаем, яко град непоколебим».

«Суть же и ина многа...»



*Отец Иоанн и отец Анатолий Правдолюбов*



*С братьями-священниками Правдолюбовыми. Касимов*



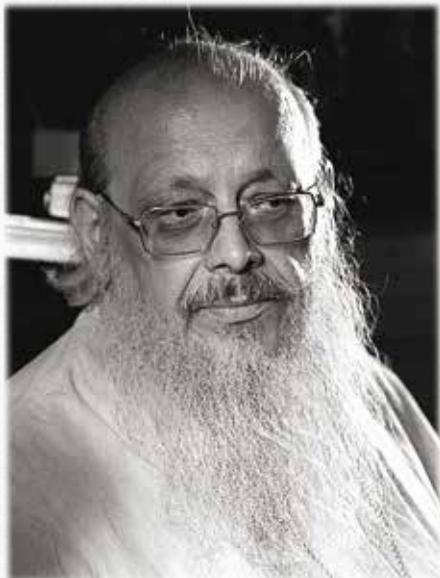


*Отпевание почившего отца Иакова Цветкова. Касимов. 1967*



*Молитва по усопшему собрату отцу Иакову. Касимов. 1967*





вспоминает протоиерей  
Сергий Анатольевич Правдолюбов

*О служении отца Иоанна  
в городе Касимове в 1966–1967 годах*

Самые ранние мои воспоминания об отце Иоанне относятся к 1966 году. Мне тогда не исполнилось и шестнадцати лет.

Я стою в теплый весенний день на лесной опушке. Кажется, на повороте в сторону Касимова. Стою с отцом и его братом, отцом Владимиром. Они ходят, шурша прошлогодней листвой, ждут автобуса, который ушел в Сынтул и скоро вернется. Беседуют как два философа. Тема разговора – новый настоятель в Касимове, как все у него необычно. Не в прелести ли он? А какие признаки прелести? Спокойно, не торопясь, вдумчиво рассуждают. Подходит автобус, и философы разлучаются.

Позднее отец Анатолий всем сердцем принял отца Иоанна, полюбил его, избрал себе в духовные руководители, признал в нем подлинного старца, хотя отец Иоанн никогда себя старцем не называл. Отец Анатолий перед своей смертью «подвигом многим подвизался», чтобы сбылось предсказание отца Иоанна о том, что он повенчает всех своих сыновей. А отец заболел, и заболел к смерти. Венчать он уже физически не мог. По-человечески можно было объяснить, что все меняется, что слово было сказано давно, и духом

отец Анатолий будет, конечно, в храме, а телом не смог, и так далее... Но здесь проявилась во всей полноте безусловная вера в слова старца и послушание старцу даже не до смерти, а «через смерть»: пусть смерть отложится, а я должен выполнить сказанное слово. Как у древних! Младое поколение вряд ли сможет повторить такие сверхподвиги. Об этом я расскажу подробнее, а пока о Касимове.

Помню отчетливо приезд в Касимов схиархимандрита Серафима (Романцова), которого отец Иоанн очень почитал. Помню длительную беседу с батюшками, на которой присутствовал и мой отец. Помню, с какой бережностью говорил отец Серафим со служителями Престола Господня и отвечал на вопросы моего отца, тогда уже почти совсем седого.

О детях:

– Держите детей поближе к церкви, чтобы они участвовали в пении, в подавании кадила и прочем. Потому что когда они вырастут и отойдут от Церкви, то Бог за их отроческие и юношеские труды в храме обязательно вернет их назад.

О слове священника:

– Пожалуйста, не говорите со своими прихожанами в повелительном наклонении и избегайте четких требований в чем-либо. А лучше советуйте: «Можно сделать вот так-то, а вот некоторые поступали вот так-то. Хорошо бы и вам, если получится, сделать так...» Потому что Бог строго спросит с тех, кто не выполнит слова священника. Уж лучше не спрашивать, а если спросил – выполнять бес-



*Протоиерей Анатолий и Ольга Правдолюбовы с сыновьями  
диаконом Сергием и иереем Феодором*

прекословно. И чтобы не было греха на батюшке, надо стараться говорить советуя, а не повелительно.

Мне эти слова запомнились на всю жизнь, и я стараюсь следовать им.

Помню, как мама и папа еще задолго до приезда в Касимов отца Иоанна провожали лесом отца Серафима в Даньково к иеросхимонаху Макарию (Еременко). Я шел с ними. Мы заблудились. Стало как-то тревожно. Вдруг запел петух – это был край леса перед селом. Обрадовались, но отец архимандрит не велел идти дальше, время-то было хрущевское, могли донести. На опушке леса распрощались. Отец Серафим благословил маму и меня, а с папой попрощался по-священнически. Дальше он пошел один. К сожалению, не помню ничего из бесед папы с отцом схиархимандритом, дивным светильником Глинской пустыни, во время шествия их в Даньково. Помню только, что отец Серафим позднее не однажды приезжал в Касимов и к отцу Иоанну, когда он там служил, и уже без него.

В Касимове долгое время сохраняли в неприкосновенности комнату, которую снимал отец Макарий; когда ее перестроили или разрушили – сейчас не помню, но помню, что отец Серафим скорбел о том, что она не сохранилась.

Приезд в Касимов отца Иоанна стал особенным событием в жизни города и ближайших к нему сел. Нечто похожее было в 1933 году, когда в Касимов приехал и служил в храме Благовещения архимандрит Георгий (Садковский), брат священномученика епископа Игнатия. Архимандрит Георгий, скончавшийся в сане епископа Порховского и почивающий

ныне в пещерах Псково-Печерского монастыря, незадолго до кончины, в 1948 году, писал многолетней регентше правого хора в селе Маккавееве – Александре Михайловне Ермаковой – в Селищи: «В Касимове и умереть бы хотел».

Молитва многолетнего страдальца и узника была услышана. Можно сказать, он вымолил у Бога для нас неоскудевающую помощь Божию в лице нашего дорогого батюшки – отца Иоанна. Епископ Георгий из пещер и отец Иоанн из своей келии воздыхали и воздыхают обо всех нас. Архимандрит Георгий стал духовным наставником моего отца, протоиерея Анатолия, а после своей смерти вымолил заступничество иеросхимонаха Макария (Еременко), схиархимандрита Серафима (Романцова) и, наконец, архимандрита Иоанна (Крестьянкина). Таким образом, духовное руководство великих подвижников благочестия XX столетия с 1933 года не прекращается в нашей семье даже до настоящего времени. Как о великой милости Божией об этом духовном руководстве на погребении отца Анатолия говорил митрополит Симон (тогда архиепископ).

Когда вспоминаешь пребывание отца Иоанна в Касимове, приходят на ум слова из службы великомученику Феодору Тирону: «Кипя веры православием, прелесть угасил еси злославия, упразднив идольское безбожие...» (преп. Феодор Студит, седален по втором стихословии на утрене в субботу первую Великого поста). Да-да, именно так! Все пришло в движение, закипела неустанная деятельность. Во всем был какой-то подъем и горение духа. Из обрывоч-



*Лидия Дмитриевна Правдолюбова*

ных записей моего дневника видно, как то и дело повторялось одно и то же: все бросили, поехали в Касимов, стояли на службе отца Иоанна. Спали на полу в доме у бабушки Лидии, чтобы утром снова быть на службе. Как отвечал через год отец Иоанн на просьбу бабушки сфотографировать его уже в Печорах:

– Фотографировать было некогда! Все горели в любви! Так было и в Касимове.

Подробностей службы в Никольской церкви и настоя-

тельской деятельности отца Иоанна мне никто не рассказывал, только из отрывочных разговоров о том или другом вспоминается что-то неясное. Кажется, самую чтимую икону – Казанскую – отец Иоанн сумел передвинуть на другое место, преодолевая сопротивление старых монахинь, и что-то еще случилось, что считалось невозможным.

Помню чаепития за столом у бабушки Лидии, когда все батюшки собирались и рассказывали друг другу о поездках, о разных случаях из приходской жизни и прочих трудностях. Отца Анатолия отец Иоанн называл «непременным членом Синода». У них было какое-то особое взаимопонимание, ведь они оба были «по одну сторону колючей проволоки...».

Подобное чувство возникает, наверное, еще только у фронтовиков: готовность умереть в одном окопе и братское чувство одной смерти на всех, хранящееся всю жизнь.

Летом 1966 года отец Иоанн приехал к нам в Маккавеево на именины отца Анатолия. Осмотрел церковь и все вокруг. Папу, как именинника, посадил во главе стола, а сам сел сбоку. Фотография отца Иоанна «с хлебом» была сделана мной аппаратом «Смена-8», но она до сих пор мне нравится: в ней поймано что-то характерное.

О беседах и общении за трапезой вспоминаю с грустью: такой простоты, радости, назидания и поучения в союзе мира теперь не найти, ушла в прошлое целая школа возвышеннейшего сотрапезничания. Страдание за Христа и узы нельзя заменить ничем другим: пришло новое поколение – нестрадавших, и мы можем только вспоминать, чему

мы были свидетелями. А как легко казалось, что мы, дети, сможем повторить своего отца, что появится среди нас «новый отец Иоанн», уже нашего поколения, и жизнь будет продолжаться по-прежнему. Вспоминается примечательнейший афоризм древнего подвижника-аскета, который с горечью восклицал: «Я не монах, но я видел монахов!..»

Я не помню в словах отца Иоанна никакой иронии. Отец Анатолий, предлагая свежую черную смородину, говорит гостям:

– Угощайтесь, дорогие гости! В ягоде так много полезного, что достаточно съесть шесть ягод, чтобы получить дневной запас необходимых витаминов для человека.

Отец Иоанн отвечает очень серьезно:

– А что делать, если я съел больше шести ягод?

Все смеются, но никто не чувствует никакой неловкости, наоборот, едят дальше ягоды с аппетитом, кто сколько хочет.

Запомнились проводы дорогих гостей. Последний автобус выезжал из Гусь-Железного, подъезжал к Сынтульскому повороту и, забрав пассажиров, ехал в Касимов. До поворота надо было идти пешком около двух километров. Все касимовские гости вместе с отцом Иоанном двинулись пешком. Шли спокойно, разговаривали. Поравнявшись с мостом, уходящим к деревне Маккавеево, мы увидели, что к повороту подъезжает тот самый автобус, а до остановки на Московском шоссе осталось еще метров пятьсот. Водитель остановился и должен был через считанные секунды закрыть двери и уехать в сторону Касимова. Я занервничал: неужели отцу Иоанну



*Чаепития у отца Анатолия Правдолюбова*



*В гостях у отца Анатолия*

с гостями придется бежать бегом, чтобы каким-то образом успеть на автобус?

Отец Иоанн спокойно сказал:

– Не волнуйся, Сергей, водитель постоит!

Это было так необычно: спокойствие и властность! И действительно, водитель стоял целых десять минут, пока мы шли. Я уверен, что вовсе не стремление заработать было тому причиной, а молитва отца Иоанна.

### *Как я ударил в грязь лицом*

Отец Иоанн умел вовлечь всех вокруг себя в деятельное служение Богу и храму. По его благословию все начинало совершаться, украшаться, ремонтироваться, невозможное – осуществляться. Те, кто знал старца давно, усердно трудились во славу Божию, радуясь возможности послужить великому делу, а те, кто только начинал, впервые узнавали, сколь благодатно послушание старцу и утешительно его исполнение. Самый первый такой случай остался для меня памятным на всю жизнь.

Бывая в Касимове два раза в неделю на уроках в музыкальной школе, я имел возможность зайти в дом к отцу Иоанну благословиться и поговорить о насущном. Но я не смел этого делать. Несмотря на свои шестнадцать лет, я был ужасно стеснителен, малоразвит, не умел общаться, не умел выражать свои мысли ни устно, ни на бумаге (что сохранилось отчасти и до сих пор). Но отец Иоанн привлекал всех, невзирая на способности, к тому полезному,

что нужно и можно было сделать для Бога в данном месте и в данное время.

Мне передали, что отец Иоанн просил меня зайти к нему через два дня, в 10 часов утра.

Батюшка дал мне большую сумку и список дел, которые необходимо было выполнить. Надо было пойти по такому-то адресу, спросить такую-то женщину, взять у нее то, что она даст, отнести по другому адресу, потом зайти в магазин, купить то-то и то-то и отвезти по третьему адресу, и так далее – длинная цепочка дел. В самом конце надо было взять пустую сумку и уехать домой в Сынтул, чтобы потом вернуть сумку отцу Иоанну в следующий приезд в Касимов. Просмотрев весь список, я прикинул в уме, что времени на это потребуется не меньше четырех, а может, и пяти часов. Взяв благословение у старца, я отправился исполнять послушание.

Я раньше никогда не исполнял послушание в полном смысле этого слова. Поручения выполнял, а послушания – нет. И вот что меня удивило: новое состояние, которое я испытал. Много позднее я назвал его для себя словом «футлярность»: это некая защищенность со всех сторон, спокойное и мирное состояние духа. У преподобного аввы Дорофея такое состояние названо «покровом» (скепис). Подобное состояние может испытать любой человек во время поездки на Святую гору Афон. Только твоя нога с трапа парома ступила на Афонскую землю, как начинаешь чувствовать над головой «покров», дерзну сказать, Пресвятой Богородицы, который почти осязаем и ощутим на этой святой земле во все время пребывания там.

А здесь, в Касимове, вот такая «футлярность», кроме мира и душевного спокойствия, выразилась в следующем: не было никакой досадной неудачи, продавщица на базу не уходила, нужные люди были на своих местах и как будто сговорились сделать все быстро и без промедления. Не прошло и двух часов, как послушание было выполнено! Я подумал: «Вот что значит благословение старца! Ведь надо было трудиться целых четыре часа, а по молитвам старца и двух часов не прошло, теперь можно быстрее попасть домой!»

Но сразу после этой мысли в голову пришла и другая: «Старец-то старцем, но ведь кому поручить! Другой и с благословением провозится до утра, а у меня так все ловко получилось».

Об этом я думал по дороге на автобусную остановку, которая в сторону Сынтула была тогда на «Курском вокзале» – есть такая площадь в Касимове со странным неофициальным названием, на которую сходятся шесть улиц, она и сейчас так называется. Дело было весной, когда снег уже протаял, но лужи стояли большие и глубокие. Я шел не торопясь, но, когда увидел, что со стороны главной улицы подъезжает наш сынтульский автобус, побежал: народу было много, надо было успеть втиснуться в автобус.

И вдруг у меня перед глазами стало совершенно темно, как ночью. Я не понял, что случилось. Стал шевелить руками, потом ногами. Наконец до меня дошло, что я стою на четвереньках в самом центре лужи, мои очки залепила густая грязь (как и все лицо), отчего так потемнело в глазах. Оказывается, я непонятным образом умудрился так

споткнуться о какой-то камешек, что мгновенно очутился в грязи, но лицо не расшиб – руки инстинктивно самортизировали. Есть такое народное присловье: «Смотри, не ударь в грязь лицом!» А вот я в полном смысле слова, без всяких преувеличений и литературных прикрас, действительно ударил в грязь лицом!

Что удивительно, водитель ждал, пока я выбрался наконец из грязи, отряхнулся и сел в автобус. Несколько мгновений я все же просидел на корточках посреди воды, глядя на намокающую сумку и меланхолически ополаскивая в луже свои очки. В голове отчетливо проявилась мысль: «Вот тебе и наука! Ты только и можешь, что ударить в грязь лицом, а благословение старца есть благословение старца! Не путай, пожалуйста!»

Прошло столько лет! Все же помнится, что образ отца Иоанна, его улыбка будто витали над всеми действующими лицами на «Курском вокзале», а благодать «покрова благословения» не отступала от меня вплоть до порога отцовского дома.

В учебниках по искусству составления проповеди говорится, что конец проповеди обязательно должен содержать «нравственное приложение». Рассказ не проповедь, но кое-что можно сказать. Падать снова лицом в грязь буквально мне больше не приходилось, но привычка отличать благословения от своих «достоинств» осталась на всю жизнь. А символически, в переносном смысле, продолжаю падать довольно часто, но надежды на исправление остается все меньше и меньше...

## *Отъезд отца Иоанна из Касимова и первое наше посещение Псково- Печерского монастыря*

С какой болью, с каким болезненным чувством провожали мы отца Иоанна, когда он навсегда уезжал из Касимова! Последняя служба его была на праздник Сретения Господня в 1967 году. Скорбели и тужили все. Тетушки Вера и София надписывали бумажки с текстами, которые специально подобрал отец Иоанн для всех остающихся, чтобы не оставить нас без утешения. Эти листочки он сам подписывал нам на память. Я подобрал несколько его фотографий, чтобы он раздал их некоторым особенным своим помощникам. Мне и самому отец Иоанн надиктовал утешительные слова, обращенные ко всем. Воспроизвожу весь листочек, сохранявшийся у меня много лет позади фотографии, сделанной моей рукой в день посещения отцом Иоанном отцовского дома и храма летом 1966 года.

Отец Иоанн сказал:

– Я вам дорожку топчу в Псково-Печерский монастырь. Приезжайте ко мне, приезжайте!

В первый раз вместе с сестрами я поехал в монастырь в ночь с 6 на 7 декабря 1967 года. Был выходной день, потому мы и смогли поехать.

Кстати, это случилось через месяц после празднования 50-летия революции, то есть «переворота». Почему это запомнилось? Потому что мы с сестрами могли бы погибнуть под этот «праздник». Нам хотелось уехать из Москвы,



*Святые ворота. Псково-Печерский монастырь*

где мы учились, на два дня к родителям, в домашнее тепло, но для этого надо было проехать целых 260 километров. На автобус билетов не было, нас взялся везти водитель попутного «москвича». Ехали в темноте. Под Егорьевском, после переключения фар на ближний свет, чтобы не слепить глаза встречному водителю, наш шофер не переключил вовремя свет на дальний и на полной скорости чуть было не въехал в стоявший на обочине без всяких осветительных знаков и фонарей асфальтоукладочный каток. Едва-едва успел вывернуть. Водитель пять минут стоял, приходя в себя. Не помню, благодарили мы за спасение отца Иоанна или нет. Ведь, скорее всего, это событие относится как раз к неявиленным благодеяниям, бывшим на нас от нашего дорогого батюшки.

Через месяц мы уже поездом поехали в Печоры. До сих пор памятно это совершенно темное, почти черное утро, очень раннее, едва ли не в половине шестого утра. На автобусе мы подъехали к городской площади, потом пошли к монастырю. Еще с детских сказок об острове Буяне традиционно думалось, что маленький город-крепость – монастырь – должен стоять на горе. Подходим к воротам, нас пропускают. Смотрим вверх, а там ничего нет! И совершенно неожиданно глубоко внизу вдруг замечаем огоньки. Даже страшно стало – что это там внизу? Оказывается, весь монастырь – там. Спускаемся и слышим тихий и неторопливый перезвон курантов. Звон этот вошел в самую глубину души, стал символом глубокой и неразрывной связи с дорогим старцем. Монастырь не закрывался, все в нем осталось живым, исполненным жизни. Это поразительно. Но для нас

душой всего монастыря стал отец Иоанн. Мы ездили к нему по два-три раза в год.

С горечью вспоминаю свой бездумный эгоизм, доходивший почти до жестокости. По приезде в монастырь я мог пройти все препоны, запоры и препятствия, образно говоря, «разобрать кровлю» и предстать как ни в чем не бывало пред светлые очи отца Иоанна с какой-то до сих пор непонятной мне уверенностью, что он будет рад этой встрече. В любое время и дня, и вечера, и утра. Хорошо, что хотя бы ночью не дерзал. Только тогда, когда я сам стал служить на приходе, совершать требы и все необходимое, что требуется от священника, и уставать, иногда очень и очень сильно, тогда я понял, как глубоко и безгранично было долготерпение старца отца Иоанна, сколь велика его любовь к нам! И, приезжая в монастырь, я уже не рвался к старцу напролом. Если у двери сподоблюсь посидеть в коридорчике – уже хорошо. Поразительный эгоизм был у меня, и ни разу старец не обличил, не поругал за это, а как надо и можно было бы!

И вот сейчас, почти сорок лет спустя, вспоминая все молитвы, благословения, постоянную и деятельную помощь, диву даешься: сколь велика милость Божия, даровавшего нам старца, молитвами и благословениями которого мы жили и живем – отец Анатолий, его дети, его внуки и уже правнуки. Отче Иоанне! Не остави и впредь своими молитвами и благословениями нас, грешных! Одни мы никак не проживем и обязательно там или сям съедем с дороги на обочину, а то и еще хуже – в овраг или пучину, из которой вряд ли сможем выбраться...

## *На летних работах в монастыре. В армии и семинарии*

По благословию родителей, окончив первый курс музыкального училища, я отправился на летние работы в Псково-Печерский монастырь. «Летние работы» – это громко сказано. Я пробыл там всего две недели. И только сейчас осознаю, сколь важны были для меня эти две недели! Никакая теоретическая подготовка, никакое знание извне не давали и не могут дать той полноты восприятия, которую паломник получает от пребывания в обители!

Ни родители мои, ни отец Иоанн никогда не пытались разглядеть во мне какие-то начатки монашеского образа жизни, да и мне это в голову не приходило. Только в самом раннем детстве я мечтал о монашестве: всей душой мне хотелось пожить в лесу с Преподобным Сергием, на Прощеное воскресенье я с радостью вместе со старцем Зосимой ушел бы во внутреннюю пустыню за Иордан... Но так было и со школой. Я очень любил отправляться в школу первого сентября, но второго сентября мне в школу идти уже не хотелось.

В Печорах я получил на всю жизнь опыт хотя и кратковременной, но подлинной монастырской жизни. Впервые меня там одели в подрясник и подпоясали веревочкой, там же выдали потрепанную и невзрачную скуфейку, которая была для меня дороже будущих тончайших и бархатных. Впервые я видел ежедневное общение отца Иоанна с братьями, послушниками, паломниками. Я участвовал в братской молитве и братской трапезе. Я стал в монастыре своим!

Сколько мне пришлось пережить неприятного в семинарии, в академии, на приходах – почти везде я был, скорее всего, никому не нужным. И только в Псково-Печерском монастыре ко мне относились как к своему, понимали и принимали – всегда, всю жизнь! Благодарность в моей душе не истощится никогда. На каждой литургии, даже на Пасху, в евхаристических молитвах я поминаю архимандрита Иоанна, архимандрита Тихона со всею братиею и трудниками Псково-Печерского монастыря, архимандрита Тавриона. Может быть, поэтому наш приход еще держится...

В июле 1968 года братия и трудники восстанавливали колодец времен Ивана Грозного. Благословили участвовать и мне. Работами управлял отец Мартиниан, могучий богатырь-монах. Думаю, что он много претерпел от рязанского трудника, который имел навык больше играть на скрипке, чем орудовать лопатой и топором. В 2003 году, 35 лет спустя, я увидел его в Свято-Пантелеимоновом монастыре на Афоне. Он совершенно не изменился. Странно, что и он узнал меня, хотя я изменился весьма сильно. Даже плохой трудник вспомнился отцу Мартиниану через столько лет. Так и у меня: монастырь со всей его жизнью, его мощным духовным влиянием запечатлен в душе навсегда.

Наставления отца Иоанна, его келия, его беседы – все это было спасающим якорем в тех бурях, которые пришлось пережить. Отец Иоанн подарил мне свои синие четки и сказал:

– Черные – это не по тебе. Вот тебе синие, попробуй молиться по синеньким.

В ноябре меня призвали в армию. Отец Иоанн часто спрашивал моих родных и близких:

– Как там Сергей служит?

– Да вроде бы ничего. А почему вы спрашиваете?

– Да мне интересно, я же о нем молюсь!

Современный читатель может не понять, почему солдат сам не писал о своей службе отцу Иоанну. Ответ очень прост. Даже на ум не могло прийти взять конверт и написать – письма проверялись, учитывались и прочее. Поэтому мы лишь изредка могли послать с кем-нибудь краткую весточку о себе.

О семинарии постараюсь сказать только самое существенное, потому что подробности выходят за рамки темы.

Отслужив в армии, я устроился псаломщиком в храме Спаса Преображения в селе Спас-Загорье Малоярославецкого района Калужской епархии. Почему? Да так мне в голову ударило. В армии пришлось много путешествовать, и Калужская область мне почему-то приглянулась больше нашей, Рязанской. Отец не протестовал, к старцу я не поехал, оставляя за собой ту самую степень свободы, о которой предупреждал схиархимандрит Серафим (Романцов). И в семинарию я поступил Ленинградскую, а не Московскую, воспользовавшись формальным поводом и советом одного батюшки в приемной комиссии.

Два с половиной года я шел в другую сторону.

Отец Иоанн говорил:

– Сергей сделал шаг назад, надо возвращаться.

Но он не посылал грозных писем, не ждал мгновенной перемены. Он просто молился.

Потребовалось довольно много времени, чтобы мои мысли приняли противоположное направление и я, как блудный сын, поехал в Печоры к старцу. Он встретил меня радостным смехом, ни в чем не укорял, сказал только:

– Ну, тут уж ничего нельзя было сделать! Если человек хочет сам набить себе шишки на лбу, то пусть набивает! Рассказывай, много ли шишек набил.

Надо было упасть в ноги старцу и благодарить безмерно: ведь действительно обошлось «шишками», а можно было не только «голову потерять», но и лишиться всего: и души, и своей богодарованной жизни!

С тех пор я не только не принимал ни одного серьезного решения, но даже и малого изменения в своих намерениях не делал самостоятельно, обращаясь во всех случаях за благословением, заранее готовя свою душу к принятию того решения, какое укажет старец, как ни хотелось бы сделать по-своему. Конечно, не всегда получалось так, как надо бы, своеволие с трудом было мною укрощаемо, да и до сих пор строптивость покоя не дает. Но я всеми силами стараюсь «не выпасть из благословения и молитвы» старца.

А теперь пора подробнее рассказать об отце Иоанне, чтобы выполнить благословение отца наместника.

### *Смирение и любовь*

Что характерно для отца Иоанна, каковы главные черты его личности?

Смирение, безграничная, переполняющая все любовь, уважение к самому простому человеку, зрение в нем образа

Божия, терпение, не имеющее пределов, бескрайнее терпение, если говорить кратко, преданность воле Божией до самых возможных и невозможных, казалось бы, пределов: полное отсечение своей воли и жертвенное отдавание себя Промыслу Божию, Божественной воле. Во всем!

Смирение – это та среда пребывания, без которой отца Иоанна представить себе невозможно. Это как вода в аквариуме, без которой рыба не живет. Рыба – раннехристианский символ. Христианская рыба, в отличие от земных рыб, умеет сама наполнить пространство вокруг себя живительной водой смирения. А стены монастыря – это стенки аквариума, которые удерживают воду, несмотря на присутствие мирян и постоянное открывание врат, и торжественных, и хозяйственных. Мне пришлось наблюдать это на Святой горе Афон и насытиться этой водой живой. Как и в Псково-Печерской обители, к великому нашему счастью, вода эта не иссякает доселе.

Любовь – это ключ ко всему, без нее ничего не поймешь и не уразумеешь.

Когда видишь идущего к отцу Иоанну человека, признаешь, что он любит этого человека больше всех. В полном смысле слов: Больше Всех! И что странно, ревности не возникает. Ты всем существом своим осознаешь, что вот сейчас он обернется к тебе и будет любить тебя точно так же Больше Всех! И он не обманывает ни тебя, ни старушку, которая раньше тебя подошла. Мы оба пребываем в полноте любви, на земле невозможной.

Объяснить словами это трудно, почти невозможно. Здесь начинаются другие категории, не аристотелевские. Мы

ведь понимаем, что маленькая девочка абсолютно права, когда говорит, что ее мама лучше всех. И ее мама действительно лучше всех. Но если рядом стоит другая маленькая девочка и говорит то же самое о своей маме, противоречия и сомнения не возникает: и эта другая маленькая девочка тоже абсолютно права. Так и рядом с отцом Иоанном возникают другие измерения и реалии другого пространства, управляемые иными законами.

Кроме энергии подлинной Христовой любви, видишь и то, к чему такая любовь побуждает: к памяти о тех, кого любишь. Колоссальный объем памяти о множестве людей, их домах, семьях, обстоятельствах, проблемах и бедствиях, огорчениях и напастях. Вся Россия и даже ее зарубежье постоянно созерцаются старцем в его сердце и побуждают к молитве.

Отец Иоанн говорил:

– Я поминаю имена на проскомидии, и предо мной, как живые, проходят люди со своими бедами и скорбями, заботами и несчастьями.

Однажды он мне продемонстрировал эту свою память любви, помянув в моем присутствии всех моих братьев и сестер, касимовских отцов и их матушек, их детей, каждого назвав по имени. Я вынужден обращаться к тексту поминаний, чтобы не пропустить имен родных, а он всех помнит наизусть!..

Вспоминается преподобный старец Силуан, который говорил, что газеты читать неинтересно, в них пишут о том, что уже устарело. Первейшая и свежайшая информация всегда бывает в монастырях и у старцев. Со всей России,

со всех концов мира сюда таинственно стекаются новости о подлинных событиях, о которых еще никто не знает.

Приведу краткий пример. С одной девушкой случилась беда, из которой она своими силами никак не могла выбраться. Она приехала в Москву, пришла к нам, рассказала. Мы стали молиться, чтобы помочь ей, но мрак все больше и больше окутывал и ее, и нас. Тогда моя жена отдала ей свой паспорт, чтобы она могла полететь самолетом в Псков, а оттуда добраться до Печор, к отцу Иоанну за помощью, и на следующий день вернуться. Мы были сильно расстроены, мрак и тоска не развеивались даже в молитве. И вдруг как рукой сняло – мир, тишина, спокойствие. Мы посмотрели на часы: четыре часа пополудни. Господи, слава Тебе! На другой день девушка вернулась, спокойная и умиротворенная. Мы спросили ее: «Что было вчера в 16 часов?» Она ответила, что в это самое время начался разговор с отцом Иоанном.

Попутно хочу заметить, что священник, служащий Божественную литургию, объемлет умом, сердцем и душой своей весь мир и молится за него. И если он не механически произносит слова молитв, то в этот момент литургии созерцает почти все то же, что и старец. Только у старца это получается мощнее, так как он всем своим существом пребывает в молитве и богообщении. И после литургии он не перестает созерцать все беды и нужды просящих у него помощи. А простой батюшка едва живой лежит на диване и отдыхает от той перегрузки, которую испытал во время совершения Божественной службы.

### *Мгновенная благодарность и скорая помощь*

Невозможно говорить о старце, минуя самого себя, мы ведь опираемся на свой опыт, он для нас наиболее достоверен. Хочу рассказать два случая из своей жизни, связанных с отцом Иоанном.

В Николо-Хамовническом храме в 1980-е годы было много духовных чад отца Иоанна. Я в то время служил там протодиакonom. Меня попросили поучаствовать в молебне, который собрался совершить покойный отец Стефан Ткач по случаю какого-то юбилея отца Иоанна. Скорее всего, это было в 1985 году, в год 75-летия отца Иоанна, в апреле. Шла Пасхальная седмица. После Страстной и Пасхи я ко вторнику или среде впадал почти в бесчувственное состояние. Организм бывает в эти дни выжат до предела, можно только прямо лечь на пол в любом месте и отключиться. А меня позвали молебен служить. Это все я говорю к тому, что у меня чувства чрезмерно активны, слезы появляются легко и быстро. Покажи мне рисунок грустной мышки из детской книжки, и я тут же заплачу от непонятого умиления. В тот день от усталости я не среагировал бы и на сто мышек, находящихся в самом бедственном положении.

Служим молебен с отцом Стефаном, я говорю ектении, все чин чином, только сердце не участвует: сил нет. Закончили молебен. Отец Стефан говорит:

– Давай многолетие произноси.

Я произношу как обычно. И только дошел до слов: «Архимандриту Иоанну...» – и умолк! Ничего не мог больше

сказать. Отец Стефан обернулся, посмотрел на меня и сам закончил:

– И сохрани его на многая лета!

Почему я умолк – меня просто подкосила мощнейшая волна благодати, радости, благодарности, пришедшая совсем не из моей слезливой души, а извне – оттуда, от старца из Печор. Все это поняли, радовались и улыбались: все получили привет и благодарность. И хотя бы дал договорить до конца многолетие: нет, сразу после возгласения его имени! Помню об этом всю жизнь, и радость ответа этого живо помню. И контраст помню – что не от меня самого это исходило, а извне, независимо от моего душевного состояния, невзирая на грехи мои...

Второй случай был под праздник Воздвижения Честного Креста Господня в Никольском храме сельца Ржавки, что в Зеленограде московском, в 1989 году. Я только месяц служил священником, настоятель ушел в отпуск, а когда вернулся, было на что гневаться и что сказать второму священнику за прошедший месяц. Только сейчас начинаю понимать, как тяжело было настоятелям терпеть меня и в диаконах, и во вторых священниках. Может быть, что-то было и несправедливо и обидно, сейчас уже не помню. Теперь я стараюсь примириться со всеми своими начальниками и сослуживцами, пока жив. А что было, то совсем уже не помню, пятнадцать лет прошло. Но что-то было прямо немоготу.

Я пошел в северный придел, отворил форточку на улицу, выяснил, в какую сторону уходит железная дорога в направлении Печор, и стал туда «вопить» шепотом. Просил

у отца Иоанна помощи и избавления от бед и напастей. Вопиял сильно, от всей души и всего естества своего. Потом затворил форточку и вернулся в главный храм.

Прошло двадцать минут, не больше. Чувствую, что все мои страсти и беды уходят, мир наступает и тишина, покой и умиротворенная радость. Настоятель не страшен, и праздник вернулся в душу.

Сколь сильна даже на расстоянии помощь от любвеобильного старца, протягивающего руку помощи в бедственную минуту простому и неопытному батюшке!.. В монастыре потом смеялись: «Зачем тебе ездить, открой форточку да и поговори с батюшкой».

### *Как помогает отец Иоанн*

К отцу Иоанну отовсюду едут сотни людей. Каждого он выслушивает, расспрашивает, о каждом размышляет, молится, каждого благословляет или не благословляет. Очень не любит разговаривать в день приезда: надо обязательно побыть в монастыре хотя бы один день и уже перед отъездом поговорить с батюшкой. Иногда приходилось присутствовать при разговорах приезжих и слушать ответы старца. Меня интересовал «метод» отца Иоанна. Я думал: может быть, здесь есть и земной опыт, и способность к психологическому анализу, работа не только в духовном аспекте, но и в земном?

Действительно, отец Иоанн не только внимательно слушал, но и подробно расспрашивал пришедшего о его жизни, различных обстоятельствах, о причинах возник-



*У Михайловского собора. 1980*

ших недоразумений и бед. Как опытный юрист, цепляющийся за слова и фразы, он своими вопросами словно «вскрывал» неясную и самому человеку непонятную связь или цепочку событий. Как опытный хирург, он не только находил греховную опухоль, но и потаенно прячущиеся и далеко идущие духовные метастазы. Его «руки хирурга» были при этом необыкновенно чутки и милосердны, он никогда не причинял боли. Его глаза смотрели на тебя проникновенно и понимающе: он видел тебя насквозь, но при этом щадил и не требовал немедленного открытия всех грехов. Он знал, что человек сам

постепенно расскажет и покается в том, что так трудно сразу сказать старцу.

Расспросив подробно обо всем, старец делал вывод, который иногда совпадал с тем, что человек думал заранее, присутствуя при разговоре, но иногда не совпадал совершенно. В последние годы батюшка просил написать письмо и уже после письма говорил с человеком или передавал тот или иной ответ. В чем тут секрет? Мне думается, что главное внимание отец Иоанн уделял тому, что происходит с человеком в действительности, а не по его словам, когда он говорит или пишет о себе. Если бы я имел сокрушение сердечное, подлинное покаяние, видение своих грехов, видение самого себя в свете святоотеческих учений и преданий, как бы облегчилась задача батюшки!

Следующий шаг старца – молитва. Как-то раз он сказал моей сестре: «Я как телеграфный столб: то туда, то оттуда принимаю и передаю...» Как удивительно!

И только после такого подробного «обследования», по особому дерзновению, батюшка обкладывает раны души твоей такой повязкой, такой благодатной мазью и множеством лекарств!.. Как на крыльях летит человек из Печор к себе домой: в нем действуют живительная сила и множество этих духовных средств. Почти полгода, иногда больше, иногда меньше, держалась эта «повязка» и благодатные лекарства не теряли свою силу, пока, наконец, подточенная новыми и старыми грехами, душа требовала идти на вокзал и покупать билет в Печоры. Какое счастье, что можно было поехать и снова впасть в мило-

стивые и щадящие руки неумолимого и терпеливейшего врача!

Не устану повторять слова батюшки:

– Нет ни одного человека, во всем равного другому. Я прожил целую жизнь и не видел двух одинаковых людей с похожей друг на друга жизнью.

Для меня эти слова не один раз подтверждались на практике.

Через нашу кухню в Москве прошло много людей, которые в скорбях и трудностях ехали к старцу и по дороге останавливались переночевать у нас. Чаще всего это были наши многочисленные родственники. И вот, посидев за чашкой чая, выслушав очередной рассказ о наболевшем, начинаешь моделировать вместе с путешественником, что может сказать старец. Начинаешь так же подробно анализировать, взвешивать, догадываться и «предугадывать». Через несколько дней возвращаются радостные и окрыленные путешественники. Спрашиваешь: ну как?! А вот так! Абсолютно по-другому решил старец! Сколько мы ни думали – ничего даже близко не угадали. Иногда вообще противоположное принималось решение. Я даже пошутил как-то: «Зачем ездить так далеко, спросите у меня – что надо сделать, и сделайте полностью наоборот!»

В 1980-е годы в Печорах, присутствуя при разговорах со старцем, я обратил внимание, что он гораздо чаще, чем раньше, стал говорить одно и то же: «Терпение и терпение. Только терпение. Надо терпеть до конца».

Я даже смущался: ведь и терпению бывают пределы, а если невозможно больше терпеть?

Замечательное наизидание получил я после поездки своего брата, отца Михаила, в Печоры. Мы с ним служили диаконами в Москве, и никаких надежд стать священниками у нас не было. За несколько лет до того отец Иоанн благословил другому нашему брату, отцу Серафиму, уехать служить в Рязанскую епархию. Вот и отец Михаил задумал тоже уехать и стать священником в нашей родной епархии. Владыка архиепископ Симон даже уже предложил отцу Михаилу храм, в который он мог бы его назначить. Осталось только получить благословение старца.

Брат позвонил мне и сказал, что едет за благословением на отъезд из Москвы. Я, следуя логике благословения, данного отцу Серафиму, даже взгрустнул: трое братьев будут там, а я один останусь в Москве. Я решительно не сомневался, что благословение будет получено.

Брат возвращается – и удивляет: нет благословения! Как? Да вот так! Старец сказал: «Ты хочешь сам взвалить на себя свой самодетельный и самодельный крест. Ты, конечно, можешь это сделать. Но, заменив крест, данный тебе Богом, ты уже не получишь Его поддержки, когда ослабеешь, и тогда падешь под крестом. Терпи и неси крест, который тебе дан. Пусть два брата служат в Рязанской епархии, а два брата – в Москве».

Много лет спустя, когда уже вырос сын отца Михаила, это благословение опять вспомнилось особенно ярко и отчетливо. Надо ли хлопотать о его устройстве, рукоположении, приходе, хорошем месте? Не надо! Здесь принцип:

учиться познавать и принимать волю Божию. Бог Сам все устроит Своим Божественным Промыслом.

Вот почему так внимательно батюшка расспрашивает и ищет подробностей о жизненных обстоятельствах пришедшего за помощью. Он ищет логики Божественной, он хочет понять замысел Самого Бога об этом человеке. И иногда бывает даже недоумение: как можно терпеть то, что трудно воспринять? Как можно верующему юноше служить в войсках Министерства внутренних дел под знаменами тех полков и соединений, в которых служили те, кто допрашивал и расстреливал православных батюшек и православных мирян? Надо уходить, нельзя это соединить с верой и Православием. А в ответ: нет! Это парадоксально, но Бог так устроил, ты ведь сам не просил. Значит, служи. А потребуют отказаться от Христа, стать как все, вступив, допустим, в комсомол, – стой до конца и не сдавайся!

Вот откуда, казалось бы, такое безнадежное для нас, унылых, слово: надо терпеть, терпеть и терпеть. И этот принцип известен с глубочайшей древности.

Читаем у преподобного аввы Дорофея:

«Хорошо сказал авва Пимен, что преуспеяние монаха обнаруживается в искушениях, ибо монах, который истинно приступает работать Господеви, должен, как говорит премудрый, уготовати душу свою во искушение (Сир. 2, 1), чтобы никогда не удивляться и не смущаться ничем, случающимся с ним, веруя, что ничего не бывает без Промысла Божия. А в чем Божий Промысл, то вполне хорошо, и служит к пользе души, ибо все, что делает с нами Бог, делает

Он для нашей пользы, любя и милуя нас. И мы должны, как сказал апостол, о всем благодарити (Еф. 5, 20; 1 Сол. 5, 18) благость Его и никогда не печалиться и не малодушествовать о случающемся с нами, но все, что с нами бывает, принимать без смущения со смиренномудрием и с надеждой на Бога, веруя, как я сказал, что все, что ни делает с нами Бог, Он делает по благости Своей, любя нас, и делает хорошо, и что это не может быть иначе хорошо, как только таким образом. Бог да помилует нас!» (преподобный авва Дорофей. Душеполезные поучения и послания. Поучение тринадцатое).

И чуть ниже: «Повествуется также, что ученика великого старца постигла плотская брань, и старец, видя труды его, сказал ему: "Хочешь ли, я помолюсь Богу, чтобы Он облегчил тебе сию брань?" Но ученик отвечал: "Хотя я и тружусь, отче, но вижу в себе плод от труда; итак, лучше моли Бога, чтобы Он дал мне терпение". Таковы суть истинно хотящие спастись; вот что значит носить со смиренномудрием иго искушения...»

### *Испытание веры, надежды и любви*

Воспоминание об этом испытании является для меня одним из самых ярких и незабываемых. Как трудно найти невесту молодому, да еще верующему человеку! Как трудно найти ту единственную, с которой можно прожить всю жизнь!

Отец Иоанн всем молодым людям советует не спешить с окончательным решением, посмотреть на свою избран-

ницу во все времена года: «И на снегу, и весной, и летом, когда все цветет и благоухает, и в золоте осенних листьев...» Я не помню случая, чтобы отец Иоанн благословлял своей властью и силой выходить замуж или жениться за послушание. Очень важно здесь отношение родителей, которым, по слову старца, «Бог дает особую благодать видеть избранного своим сыном или дочерью лучше многих, даже самых близких людей. Потому так важно мнение родителей и их благословение на брак».

Со своей невестой я познакомился в день ее первого причащения. Путь к вере у нее был самостоятельный и глубоко осознанный, а в роду у нее были диакон и псаломщик. Постепенно наше знакомство крепло, я писал домой к родителям письма о ней. Зимой 1973 года она познакомилась с ними, приехав вместе с московскими гостями на их венчание в Сынтул. Узнали о ней мои братья и сестры. Благословения на брак еще не просили, в любви не объяснялись, да мы и не спешили это делать, по слову отца Иоанна.

Прошел почти год, даже больше года. И вдруг наши родственники, приехав из Печор, объявили мне, что отец Иоанн не велит мне больше встречаться с Маргаритой, что она далека от Церкви и в жены священнику никак не годится. У меня земля ушла из-под ног, я завис как бы вне времени и пространства, в непреходящем стрессовом состоянии. Хорошо, что я ни слова не сказал об этом самой невесте и начал сражение за нее молча, не ввергнув ее в испуг. Сражение длилось почти два месяца.

Сначала один за другим стали отказываться от моей Маргариты-жемчужины брата. Логика их была проста: отец Иоанн – святой человек и ошибаться не может. Если он сказал – значит, все! Надо слушаться и немедленно расстаться с Маргаритой.

Наконец отказались все, кроме папы и мамы, которым Маргарита была по душе и даже нравилась. Среди молодого поколения я остался один при своем мнении, но принять решение, не поговорив с батюшкой, никак не соглашался. Аргументы у меня были слабые: это испытание моей любви к Маргарите и веры в отца Иоанна. Я понимаю, что не послушаться его нельзя, но надо узнать, что является непреодолимым препятствием для нашего дальнейшего знакомства и намерения создать семью. Кроме того, споря с братьями, я обращался даже к Книге Царств в Библии, в которой описано, как пророк Елисей удивился, почему он пророческим духом заранее не узнал, что у пришедшей к нему женщины такое страшное горе – умер единственный сын? (4 Цар. 4, 27) Значит, и у великих пророков бывают состояния, когда Бог на время лишает их прозорливости?

С бушующим ураганом в душе, взяв с собой фотографии Маргариты, письма и приветы к ней от папы и мамы, я выехал в Печоры. Пришел к старцу, все показал, рассказал. Старец смягчился, узнав, что я не скрывал свою любовь к Маргарите от родителей, что они к ней хорошо относятся, судя по моим словам и по представленным письмам. Внимательно просмотрел фотографии Маргариты, сделав по ходу обзора несколько замечаний. Было решено,

что мы приедем вдвоем, чтобы отец Иоанн сам поговорил с ней и принял решение, которому я безусловно подчинюсь.

И вот этот день настал. Со страхом и трепетом вошли мы в братский корпус и сели на какую-то скамеечку в ожидании старца. Нас позвали в келию отца Иоанна. Мы вошли. Отец Иоанн сотворил молитву и велел нам садиться на диванчик. Сам он сел с краю, на левой стороне диванчика, меня посадил в середине, а Маргариту дальше всех, справа от меня, и начал говорить.

Вот тут я весь обратился в слух и напряженное внимание: что происходит? Происходило непонятное. Отец Иоанн стал рассказывать какие-то истории, которые, казалось, не имели никакого отношения к цели нашего приезда. Что-то из детства, что-то из позднего времени. Я был удивлен. Еще больше я удивился, когда заметил в речи отца Иоанна современные слова, которые он употреблял вместо наших обычных, церковных. Он как будто переводил свою речь на светский и частично советский язык.

Маргарита молчала и ничего не говорила в ответ. Прошло пять минут. Слушаю – слова светские постепенно исчезают, говорят обычные, из церковного обихода. Еще через пять минут у моей невесты внезапно открылся источник слез, и она начала потихоньку плакать, роняя слезки, и плакала не переставая. Старец продолжал говорить не по теме.

И тут я подумал: что происходит? В чем тут дело? Насколько мне удалось понять, старец вовсе не задавался целью «излагать предмет», он говорил о чем-то самом разном из своей жизни и при этом, как мощный сканирую-

щий духовный луч-радар или локатор, всей своей душой и умом воспринимал идущие от слушателя обратные излучения-реакции. Он воспринимал душой – душу, умом – ум и человека во всей его полноте и неповторимости, со всеми мельчайшими оттенками его личности без слов и диалога. Так воспринимают нас святые, от мысли к мысли, от сердца к сердцу, без слов! Я удивился изумительной духовной технике такого общения.

Прошло еще пять минут. Голос старца стал совсем другим: мягким, радостным, преизливающимся любовью, ласковым-ласковым. Маргарита по-прежнему не проронила ни слова, только плакала.

В следующие пять минут я присутствовал при странном явлении. Как фотографическая бумага в кювете с проявителем начинает темнеть и показывать в красном свете фонаря то, что на ней изображается, я сам, весь «мой спектр» и «обертоновый ряд моей души», начал неудержимо чернеть, чернеть и чернеть. Я ужаснулся своим грехам, своему устройению. Рядом со старцем я был отчетливым контрастом, не ощутить который было невозможно. Я подумал: вот сейчас выйдем из келии, спустимся в монастырский двор, и Маргарита мне скажет: «Знаешь, с таким темным и греховным человеком жить я не смогу. Как хочешь, но после разговора с батюшкой дружить и любить таких людей просто невозможно!»

Разговор подходил к концу. Батюшка повеселел, стал говорить совсем радостно, остановил слезы моей невесты и сказал:

– Риточка, голубушка! Как я рад! Как я рад! Мы с тобой как будто вместе родились и вместе всю жизнь прожили!

Старец благословил нас, помазал святым елеем, покропил святой водой и велел еще раз приехать перед самой свадьбой. Подарил иконочку, конфетки, две книжки. Обласкал, утешил, вдохновил, обрадовал несказанно.

После благословения старца я ощутил необычное чувство, которого раньше никогда не было: сродненность и близость со своей любимой. Это чувство повторилось в конце таинства венчания в отцовском храме. Вот так, еще до совершения таинства, эту благодать нам вымолил отец Иоанн, и она сопровождает нас всю жизнь, до сего дня, уже почти 30 лет.

Когда мы вышли в монастырский дворик, я ждал от невесты тех самых слов, которые пришли мне на ум в келии старца. Но Маргарита оказалась мудрым человеком, этих слов она мне не сказала, хотя, может быть, и почувствовала то же, что и я. Сияющие сквозь очки, светлые, любящие глаза дорогого нашего батюшки освещали нас и освящали. Будто с Фаворской горы мы спустились вниз...

Прошло много лет. Но как живо это памятное и исполненное радости событие: созидание в келии старца нашей «домашней церкви».

*О единственной литургии, на которой  
Бог привел меня сослужить отцу  
Иоанну в сане диакона*

Это было 10 июля 1978 года. Мы с Маргаритой приехали в Печоры помолиться и повидаться с батюшкой. И вдруг – неожиданность. Его посылают служить литургию и отпевать одного новопреставленного протоиерея за много десятков километров от монастыря. Я вызвался поехать помочь. Разрешили. И Маргарите тоже. Это чудо!

Рано утром собрались, приехала «Волга» – такси, мы сели и поехали. Батюшка дал мне большую книгу и велел читать правило ко Святому Причащению. Я читал, и все молились.

Приехали в село, вошли в храм. Очень странное впечатление. Лампадки висят криво, иконы тоже висят кое-как. В алтаре все заброшено, нет даже малейших следов труда алтарника. Посреди храма стоит гроб, обычный, обтянутый материей. Но он оказался мал, и его нарастили простыми нестругаными досками, отчего вся картина стала напоминать эшафот. Что-то шекспировское было во всей обстановке.

Прочитали входные молитвы. Отец Иоанн стал совершать проскомидию. В середине проскомидии с копием в руке он пошел в диаконник, на правую сторону алтаря, споткнулся о ножку семисвечника, упал и на полу еще совершил полтора оборота по инерции. Слава Богу, что не ушибся сильно и не поранил себя копием.

Началась Божественная литургия. Пел простой хор простым напевом. Но такая пришла тишина и покой, такая излучалась сила от молящегося отца Иоанна! Полная сосредоточенность, священность каждого жеста. Слова и действия слились в неразрывное целое. Могучий, мужественный ум предстоятеля увлек всех и заставил молиться неразвлекаемо.

Я стоял справа от батюшки и чуть позади, как и полагается диакону, и даже боялся дышать. Священнодействие совершалось так, как оно совершается и всегда, но внутреннему взору вдруг открылся смысл мельчайших деталей и поклонов, не говоря уже о тексте молитв...

Мне трудно найти слова, чтобы описать дальнейшее, но я все же попробую.

Еще в Академии, на третьем курсе, весьма мною уважаемый и чтимый преподаватель сказал однажды: «Трудно понять, почему в наше время мы должны следовать поклонам и жестам эпохи Македонской династии (X век в Византии). Мы же заучиваем то, что надо говорить, и то, как надо кланяться, поворачиваться, двигаться и совершать. Но ведь это давно ушло. Мы вообще-то должны найти свой язык для своей эпохи, адекватный нашему образу жизни и нашему времени. Почему это так существует в Церкви?» Много лет этот вопрос мучил меня и ставил под сомнение необходимость той службы, к которой я привык с детства.

И вот здесь, в захолустном псковском селе, я получил убедительный и доказательный ответ, глядя на архимандрита

Иоанна и сослужа ему. Церковь долго искала и наконец нашла универсальный, яркий, многоцветный и многозвучный, разнообразнейший и предельно емкий язык, выражающий глубочайший смысл богослужения: в жесте, в повороте, в поклоне, в том или ином действии. Неестественное или искусственное заучить невозможно! Наоборот, содержание и внутренняя энергия молитвы сами находят нужную траекторию жеста, глубину поворота и поклона, если только есть это самое содержание. Если есть Любовь. Если есть полнота Любви, преизливающаяся на все вокруг!

Как жметса и не может найти какого-то нужного жеста или слова европеец, прощаясь с близкими на вокзале... Чего же ему не хватает? А ведь точно не хватает! Он ощущает, но не понимает, что его состояние должно выразиться в каком-то предельно точном жесте. Простые православные люди, крестьяне, этот жест знали всегда. Прощаясь, они совершали крестное знамение. Пусть по-мирски, щепоткой, абсолютно просто и интуитивно. Вот этого и не хватает европейцу – простейшей традиции Восточного Православия.

Отец Иоанн показал и доказал мне в тот день неустареваемость нашего церковного способа молиться и жить в молитве, неустареваемость нашей литургики! Становилось страшно, особенно когда батюшка кадил свежеврытую могилу: глаза почти осязательно видели, что он идет не по земле, а выше ее. Он весь ушел в молитву и в кадило: всем существом, как небесный страшный Херувим или Серафим. Само кадило стало ощущаемой,

могучей молитвой: да исправится молитва моя, яко кадило пред Тобою! А крестное знамение, поклоны, благословения... да остальное все, все, все!

Погребение почти не сокращали, а пели неторопливо, спокойно, молитвенно. Всех захватила общая молитва и благодать, собравшая и объединившая нас в чудном духовном единстве!..

На обратном пути отец Иоанн сказал:

– Нас так отпевать не будут. Мы сами себя отпевали! Ведь всегда всем некогда и всегда все торопятся. Господи, как хорошо! Мы сами себя отпевали...

И добавил:

– Как милостив Господь! Вот, зашли в храм, только бросили взгляд и занялись «судебными делами» (то есть начали осуждать). Это не так, это плохо, это запущенно. Но Господь тут же и научил: как я упал да покатился! Мог бы все кости переломать. Но праведник верою жив будет: встал и пошел! Милостив Господь!

А я подумал: сколь угодны Богу были жизнь и служение почившего протоиерея, если к нему на погребение приехал сам отец Иоанн! Это ведь не случайно произошло. Вот где милость Божия, потаенная и необъяснимая для внешнего человека.

В дивную цепь событий того чудного дня я внес то, что я, только я, и мог внести: оставил в алтаре облачение отца Иоанна. За ним пришлось ехать на следующий день этой же машиной, за счет самого отца Иоанна, так как у меня денег на такую поездку не было. Как всегда,

я показал свою неспособность сделать хоть что-то доброе и полезное. Но радость, свет, благодать, поучение и науку, дарованные мне в тот день, храню с благодарностью всю жизнь.

### *Скорби от бездетности и помощь старца*

По свидетельству врачей, если шесть лет после заключения брака дети не рождаются, то брак считается бесплодным; медицина в этом случае помочь не может. У нас с Маргаритой как раз шесть лет не было детей. Мы много раз ездили к старцу, просили его молитв и помощи. Он молился за нас, велел самим усердно молиться, особенно святым Иоакиму и Анне. Мы дошли почти до отчаяния.

Но тем сильнее была наша радость. Еще до рождения дочери Анны отец Иоанн прислал нам крестик для нее. Когда родилась дочка, мы послали с попутчиком к старцу ее фотографию и нашу безграничную благодарность за молитву и великую милость Божию. Отец Иоанн благословил фотографию и велел снова передать ее нам. Анной она названа в честь той святой, которой благословил нас молиться отец Иоанн.

Когда родились потом двойняшки, два мальчика, радости нашей не было предела. При первой же возможности мы приехали со всеми детьми благодарить старца за молитвы. Отец Иоанн и сыновьям подарил крестики. Мы просили старца подарить нам и четвертый, для следующего младенца, но старец не давал. Просили неотступно, уговаривали, почти сами из рук старца вынули четвертый кре-

стик, а четвертого младенца Бог и не дал. Никаких болезней, никаких новых медицинских показаний, а нет младенца – и все! Отец Иоанн заранее знал, но не стал огорчать нас и даже крестик четвертый нам «уступил».

Когда дети немного подросли, мы собрались во второе путешествие с ними в Псково-Печерский монастырь, нам хотелось, чтобы дети увидели старца и он увидел их. Послали телеграмму – можно ли приехать? Ответная телеграмма, в которой нас просили повременить с приездом, так как отец Иоанн болен, до нас не дошла. Мы решили, что «молчание – знак согласия», и отправились в путь.

Это путешествие было одним из самых трудных и сложных, искушение следовало за искушением. В Печорах мы куда-то шли, тащили детей по лестнице на чердачную часть то ли сарая, то ли дома. Дети пищали и плакали, Маргарита сильно скорбела. Старец болел и действительно не смог нас принять, даже под благословение не допустил. Никогда не следует думать, что мы должны во всех случаях получать только лишь милости и благословения.

По приезде домой я пошел в наше телеграфное отделение и потребовал письменных объяснений, почему телеграмма не была доставлена. Официальный документ на бланке почты с извинениями и фамилией провинившегося работника я выслал в Печоры Татьяне Сергеевне, многолетней помощнице отца Иоанна, потому что она могла предположить, что я выехал с семьей вопреки ее просьбе, следуя собственной воле.

Искушения и трудности не только неизбежны, но и полезны. Удивляюсь лишь тому, как мало их было. Имея такое предстательство и помощь, мы должны были бы быть в постоянном водовороте искушений, а не получать их лишь иногда, да и то в гомеопатических дозах.

### *Диссертация*

Кажется, это было в 1987 или 1988 году. У отца Иоанна в Москве умер племянник, и он приехал на его отпевание в Воскресенский храм в Сокольниках. Собралось много духовенства, и священников, и диаконов. Служили по Уставу, спокойно и молитвенно. После окончания службы поехали на Немецкое кладбище, где была приготовлена могила. Все совершалось по чину. Детали не запомнились, осталось только общее настроение и впечатление покоя и тишины. Отец Иоанн встал около ограды, положил на нее руки и много-много раз повторял:

– Господи, помилуй! Господи, помилуй! Господи, помилуй!

Потом сказал, глядя на отверстую могилу:

– Как бы я хотел сам туда лечь!..

Но с тех пор прошло уже много лет служения отца Иоанна, и всем очевидно, что оно совершается по воле Божией, а не по его собственному желанию.

Когда отец Иоанн пошел к машине, я оказался рядом и помогал ему идти по скользкой дороге. Он посмотрел на меня внимательно и начал говорить:

– Отец Сергей! Ты все желаешь получить вторую степень? Не спеши, не надо спешить...

Я тут же напрягся и подумал: это о моей диссертации. И тут, как перед смертью, в голове прокрутилась вся десятилетняя работа и весь тяжелый труд, который пришлось предпринять.

В 1978 году, когда я заканчивал учебу в Московской духовной академии, в среду первой седмицы Великого поста в Патриаршем Богоявленском соборе Святейший Патриарх Пимен читал Великий канон святителя Андрея Критского. Великий канон я любил с самого раннего возраста, его прекрасно читал отец, протоиерей Анатолий. И вот здесь, в соборе, во время чтения 7-й и 8-й песен, мое сердце, можно сказать, «уязвила» необъяснимая красота канона. Мне захотелось узнать, в чем секрет такой красоты, почему удалось святителю Андрею так написать, что 1300 лет спустя эта красота действует и покоряет всех слушающих, учит сокрушению сердечному и покаянию? В тот вечер я потерял всякий интерес к своему кандидатскому сочинению, хотя работа была в самом разгаре, и завершал ее только по обязанности. Все мое внимание было сосредоточено на Великом каноне.

Летом я поделился с отцом своими мыслями. Он был очень доволен выбранной темой и сказал:

– Ты теперь «Добротолубие» раз пять прочитаешь! Очень хорошая и душевспасительная тема.

Читать «Добротолубие» пришлось действительно почти столько раз, сколько сказал отец. А в декабре на Ученом совете в Московской духовной академии была утверждена

тема моей магистерской диссертации: «Великий канон святителя Андрея Критского: История. Поэтика. Богословие».

К отцу Иоанну за благословением я не поехал по той причине, что хотел оставить за собой свободу выбора, что никогда не возбраняется, по словам отца схиархимандрита Серафима (Романцова). Если не готов выполнить любое слово старца, то тогда лучше и не обращаться, а терпеть все то, что будет по своеволию.

Прошло много лет. Работа кипела. Я мог трудиться днем и ночью. Даже в метро я однажды пришел в такой восторг от внезапного открытия, что чуть не запрыгал от радости.

Отец Иоанн знал – по слухам и рассказам братьев и сестер – о том, что я увлечен работой, несколько раз намекал мне, что знает о моей диссертации, но впрямую разговора не было. Так все и шло до Немецкого кладбища и встречи с отцом Иоанном.

Прежде чем продолжить рассказ, надо сделать еще одно уточнение. Как описано в «Добротолубии», ко всякому доброму делу может приразиться не та сила, которая помогает, но та, которая хочет погубить человека. Как это ни парадоксально, темная сила может помогать человеку даже в самом, казалось бы, добром деле: класть поклоны, молиться неразвлекаемо, поститься самым строгим образом, браться за те дела, которые не под силу, и помогать, помогать, помогать до совершения 75–80 процентов всей работы. А потом внезапно прекратить помощь и, наоборот, начать тормозить, мешать, не давать. Для чего это? Для того чтобы надорвать, сломить человека, ввергнуть в духовную прелесть или, нао-

борот, в отчаяние. А дальше – полный «оперативный простор»: человек может спиться, опуститься, удариться в грех, вплоть до самоубийства. Вариантов очень много.

К моменту разговора с отцом Иоанном я почти полтора года ничего не мог делать по диссертации. Силы кончились, конца работе не было видно, отчаяния еще не было, но что-то близкое уже ощущалось. Все так, как и описано в «Добротолубии».

В тот памятный день отец Иоанн и сказал мне:

– Ты все желаешь получить вторую степень? Не спеши, не надо спешить...

Подумав, что речь идет о диссертации, я представил себе ярко и отчетливо, что отец Иоанн сейчас мне запретит работать дальше и я возьму большую сумку, сложу туда все тексты и черновики с выписками из книг и рукописей, пойду – почему-то так казалось – на Крымский мост и с самого высокого места с удовольствием выброшу все эти бумаги в Москву-реку. Выброшу с удовольствием! Так мне надоело писать и возиться со всей этой работой!

Я стал уточнять:

– Отец Иоанн, это вы про диссертацию говорите?

– Да нет! Почему про диссертацию?

– У меня работа не двигается. Вот я и подумал, что вы про диссертацию говорите.

И вот тут, к моему величайшему удивлению, он сказал:

– Как это не двигается? Надо немедленно, непременно заканчивать работу и защищать! Вот тебе Божие благословение!

Он сам сложил мои, тогда диаконские, руки для получения благословения и с силой, физической силой, буквально вдавливая своей рукой в мои плечи, благословил с произнесением великого имени Божия: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа! Аминь!» Потом выдержал паузу и повторил то же самое во второй раз и так же вдавил благословение в мои плечи.

Вот тебе и человеческая логика! Опять все наоборот. Старец в трудный момент сам подставил свое плечо изнемогшему человеку и приказал завершить работу, дважды благословив на это. Поразительно!

Прошло еще два месяца ничегонеделания, даже благословение старца не смогло сразу прорвать глухую оборону противника. Но потом, сев за стол, я уже полтора месяца не вставал из-за него, быстро и энергично закончил работу, переплел все пять томов, погрузил в машину, отвез, выгрузил на стол в профессорской – сдал и успокоился.

25 декабря 1989 года в Большом актовом зале Академии состоялась защита диссертации. Без всякой помощи со стороны, без влияния важных людей, с нападками и активным противлением некоторых лиц, по молитвам отца Иоанна, которому была послана телеграмма с просьбой о помощи, и с непрерывным взыванием к нему во время защиты все закончилось успешно. 16 голосов «за» и 1 «против». Вот так старец помог преодолеть барьер сопротивления видимых и невидимых врагов и довести дело до конца.

А говорил он о священстве, чтобы я не торопился, потому что он прозревал свое, а я просил и молился, чтобы стать

священником быстрее, чем видел отец Иоанн. Тринадцать лет диаконства перед священством кое-что значат. Но он велел терпеть, а не отказываться. Я и терпел. И по его же молитвам, еще перед защитой, 13 августа 1989 года, я был рукоположен во священника и защищался уже как клирик Никольского храма сельца Ржавки, что в Зеленограде московском. Так и одно, и другое дело совершилось молитвами и предстательством отца Иоанна, которому не знаю, как можно выразить всю глубину моей благодарности!

Примчавшись в Псково-Печерский монастырь после защиты, я сгоряча просил благословения у отца Иоанна писать докторскую диссертацию. Отец Иоанн сказал:

– Зачем? Ты хочешь получить диплом доктора богословия и одновременно рукописание в руку с разрешительной молитвой? Зачем это тебе надо?

Я решительно отверг получение сразу двух этих бумаг, но мой вертлявый и хитрый ум придумал и тут оставить лазейку, чтобы иметь возможность исполнить свои желания.

– А можно доработать те материалы, которые у меня накопились?

Отец Иоанн сказал:

– Это можно, дорабатывай, сколько хочешь.

Я ликовал. Из этих доработок можно было при желании сделать не одну, а целых три диссертации. Моя свобода осталась неограниченной.

Но сколь мудро сказал старец! Он снял с меня комплекс долженствования, я никому и сам себе ничего не был должен. Живи легко, как птица, без всякой тяготы и обязан-

ностей к научной работе. К тому же я никогда не был профессионалом. Я был только любителем. Как-то одна мудрая ученая женщина сказала мне:

– Отец Сергей! Работать с гектарами у вас не получится, да и время ушло. Выберите себе «шесть соток», да и выращивайте себе там лучок, петрушку и всякую другую «научную зелень» для питания. Глядишь, и гостей можно будет покормить, коли приедут.

Но я и этого не выполнил. Увлёкся мучениками и их жизнеописаниями. Активно включился в поиски новых рязанских святых. Все силы туда и ушли. По объёму то, что сделано, вполне могло бы составить большую научную работу, ту же самую докторскую. Но ведь старец не благословил. А для укрощения своих желаний я рассудил, что общие для всех литургические темы вполне может взять кто-то другой, и он сделает работу лучше меня, а то, что пришлось поднять материалы из архивов о мучениках, вряд ли вообще кто-то другой сделал бы.

Вот почему отец Иоанн не одобрил мысль о новой диссертации – надо было потрудиться для мучеников по благословию святителя Патриарха Тихона (в 1918 году), а в последнее время – каждого епархиального архиерея (согласно постановлению Священного Синода от 16 февраля 1999 года). А у меня была и личная просьба, и благословение нашего Рязанского митрополита Симона (с 2003 года на покое). Некоторые из благословений мною не выполнены до сих пор, о чем скорблю, но не знаю, смогу ли выполнить, хватит ли сил.

## *Отношение отца Иоанна к проповеди и молодым священникам*

В марте 1990 года я приехал в Псково-Печерский монастырь на несколько дней. Меня назначили служить в среду на литургии Преждеосвященных даров. Отец благочинный, архимандрит Александр, сказал мне:

– Будешь проповедь говорить.

Я ответил ему:

– Ваше Высокопреподобие, я простыл где-то, и у меня все заложено, одно ухо не слышит.

Он вполне резонно возразил:

– Так ты же не ухом говорить будешь, зачем тебе ухо?

Вот тебе и монашеский подход к делу!

Я стал готовиться. Мне было очень страшно: что нового я могу сказать монахам?

К литургии в алтарь пришел отец Иоанн. Во время проповеди он по старинному обычаю вышел на амвон и подошел справа почти вплотную ко мне. Сквозь очки на меня смотрели большие внимательные глаза. А я начал говорить о монашеском делании и созерцании, поддерживая «делателей» в их простых и самых незаметных подвигах.

Но мне ли учить послушников и монахов?!

На меня напал такой страх, какого я никогда еще не испытывал. Мне пришлось защищать кандидатскую и магистерскую диссертации, говорить в присутствии самого высокого начальства, несколько раз представлять наше священноначалие на открытиях всяких выставок, говорить с самой высокой трибуны – на парламентских слушаниях в Государственной Думе,

да еще после ректора МГУ и представителя Министерства обороны, но такого страха не было ни разу!

Отец Иоанн слушал предельно внимательно, как было принято среди старых священников: не потому, что я мог сказать что-либо новое, а потому, что священник, стоящий на амвоне и отверзающий свои уста, говорит по благословению Церкви, осуществляет апостольское преемство и проповедь, от Самого Христа передающуюся из уст в уста, даже до настоящего времени. Священник на литургии сидит во время чтения Апостола на горнем месте как равный апостолам.

Священник выполняет функцию епископа, когда говорит проповедь. Проповедь является неотъемлемой частью служения именно епископа. И только физическая невозможность произнесения проповеди сразу в 100–150 храмах епархии заставляет епископа делегировать эту функцию простому священнику, как пишут об этом ученые богословы. Не ума и блеска ищет слушатель в проповеди молодого священника, а живого биения пульса и «словообращения» в великом организме церковном (как кровообращение в организме человека).

Это внимание отца Иоанна, пришедшее из глубины веков, – как поучительно, как глубоко церковно! Как далеко от него отстоит институтское или университетское чувство своего превосходства над самыми простыми священниками, получившими совсем малое образование. Я видел, с каким уважением, даже благоговением, вставал старый седой священник перед молодым семинаристом, только что рукополо-

женным, но уже имеющим великий сан священства, чтобы поприветствовать его и его сан. Дай Бог и нам сохранить традицию внимания всем сердцем проповедям и словам наших молодых собратьев в их словесном служении Богу в храме, и особенно на Божественной литургии.

### *Сила молитвы*

Этим рассказом поделился со мной человек, сам бывший участником памятного события, происшедшего незадолго до 1990 года, а может быть, и в этот самый год, в Псково-Печерском монастыре. Сейчас уже как-то забывается, что степень свободы храмов и обителей в то время была еще очень мала, давление властей предрержащих во всех делах было весьма ощутимо и не отпускало ни на минуту. Контроль и запреты люди, верные Богу, пытались потихонечку обходить, но иногда это кончалось плохо, риск был большой.

На Святой горе в Псково-Печерском монастыре в 1988 году был заложен, а в 1995 году закончен строительством и освящен прекрасный деревянный храм во имя Псково-Печерских преподобных, украшенный иконами, искусной резьбой и прочими изделиями рук человеческих. Но когда он только еще начал подниматься от земли, начальство узнало о строительстве и устроило большой нагоняй отцу наместнику, который пытался защитить новое сооружение весьма остроумным аргументом:

– Самая древняя святыня монастыря – это дуб с пещерами под ним. Все остальное выстроено после, то есть явля-

ется «новоделом». Давайте, следуя вашей логике, снесем все и оставим только один дуб!

Небольшой больничный корпус, в котором был оборудован зубоорудный кабинет, городские власти решительно потребовали снести. Наместник согласился, но сказал, что позовет верующих прихожан для молитвы, без которой у православных вообще ничего не делается, и пусть тогда сносят под пение акафиста. Власти не согласились с таким предложением, но пригрозили специальной комиссией «сверху», которая будет совсем по-другому разговаривать с «зарвавшимся» монастырем.

В конце марта сочувствовавшая монастырю сотрудница одной из властных структур города предупредила, что комиссия прибудет в ближайшие дни. Так и произошло. Настал тот памятный день, когда наместнику позвонили и сказали: «Комиссия прибыла в город и через полчаса приедет в монастырь». Наместник по внутреннему телефону позвонил отцу архимандриту Иоанну и попросил:

– Батюшка, погибаем! Комиссия едет. Помогайте, как можете, плохо дело!..

Как рассказывают, отец Иоанн сразу надел мантию, епитрахиль, поручи и встал перед своими иконами в келии на молитву.

Подъехали ухоженные и блестящие машины, вышло высокое начальство. Наместник с благочинным и экономом встретили приехавших у входа и пригласили сначала откусать чаю, а уж потом говорить о делах. В покоях все было должным образом приготовлено, накрыт стол с уго-

щениями и подобающими случаю напитками, как в лучших дипломатических домах и представительствах. Чуть громче обычного наместник сказал послушникам:

– Пожалуйста, со стола пока ничего не убирайте, мы сейчас пойдем смотреть территорию, а потом продолжим чаепитие.

Комиссия приступила к работе. Первым делом было решено осмотреть незаконное строительство на Святой горе. Пока шли по монастырю, отец наместник пытался всячески притормозить события и с увлечением рассказывал одно за другим об исторических особенностях строительства храмов и зданий, об интересных событиях, лицах и фактах, связанных с этим. На дворе стоял март, но было довольно холодно, хотя с утра светило солнце. Начальство немного подмерзло.

Кто был в монастыре, тот знает, что попасть на Святую гору – дело довольно трудное: приходится совершать почти настоящее восхождение. Чинно и степенно собравшиеся поднялись сначала по одной лестнице внутри здания, потом по другой, уже наружной, затем вверх пошли совсем уж крутые ступени. В это время небо над монастырем потемнело, подул резкий северный ветер, как будто вернулась зима. Пошел снег, да не просто снег, а мощный снежный заряд, как в Арктике, обрушился на монастырь, и ветер задул прямо в лицо высокому начальству, залепляя глаза и угрожая снести его с лестницы.

Самый главный начальник запыхался и остановился передохнуть. Один из подчиненных осторожно и ненавязчиво заговорил с ним:

– Может быть, лучше вернуться в тепло, трапеза-то не окончена...

Гневного протеста не последовало. Постояли, помолчали, подумали – и решили последовать мудрому совету. А снег все шел и шел.

При входе в покои отец наместник шепнул послушнику:

– Немедленно позвони отцу Иоанну и скажи: молиться больше не надо, пусть отдыхает. Благодарить приду сам.

И пришел, и благодарил. А как благодарил – наверное, только он один знает да отец Иоанн! Это от нас, мирян, сокрыто...

### *Скорбь на Пасхальной седмице и твердое слово старца*

На Пасху обычно никто никуда не ездит. После Великого поста и Страстной седмицы на это просто нет сил. Но однажды я приехал в Псково-Печерский монастырь в Светлую среду. Настроение у меня было пасхальное, оно еще больше усиливалось от предчувствия близкого освобождения от почти двухлетней тяжелой службы на приходе. Местная община, позвавшая меня служить, хотела иметь полную независимость от своего настоятеля, совсем как при Хрущеве, а батюшка должен был, по их мнению, приходить, молиться и ни во что не вмешиваться. В 1961 году, когда по воле светских советских властей приход был насильственно отделен от настоятелей во всей Русской православной церкви, мне исполнилось 11 лет, и я хорошо помню, как отец служил до 18 июля 1961 года

и что было после. Много настоятелей получили в те времена тяжелые болезни, страдали и преждевременно скончались от нового гонения, которое только в наши дни стали открыто называть этим словом. Сам я становиться наемником, а не настоятелем, категорически не соглашался.

Отец Иоанн благословил мне изложить в письме все мои приходские обстоятельства и прийти на следующий день после обеда к нему. Я описал все довольно подробно и передал написанное старцу.

В монастыре все было празднично, все ликовало. Никогда я не слышал такого долгого трезвона «во вся тяжкая». После литургии звонили два часа подряд! Потом делали небольшой перерыв, затем еще два часа гул колоколов не смолкая славил Бога. Действительно, земля благовествовала радость велию, «говор» металлических языков был слышен далеко в городе.

Несколько слов об «обстоятельствах» на приходе. Обстановка накалилась до такой степени, что на меня жаловались и старцу архимандриту Кириллу (Павлову) в Троице-Сергиеву лавру, и ездили к отцу Иоанну в Печоры. Несколько маститых протоиереев в Патриархии во главе с отцом Матфеем (Стаднюком) вызывали меня на собеседование. Вместе с главными деятелями прихода я был вывезен «на судилище» к отцу Кириллу в Лавру. Сам я никому не жаловался, терпел, как мог. Только один раз напугал приходской совет:

- А я ездил к Патриарху, жаловался на вас.
- Когда? Он же сейчас мало кого принимает.

– Никакой очереди не было, свободно пропустили, почти двадцать минут говорил, и секретарей и референтов не было.

– Это что, в Переделкине?

– Нет, в Донском монастыре.

– Как это понять?

– Я был у Патриарха Тихона, – сказал я.

– А... – разочарованно протянули они со вздохом облегчения, – это не страшно...

– Это еще неизвестно, – сказал я.

А я действительно был в Донском монастыре, подошел к гробнице святителя. Службы не было, шла уборка. И как-то мне так тяжело стало, что я, как школьник, расплакался, встал на колени, уцепился за гробницу и минут двадцать не мог успокоиться, чем поверг в испуг уборщиц и редких посетителей. Облегчения после этого я особого не испытал, но ощущение «выговоренности» было.

В письме к отцу Иоанну я писал, что для общего успокоения было бы хорошо мне уйти в другое место. Тем более что на шестой седмице Великого поста я был у начальства и мне сказали, что недалеко от моего дома есть храм Иерусалимской иконы Божией Матери, который используется не по назначению. Хорошо было бы организовать общину, открыть храм, начать службу и проч. На это я и просил благословения у старца.

Старец встретил меня сдержанно, даже, можно сказать, строго. Достал письмо и попросил еще раз прочесть мои же слова о разговоре с начальством. Уточнил, какой здесь смысл. С юридической точностью! А затем заме-

тил, что о переводе и назначении здесь ничего не говорится. Его «приговор» был, как почти всегда, неожиданным и окончательным:

– Если поддашься всем этим искушениям и отступишь, то бес не оставит тебя и в следующем приходе, зная, что тебя можно сломить. И сможет гнать все дальше и дальше! Оставайся в своем храме, терпи все и там все свои награды и получишь.

Я тут же возразил старцу:

– Я не смогу выдержать такого натиска, просто помру.

Старец твердо ответил:

– Я буду молиться о твоём здоровье.

Встретив мой печальный, даже отчаянный взгляд, старец смягчился, пожалел меня, глаза его как-то затуманились, будто он устремился куда-то в прошлое. Наконец он сказал:

– Я вспоминаю, как я служил в Рязанской епархии. Два года, всего два года мне давали служить на приходе – и переводили! Пять приходов мне пришлось сменить. И каждый раз при переводе мне говорили: «Для пользы церковной жизни». Приходилось все оставлять и ехать в другое место.

Мне сразу вспомнился мой отец, его в те же годы в той же епархии держали по три года на приходе, а затем переводили на следующий. На лице старца отразилась глубокая скорбь от пережитого. В Касимове его только год продержали и снова хотели куда-то в другое место перевести.

Возвращаясь к моим делам, старец сказал:

– Бывают в жизни священника большие трудности и искушения. Лучше, когда эти искушения случаются

в начале служения, а не в конце. В конце их труднее переносить... Ты же не случайно попал в Голенищево, ведь это получилось после истории с моей фотографией. Нет, надо терпеть!

История была такова. В октябре 1990 года меня позвали на какую-то встречу в Издательский отдел Московской Патриархии на Погодинской улице. Я приехал, поднялся на третий этаж. Пока собирался народ, я стал рассматривать красивые цветные фотографии, развешанные по стенам коридора. Ко мне подошел юноша и сказал, что он автор этих работ. Я поблагодарил его, а он предложил мне:

– Хотите, я вам покажу фотографии Псково-Печерского монастыря, они в конце коридора висят?

Я согласился. Когда мы подошли к фотографии, на которой был изображен отец Иоанн с одним батюшкой, я очень обрадовался, а юноша сказал:

– Это мой старец.

Я не удержался и сказал:

– Нет, это мой старец!

Юноша повторил снова свои слова. Тогда я спросил:

– Сколько лет вы его знаете?

– Три года.

– А я уже 24!

Юноша удивился, но ничего больше не сказал. Но в тот же вечер он позвонил лидерам общины своего прихода:

– Я нашел вам батюшку для храма. Просите его.

Дальнейшее к теме уже не относится. Скажу кратко, что на свою голову они выхлопотали меня, хотя началь-

ство предполагало назначить меня в другой храм. Историю с фотографией отец Иоанн знал и подтвердил неслучайность того события. Не буду называть имени этого юноши. Теперь он достиг многих высот в Церкви, но и сейчас состоит членом нашего приходского собрания.

Получив благословение, помазание святым елеем и кропление святой водой, я впервые вышел от старца без радости. Гудели колокола, кругом была Пасха, но как же мне не хотелось возвращаться в свой приход! По моему малодушию и маловерию было это. Радоваться надо было и принимать из рук старца все, как из рук Бога. А мне, такому земному, грешному, все было не так, хотелось освобождения и долгожданного избавления от тяжелого противоборства. Так я и уехал в Москву, решив свято исполнить слово старца, но скорбя душой совершенно.

Из храма меня не перевели. Через какое-то время все изменилось, и мы много лет уже живем в тишине, спокойствии и мире по молитвам старца и его решительному и твердому слову.

Что касается Донского монастыря, то я уверен, что святитель Тихон не оставил моей жалобы без ответа, и жизнь подтвердила это. Но никаких знаков, или указаний, или удостоверений в связи с этим я не получал ни тогда, ни позже, не стану скрывать. Да и зачем нужны какие-то знаки, когда есть такой старец?

Много лет спустя, почувствовав ухудшение здоровья, я в феврале 2003 года написал письмо отцу Иоанну, испрашивая его благословения оставить преподавание в акаде-

мии и институте и трудиться только на приходе. С письмом поехал сын Владимир, которому пришло время самому решать свои жизненные проблемы. Он привез мне устный ответ, который и на этот раз оказался совершенно неожиданным:

– Нет благословения. Надо трудиться по-прежнему. Вперед загадывать не надо, вот пройдет два года, тогда и будем решать. А пока все оставить, как было.

Так я и тружусь. Хотя тяжело, но зато по послушанию, а не для своего удовольствия.

### *Коробка из-под обуви с резиночкой вокруг вместо веревочки*

Однажды в субботу, после вечерней службы, подходит ко мне какой-то дядечка и говорит:

– Батюшка! Я только что из Печор, меня отец Иоанн просил передать вам вот эту коробочку.

Поблагодарив паломника и удивившись тому, что сам отец Иоанн что-то присылает мне (такого никогда еще не было), я удалился в Свято-Тихоновский придел. В моих руках была коробка из-под обуви «Саламандер» с дырочками для вентиляции. Вместо веревочки она была стянута простой резиночкой поперек, никакой упаковки не было.

Со страхом я открыл коробку. В ней, аккуратно сложенная, лежала бархатная красная епитрахиль, необычно узкая, с позолоченным галуном по краям. Тут же лежали поручи, не со шнурками, а с резиночками, обтянутыми материей: поручи надевались прямо поверх подризника без обычной

шнуровки. На дне коробки лежала записка, в которой рукой Татьяны Сергеевны было написано: «Отец Сергей! Эта епитрахиль и поручи принадлежали Святейшему Патриарху Сергию. После его кончины они были переданы архиепископу Рязанскому Николаю (Чуфаровскому), а от него перешли к отцу Иоанну. Отец Иоанн просил передать их вам». И все! Больше ни строчки! На меня напал ужас. Тут уж не один только авва Дорофей, а весь лик преподобных устремился на меня в атаку, приводя множество случаев осуждения в тех или иных обстоятельствах. А уж самого Патриарха осудить до Страшного суда, наверное, никому не приходилось: это аз, грешный, дерзнул! И вот теперь – на, получи! Скажи, спасется Патриарх Сергей или нет?!

Здесь требуются некоторые пояснения.

Отец Анатолий, мой отец, сам соловецкий узник, не хотел, чтобы дети его ушли в политику или правозащитное движение. Больше всего он хотел, чтобы сыновья совершали важнейшее дело на земле: предстояли Престолу Божию и служили Божественную литургию. Он всегда был сдержан даже в рассказах о Соловках. Мама, горячая душой, наоборот, рассказывая об аресте своего папы, отца Михаила, не могла удержаться от слез. Кто-то сказал, что слезы матери рожают душу ребенка. Во мне любовь к мученикам началась с этих маминых слез еще в отрочестве и продолжается всю жизнь. В 1970-е годы тайком мне удалось прочесть и «Архипелаг Гулаг», и «Большой террор» Роберта Конквеста, и «Трагедию Русской Церкви» Льва Регельсона. Больше всего мне нравилось «Послание Соловецких епи-

скопов». Я не скрывал своих взглядов, но никогда вслух, публично, об этом никому не говорил. Об этом знали только мои домашние. Тем более с амвона мне даже и в голову не приходило о чем-то подобном заявлять.

И все же отец Иоанн счел нужным сделать то, что он сделал. Хочу особо отметить: он никак не прокомментировал свою посылку! Читающий да понимает! Ведь сколько раз, во множестве случаев, люди начинают толковать слова старца в самом разном смысле, каждый по-своему, каждый соответственно своему пониманию! Вот почему мудрость старца состоит еще и в том, что он уклоняется от публичных выступлений, не разрешает записывать свои слова на магнитофон, кроме редчайших случаев, уклоняется от фотографирования с кем-либо, зная о современных возможностях фотомонтажа, и прочее. Как бережно надо относиться ко всему, что связано со старцем, дабы не впасть в грех приписывания ему того, чего он не говорил, о чем и не помышлял, чтобы сохранить и уберечь без искажения его слова и дела! Если уж от непослушания слову священника архимандрит Серафим (Романцов) со страхом предупреждал, то сколь опасно искажение слов и мыслей старца! И что может быть страшнее для того, кто решается на такое искажение?!

С момента получения этой посылки я запечатал свои уста, стал всеми силами души стараться не впасть в грех осуждения, особенно начальства, и рассуждать легкомысленно, по-студенчески.

И говорю от себя, а не от старца: какое я имею право

рассуждать о личности Святейшего Патриарха Сергия, когда документы до сих пор еще не рассекречены и даже самые опытные исследователи до сих пор ничего не могут узнать? Поэтому со строго научной точки зрения никто сейчас не имеет права сделать тот или иной вывод о личности Патриарха Сергия! Вот пройдет сто, двести лет, может быть, тогда откроются факты, а скорее всего, ничего такого и не откроется – нечему такому потаенному и открываться! А ты возьмешь и погубишь свою душу грехом осуждения, да еще весь приход свой потащишь вслед за собой!

Здесь важно еще отметить принципиальную позицию старца, стоящего вне политики и вне общественных мнений. Только духовный смысл! Есть факт греха осуждения – немедленно покайся! Все остальное – наносное и временное. А ты успеешь покаяться с таким вот твоим настроением? Оставь ученым и политикам разбираться, кто, когда и где согрешил. От осуждения ты погибнешь, а не они!

Ровно через две недели на Киевском вокзале, в епитрахили и поручах Патриарха Сергия, спрятанных под пальто, я встречал частицу мощей священномученика Владимира, митрополита Московского, Санкт-Петербургского и Киевского, убиенного в 1918 году. Частицу святых мощей прислал нашему храму Блаженнейший Владимир, митрополит Киевский и всея Украины, уважив просьбу своего бывшего студента. А в ближайшую Пасху я совершал заутреню и Божественную литургию в той же епитрахили и поручах. На Светлой седмице я рассказал своим прихожанам о патриаршей епитрахили, положил ее на аналой,

и они с благоговением приложились к ней как к некоей святыне. Больше служить в этой епитрахили я уже не дерзал, но храню ее в назидание потомству.

Совсем маленькое дополнение. Год спустя, когда я появился в Печорах, Татьяна Сергеевна спросила меня:

– Ну как, ты все понял про епитрахиль Патриарха Сергия?

– Конечно, понял.

– Ну и хорошо.

И больше ничего не спросила. И до сих пор не спрашивает.

Прошло десять лет. Удивляюсь: а что же это я не уточнил смысл посылки? А правильно ли я понял? Бог даст, если получится приехать в Печоры, обязательно спрошу. Потому что вопреки преподобному авве Дорофею, «выпав» из греха осуждения, я с легкостью впал в грех самоуверенности, в котором и пребываю целых десять лет, вплоть до написания этих строк: только сейчас об этом и задумался...

### *Костница на Афоне и пещеры в Печорах*

На Афон группу наших паломников из Троицкого-Голенищева не пускал ветер и довольно сильное волнение на море. Паром взялся довести машины и пассажиров до бухты Дафни, а к каждому монастырю не причаливал. Мы добирались микроавтобусом до Русского Пантелеимонова монастыря, и, когда приехали, оказалось, что около трех часов нам нечего было делать из-за опоздания, а ехать куда-то в другую обитель было поздно. Нам сказали:

– Идите в костницу да помолитесь там.

Мы пошли. И провели там целых три часа! И это была великая милость Божия к нам, потому что наскоком, как бывает у туристов, паломникам никогда и ничего не бывает душеполезного.

Без разрешения Вселенского Патриарха и местного игумена никто не может совершать богослужение на Афоне. И я не служил. Мы помолились мирским чином, пропели «Вечную память», а дальше провели время в молчании и созерцании целого сонма черепов, стоящих на полках, всматриваясь в них по очереди и узнавая их имена. В соседней комнате лежали берцовые кости и голени, сложенные так, как в нашей Рязанской области складывают в сарае дрова в поленницы.

Костница была устроена с конца XIX века. Даты, имена и «род занятий» писался на черепе характерным почерком того самого времени, когда умирал монах. Мы читали под каждым именем то послушание, которым он трудился: «просфорник», «тенор», «доктор», то есть врач или фельдшер, «пономарь», «звонарь» и так далее. У «тенора» прекрасно сохранились передние верхние зубы. Но что самое главное, все эти иноки представляли перед нами как живые! Не потому, что мы имели какое-то таинственное дарование или дар прозрения, а потому, что мы никуда не спешили. Мы свое время отдали им, помолились за них, а они открыли нам, кем они были на земле, как трудились для Бога. И мы почувствовали, что они не просто так здесь собраны для любопытных глаз, а составляют целый немолчный хор

молитвенников. Это как некий полк, мощный строй заступников наших пред Богом, не умолкающих день и ночь!

«Тенору» с зубками вовсе не все равно, как поет нынешний тенор, правильно ли он делает то, чему сто лет назад он сам многими трудами выучился и других обучил? Он и сейчас вслушивается в монашеское пение, помогая соблюсти выверенный аккорд и сохранить афонскую традицию.

А иеромонахи, а игумены, архимандриты? Сколько же искушений, скорбей, бед, ужасающих возможных падений пережили эти иноки – может ли быть им все равно? С какой болью, с каким состраданием они видят все, что происходит рядом с ними. Нет большей болезни и мучения, как сознавать, что медленно и неуклонно погибает брат твой! Его жизнь буквально обжигает тебя, его пример всегда стоит перед твоими глазами. Во время летних работ в Печорах я был свидетелем одного такого «медленного кораблекрушения». Я не могу его забыть. До сих пор я не устаю говорить о нем, не называя имени и места, когда хочу предостеречь от неминуемой гибели молодого и неопытного прихожанина или студента.

А почему игумены монастырей так берегут Устав? Они деятельно знают, чем может закончиться и чем обычно заканчивается своеволие и несоблюдение Устава. Допустишь вольность в малом, а лет через пятьдесят или сто не будет здесь ни монастыря, ни монашества...

И когда мы познакомились с монастырем, узнали о молитвенном правиле, участвовали в бдении с ныне здравствующими монахами, мы поняли, что костница, стоящая

на высоком месте недалеко от гостиничного корпуса, является едва ли не самой важной частью обители, исполненной не меньшей, а большей жизни и молитвенного горения, чем мы, ныне живущие! Они держат нас больше, чем мы заботимся о них.

Все это я говорю, вспоминая великое сокровище Псково-Печерских пещер. И не только пещер, но и келий. Радуюсь нескончаемой радостью, что старец отец Иоанн жив и держит не только живущих рядом с ним братию и послушников с трудниками, но еще неисчислимое множество духовных своих чад, и не только чад, но и знакомых, бывших прихожан и «приезжан»!

Заканчиваю тем, чем надо было бы начать. Для этого и писал. На февраль 2004 года в России насчитывалось 640 монастырей!!!

Сколь велико мужество игуменов и игумений, управляющих братиями и сестричествами без костниц, без Богом зданных пещер, без старцев, без светильников и молитвенников, защитников и заступников пред Богом! Со старцами-то никак не получается спастись, а без них?! Возможно ли это, особенно в совершенно новых местах и новооткрытых обителях?! Наверное, за всю историю России такого еще не было!

Сохрани, Господи, и помилуй тех, кто на этот подвиг решился!..

## *Разное, что еще вспомнилось*

Чем больше углубляюсь в воспоминания, тем больше всплывает в памяти событий, связанных с отцом Иоанном, его изречений и советов. С годами память слабеет, новые события вытесняют прежде бывшие. Как хорошо бы было записать, пусть кратко, то, о чем говорил отец Иоанн в разное время и разным людям. Жанр таких записей имеет большую историю. Он начинался с изречений древних подвижников, XX век добавит к этому жанру мученический и исповеднический опыт, носители которого уходят так быстро. Помогите, Господи, тем, кто найдет в себе силы, молитвенную помощь и благословение своих наставников, чтобы постараться запечатлеть хотя бы то малое, что еще осталось в памяти.

Хочу поделиться совсем немногим из речений отца Иоанна.

### *О том, как часто надо причащаться Святых Христовых Таин*

Отец Иоанн советовал всем, включая прихожан Троицко-Голенищевского храма, причащаться не реже чем раз в две недели. Беременным, кормящим грудью и болящим он советовал причащаться каждое воскресенье. В Великий Четверг, в самый день Святой Пасхи и в дни великих праздников этот ритм может нарушаться, но потом нужно снова возвращаться к нему.

Я знаю, что есть противники такой частоты причащения и среди сторонников более частого, и среди сторонни-

ков более редкого участия в этом великом таинстве. Не мне об этом судить. Я во всем слушаю отца Иоанна. Но хотелось бы привести в пример практику Афонского Свято-Пантелеимонова монастыря в конце XIX века, прописанную даже в Уставе обители одним из замечательных ее игуменов – отцом иеросхимонахом Иеронимом. Читаем в Уставе:

«...Глава 6. О Причащении Святых Таин и о подобающем к нему приготовлении.

[Идет речь о самом таинстве. Далее:] ...Того ради подвижающимся в обители первым и священнейшим долгом поставляется приступать к ней (к Чаше) *по подражанию древним христианам сколько можно чаще*: схимонахам дважды в неделю, монахам однажды, а послушникам через две недели (курсив мой. – Прот. Сергей Правдолюбов)» (Великая стража. Жизнь и труды блаженной памяти афонских старцев иеросхимонаха Иеронима и схиархимандрита Макария, в трех книгах. Книга первая).

На 513-й странице той же книги можно прочесть написанный в 1884 году тем же старцем Устав пустынной местности, именуемой Фиваида, находящейся на Святой Афонской горе в пределах Кромицы, принадлежащей Русскому общежительному монастырю святого великомученика Пантелеимона:

«...Глава 3. О причащении Святых Христовых Таин.

*...Братия или послушники должны причащаться через две недели, а если кто из них по благословию постится,*

тот пусть причащается один раз в неделю (курсив мой. – Прот. Сергей Правдолюбов)».

Итак, в то самое время, когда в России нормой для простого населения было причащение один раз в год, на Святой горе Афон было принято, особенно для послушников, причащаться раз в две недели. Какая радость, что в наши дни отец Иоанн приравнивает нас к послушникам в частоте причащения Святых Христовых Таин, следуя 150-летней афонской практике.

### *Об отчитывании одержимых и бесноватых*

Не буду говорить обо всей трудности этого явления и особых дарованиях экзорцистов. Известно, что приходской священник даже близко не смеет касаться этой проблемы, тем более решаться на такое действие. Я сам слышал, как отец Иоанн говорил одному из батюшек:

– И не надо отчитывать, даже если просят или не могут поехать в далекий монастырь. У простых приходских священников есть способ, который они могут безвредно для себя применить без всякого отчитывания. Надо просто совершить таинство Елеосвящения и после него сразу три дня подряд причащать этого человека Святых Христовых Таин. Можно с утра поисповедовать, совершить Соборование и после него причастить. И тогда останется два дня с утра причаститься. И ничего другого делать не надо.

Это слово старца.

### *Соборование всех в храме*

Это совершенно новое явление, которое не могли ни понять, ни принять старые священники. Даже в ставленнической присяге упоминалось обязательство «не соборовать здоровых». И не соборовали. Но вот академик Вернадский писал, что всех людей XX века можно разделить на две половины: тех, кто родился до 1950 года, и тех, кто родился после. Академик имел в виду, что уровень загрязнения атмосферы, включая страшные долгоживущие частицы радиации, с 1950 года будет совсем другим. Старые батюшки сопротивлялись, но академикам и старцам виднее, что сейчас здоровых людей на земле практически не осталось. И средство помощи болящим, редко применявшееся в старину, стало для нас сейчас почти ежегодным. Некоторые даже соборуются в каждый пост.

Но мне, когда я пособоровал второй раз одного болящего в течение недолгого времени, отец Иоанн сделал строгий выговор: «Нельзя этого делать! Ты хочешь Бога вынуждать таким частым совершением таинства? Это неправильно. Не делай так больше!»

Перед отъездом из Касимова отец Иоанн сам совершил Соборование всех наших близких в доме бабушки Лидии. Я соборовался со всеми впервые в жизни от рук отца Иоанна. Мне не было тогда еще шестнадцати лет.

## *Что такое православие*

В Николо-Хамовнический храм начали ходить молодые супруги с маленькими детьми. Они мужественно выставляли длинные службы, а я подкармливал их детей благословенным хлебом, когда были праздники. Постепенно мы познакомились. Молодой отец вдумывался и вчитывался в церковную литературу (в то время очень трудно было достать любую книгу о Боге и Церкви).

Как-то раз он подошел ко мне с вопросом:

– Посоветуйте, как лучше узнать православие?

Я подумал, вспомнил, что он математик, и сказал:

– Прочтите «Столп и утверждение Истины» отца Павла Флоренского.

Прошло какое-то время, молодой человек сообщил мне:

– Я прочел эту книгу, но все-таки мой вопрос так и не решен. Что можно еще прочитать?

Я посоветовал прочесть «Догматическое богословие», а если хватит сил, то и «Очерк мистического богословия» В. Н. Лосского. Прошло время, но наш прихожанин так и не получил ответа на свой вопрос и после прочтения этих трудов.

В конце лета, после долгого перерыва, вдруг в храме появляется все молодое семейство. Отец подходит ко мне, весь сияющий и радостный.

– Мы были в Псково-Печерском монастыре, видели отца Иоанна, я даже разговаривал с ним. Отец Сергей! Мой вопрос полностью разрешился! Вот теперь я знаю, что такое православие!

Не буду называть имени, теперь этот бывший молодой математик стал одним из самых заслуженных и авторитетных протоиереев Москвы.

## *Об изданных письмах отца Иоанна*

Я уже приводил слова старца о том, что нет двух одинаковых людей с одинаковыми обстоятельствами жизни и со «стандартной типологией». Хочу сказать, что письма отца Иоанна написаны тем или иным лицам, находящимся в тех, а не в других обстоятельствах. Поэтому автоматически применять их к себе как благословение, данное не только адресату письма, но и читателю, будет неправильно и самонадеянно и может привести не к тем результатам, которых ожидает читатель. Подобное правило существует и для читателей святоотеческих творений древних подвижников: прочитанное без благословения и примененное к себе может привести к гордыне и крушению всей духовной жизни человека.

## *О супружеских отношениях*

Мне хорошо известен спор одного старого протоиерея с отцом Иоанном, в котором протоиерей настаивал на своем и настоял. Отец Иоанн уступил:

– Вы, мирские, сами решайте этот вопрос. Монахи в этом ничего не понимают.

Но сам все-таки советовал молодым людям соблюдать то, что очень трудно выполнить. Особенно если какие-нибудь обстоятельства способствовали молитвенному подвигу. Когда, например, не было детей или что-то затруд-

няло обычную жизнь, он очень осторожно говорил:

– Посмотрите на животных! Никогда будущая мать близко не подпустит к себе своего супруга. Она оберегает свое потомство – сама природа от Бога подсказывает ей это. И когда родятся дети, во время кормления своей грудью, супруг также далеко отгоняется от рожденных. Вот и вы. Попробуйте соблюсти этот естественный закон. Во весь период беременности и до конца кормления младенца грудью воздерживайтесь от супружеского общения. Я понимаю, что это трудно, но вы увидите на своих детях: это будут совсем другие дети! Вы сами увидите!

Вспоминается святой апостол Павел, с его четким различием того, что ему Бог говорил и на что он имел повеление Божие, и того, что он думал сам и что советовал от себя, с такой заботой, теплотой и пониманием. Отец Иоанн никогда не говорил, что это правило есть заповедь, но с какой любовью он осторожно убеждал молодых супругов!

Кстати, самые лучшие строки в мировой литературе о кормлении младенца грудью и научении его ходить принадлежат суровому и строгому аскету глубочайшей древности – преподобному Макарию Великому. Самое лучшее описание переходного периода в молодости и юности – святителю Феофану, Затворнику Вышенскому, никогда не имевшему семьи. Да что тут говорить, когда Сам Господь сказал удивительные слова о рождении младенца: «Женщина, когда рождает, терпит скорбь, потому что пришел час ее; но когда родит младенца, уже не помнит скорби от радости, потому что родился человек в мир» (Ин. 16, 21).

Надо бы остановиться, но не могу.

С какой любовью и пониманием, с какой нежностью говорит о своей матери и о своем отце русский инок Иосиф в XVI веке, оставивший на полях переписываемой им рукописной Псалтири прекрасную молитву, которую он сам составил. Напоследок я хочу воспроизвести ее в память о родителях отца Иоанна – Михаиле и Елизавете (цит. по: Прот. Александр Горский, Капитон Невоструев. Описание славянских рукописей Московской Синодальной (Патриаршей) библиотеки. Отдел 3. Книги богослужебные. Часть 1-я).

«Боже, приемый жертву Авраамлю и призрев на всеожжение, явлей Анну пророчицу Самуила родити, – приими добрая родителя, отца и мать, помяни, Господи, древнее матере моя: помяни, Господи, вскормление, помяни, Господи, слезы, помяни, Господи, воздыхание, помяни, Господи, яко не восхотеста разлучитися от мене, и се – разлучистася от мене в вѣце сем.

Но за доение и вскормление, и за слезы и воздыхание, и за разлучение, еже от мене – радости вечныя сподоби я. Не сведи их, Господи, от скорби в скорбь, от печали в печаль, от сетования в сетование.

Но за жертву рождения и принесения к Тебе, Господи, мене, недостойнаго раба Твоего инока Иосифа, Царствия Небеснаго сподоби я.

Яко благословися и прославися пречестное и велико-лепое имя Твое, Отца и Сына и Святаго Духа, ныне и присно и во веки веков.

Аминь».

*Митрофорный послушник  
(завещание отца Анатолия  
своим детям без слов)*

Отец перед смертью долго болел, очень сильно страдал ногами, мучился даже. Кто-то из наших поехал в Печоры и спросил об этом отца Иоанна: почему так? Отец Иоанн ответил:

– Видимо, у него много друзей было в Соловках, и они хотели, чтобы он был с ними. Но для этого надо пострадать.

Отец и страдал.

Перед кончиной отец Анатолий повенчал последнего своего сына, проявляя подлинное мужество и силу духа. По состоянию здоровья он не мог встать на ноги, пойти в храм и совершить таинство. Все это он сделал, исполняя слово старца, который предсказал, что он повенчает всех своих сыновей.

К своему великому стыду, я много лет не понимал последнего подвига отца, хотя об этом и говорили, и писали очевидцы: мама, отец Феодор и сестры. Мне представлялось неким упорством и старомодным чудачеством то, что он хотел непременно выполнить – и выполнил – слово старца.

Теперь, когда старость уже близко и я сам тоже страдаю разными недугами, мне уже совсем по-другому представляется отцовская самоотверженность, и в ней я вижу глубокий и очень емкий смысл. По-человечески вполне можно было бы объяснить все старцу – письмом ли, телеграммой ли, – что нет никакой возможности выполнить то слово, которое не вчера было

сказано. Ведь все меняется: «Отче, прости, пусть отец Феодор повенчает, а я болен болезнью к смерти, я рад бы всею душою, но никак не могу! Помолись обо мне, отче Иоанне, и прости, что я не смог выполнить твое слово!» Вот так можно было бы выйти из положения. Ведь это вполне объяснимо.

В борьбе со смертью за исполнение завета старца я теперь вижу нечто недостижимое для себя: я бы так не смог! Это послушание паче жизни и смерти есть знак и символ. Это действие стало завещанием без слов всем детям и внукам отца Анатолия.

Первое, что можно «прочитать» в этом завещании, – это свидетельство соловецкого узника, видевшего многих и многих святых мучеников и исповедников. Свидетельство о действительности старца и старчества. Отец, как бывший фронтовик, встал по стойке смирно перед тем, перед кем нельзя не встать, – перед посланником Божиим, ибо старец, как и пророк, не сам говорит, а действует силою Божией. Слово его нельзя нарушить, как нельзя нарушить слово Самого Бога! Ведь до сих пор некоторые не видят старца в отце Иоанне и не понимают его служение. Один батюшка даже назвал отца Иоанна «Дедом Морозом», от которого «что ж там и ждать? Дедушка Мороз, да и только!».

Второе, о чем хотелось бы сказать: есть разные служения у Бога. У мучеников – одно, а у преподобных – другое. Мученика и исповедника Бог может не спросить о его подвигах в стяжании преподобнического искуса. У мученика свое дело: мужественно ринуться на страдания и смертью запечатлеть верность Христу. Как и у исповедника тоже.

А преподобный – это тот, кто не покладая рук всю жизнь трудится «в резьбе по дереву». Так образно выражались семинаристы нашего курса. Потому что каждый из нас создан по образу Божию, каждый из нас являет собой «икону» (что по-гречески и значит «образ» или «изображение» Христа). Вот почему священник или диакон ходит по храму и кадит сначала икону с лампадами, а потом поворачивается и кадит предстоящих людей – «иконы без лампад». А «преподобный» – значит «очень подобный» Господу Иисусу Христу. «Преподобный» – это тот, который всю жизнь, как резчик, точит и точит, точнее, вытачивает, возвращает прежнее изображение «потерянной драхме». И это очень и очень нелегкое дело.

Некоторые начала послушания мы стараемся по мере сил своих выполнять, как можем, но быть верным послушанию «даже до смерти» – не всем доступно.

И вот что сделал отец Анатолий в последние недели своей жизни: он вступил в борьбу с бесами, противоречившими ему и смеявшимися над ним. Ведь невозможность исполнения слова старца была очевидна. И отец Анатолий не только до смерти сражался и устоял под натиском бесовских искушений, но и преодолел дыхание самой смерти ради послушания. И тем самым, имея опыт соловецкого исповедничества, он вступил в совсем другое служение: в стихию «резьбы по дереву», присоединившись к тем, о ком всегда тоскуют миряне, – к миру послушников и монахов, которых особенно любила русская душа. В первые века православия на Руси – сколько князей перед смертью прини-

мали монашество, сколько других людей мечтали об этом!.. Отец Анатолий даже не дерзал помышлять о монашестве, но послушание «даже до смерти» выполнил доблестно.

На отпевании отца Анатолия митрополит (тогда архиепископ) Симон особо отметил, что почивший всю жизнь имел постоянное духовное руководство и всегда слушался во всем своего духовного отца: «Когда мне пришлось впервые встретиться с отцом Анатолием, мне бросились в глаза его простота и его смирение. Я знал, что простота и смирение – это верный признак благородства, красоты человеческой души. В разговоре с ним я заметил и причину этой красоты, ведь он жил... среди людей, среди препятствий, которые вынуждают человека и на раздражительность, и на гнев. Но он имел духовника, и ни одного важного дела он не делал без духовника, и во все важные моменты своей жизни он руководствовался советом духовника, ибо знал, что духовная жизнь немыслима без духовного руководства».

После смерти отца Анатолия на его письменном столе остался конверт с несколькими открытками, на одной из которых сохранилась отрывочная запись для супруги – Ольги Михайловны:

«Дорогая моя Оля!

Если тебе суждено меня пережить – не сдавай позиции главы рода Правдолюбовского, рода отца Сергия Анатольевича Правдолюбова Первого. Заклинаю всех именем Божиим, если не будет особого слова о. И. или того, кому он нас передаст, а бежать будет необходимо, то – в кошелку святыни (и то если время чуть-чуть есть) и, по Евангелию,

не берите одежды свои, вспомните жену Лотову. Но, Бог даст, по сл. Серафим. Гл...»

И больше текста нет.

Здесь то, о чем я уже говорил. Род священноисповедника Сергия Касимовского – это соловецкие страдания и верность Христу. Отец Анатолий высказывает желание и просьбу всему роду – продолжать линию исповедников Христовых, чтить их и следовать им.

Второе: поручение всей семьи в послушание к отцу Иоанну или тому, кому он нас передаст. Отец Анатолий свидетельствует этим свою твердую веру и убежденность в необходимости духовного руководства именно отца Иоанна для всей семьи. Он уверен, что старец Божий должен передать нас тому человеку, которого он благословит как преемника. А своим послушанием «даже до смерти» он скрепляет свои слова живым и действенным примером, который запечатлевается в сознании детей крепче всяких печатей и подписей.

Третье: слова Глинского старца отца Серафима (Романцова) для отца Анатолия имеют одинаковую силу со словами отца Иоанна или того, кому он нас передаст. Все они – Божии служители и продолжатели подвига старчества. Всех их надо чтить и находиться в полном послушании им.

Смысл дальнейших слов в следующем. Если «бежать будет необходимо», то не жалеете ни о чем, не дорожите ничем, кроме важнейшего: святынями, то есть частицами святых мощей, рукавичкой святителя Феодосия

Черниговского, маслицем от Киево-Печерских преподобных и другими «невещественными ценностями». Соберите их в «кошелку», то есть небольшую, очень легкую корзину, которая помещается на одной руке. Остальное бросайте без сожаления, вспоминая жену Лотову и евангельское «не берите одежды свои» («...и кто на поле, тот да не обращается назад взять одежды свои» (Мф. 24, 18)).

В один из приездов в Касимов отец Серафим (Романцов) всех нас предупредил, что наступают такие времена, когда многих вновь начнут высылать из городов, особенно священников и архиереев. И вот тогда, когда только начнется это гонение, надо самим все бросать и ехать вслед за теми, кого насильственно выслали. Потому что тем, кто останется, будет такая скорбь и такое разрушение, что мало кто останется жив.

Отец Серафим приблизительно через десять лет после этого предупреждения снова приехал в Касимов. Его спросили, почему не исполняется то, о чем он говорил десять лет назад. Старец был так смущен, всплескивал руками (я это хорошо помню) и как ребенок восклицал:

– Но ведь я все это видел! Ведь все это было, должно было быть!!!

Вот так же восклицал и пророк Иона, сидя под тыквою и глядя на Ниневию!..

Хочу заметить, что отец никогда так торжественно не говорил, как в этом отрывочке письма: «Заклинаю всех именем Божиим». Это нечто библейское и непререкаемое,

почему так важно детям и внукам вдуматься в эти отцовские и дедовские слова. Отец Серафим и отец Иоанн первые же и молились больше всех, чтобы не сбылось это страшное пророчество так скоро.

Завершая свои воспоминания, хочу привести евангельские слова: «И пришед в отечество Свое, учил их в синагоге их...» И не совершил там многих чудес по неверию их... (Мф. 13, 54 и 58) И это Сам Господь! А ученики Его, если их не принимать?..

Отец Иоанн как-то сказал с горечью об одном человеке: – Его бы учить и учить, а у него уже митра на голове!

Но вот в отце Анатолии отец Иоанн нашел подлинного ученика и послушника в митре, которая не препятствовала усвоению уроков даже до последнего издыхания. Своим послушанием «даже до смерти» он оставил яркий пример и завещание без слов для всех нас.

### *Заключение*

Преподобный старец Силуан во всех людях, приходящих к нему, видел образ Господа нашего Иисуса Христа:

– Вы все похожи на Господа! – говорил он.

Некоторым святым было открыто, что душа человека после смерти приводится на поклонение к Господу Иисусу Христу, и Он совершает предварительный суд об этом человеке. Опираясь на слова старца Силуана, можно представить, что Господь взглянет на меня таким же милостивым и любящим взглядом, каким смотрел на нас отец Иоанн, только без очков. Но вместе с милостию Праведный Судия



*Протоиереи Сергей и Михаил Правдолюбовы*

молчаливо и грозно потребует от меня ответа: почему ты загубил дарованную тебе жизнь и на что ее потратил?!

И мне нечего будет сказать в свое оправдание, потому что слов для оправдания нет! Господь дал мне в жизни все возможное и невозможное, чтобы я мог воспользоваться временем для своего спасения. Кто же виноват, что со святыми и праведными я не смог устроить жизнь свою? Кто виноват, что душа моя грехолюбива и вся пленена земным и для земного? Бог послал тебе старца на всю нашу жизнь, чтобы перенять от него хоть крупицу небесного огня, а ты все гонялся за искусственными светлячками, а старец смо-

трел на тебя, как на расшалившегося ребенка. Кто же виноват, что повзрослеть я так и не сумел? Что всю жизнь так и продолжаю усердно ударять в грязь лицом?

Единственная надежда, что старец умолит и за меня. Если уж он так много молился обо мне всю жизнь, понимая, что толку большого не будет, то что же – молитвы так зря и пропадут?

Есть рабы полезные, опытные, талантливые. Их берегут, они нужны в хозяйстве, на ночь их запирают на ключ, потому что они – ценность! Они поэтому «ключимые». А есть рабы «неключимые», которые ничего не стоят, от них пользы совсем чуть-чуть! По русской пословице «Тебя прокормить – дешевле похоронить!». На ночь их не запирают, потому что, если они сбегут, всем будет только облегчение: от них пользы меньше, чем хлопот.

Отче Иоанне! Не презри меня, совершенно «неключимого» твоего почитателя и несостоявшегося ученика, всю жизнь учившегося, но не сдавшего ни одного зачета, ни экзамена по твоей святой науке! Я не сделал ничего! Но прошу и умоляю: как ты молился об отце Анатолии, помолись и обо мне, чтобы не погибнуть окончательно, и о матушке моей Маргарите, о детях – Анатолии, Владимире с Татьяной, Михаиле с Анной и маленькой Олечкой (и Лукой). Святая мученица Наталия сама не претерпела страшных мук, но по состраданию и любви к мученикам, сопереживая своему мужу – мученику Адриану, «по благодати» названа тоже мученицей. Я был и остался неловким и плохо обучаемым трудником Псково-Печерского монастыря. И теперь с вели-

кой радостью, как мог, выполнил послушание отца наместника: рассказать о том, что я мог вспомнить об отце Иоанне.

Кто прочел эти строки, вспомните и помолитесь и за меня, грешного протоиерея Сергия, чтобы общими молитвами отца Иоанна, отца наместника с всечестною братиею и трудниками Псково-Печерского монастыря не по делам моим, а исключительно «по благодати и милости» обрести и мне вечное спасение со всеми вами под игуменством Господа нашего Иисуса Христа в Его Небесном Царстве!

*11 (24) июля 2004 года, суббота,  
в день памяти святой равноапостольной княгини Ольги,  
село Маккавеево Рязанской области.*

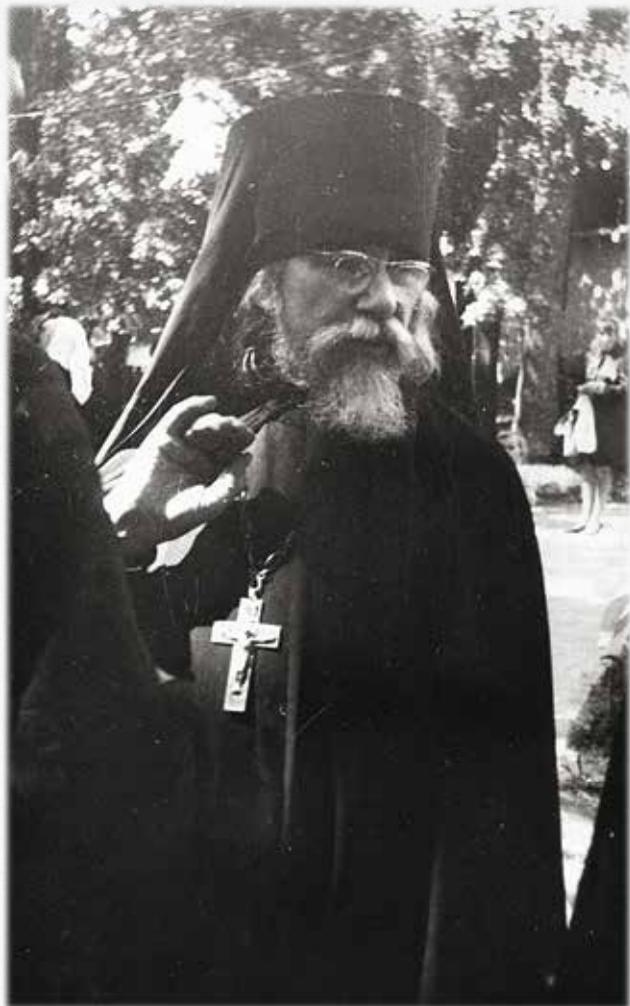


*Дорога от храма к келии*





*Первое лето в монастыре. 1967*



*В доме отца Геннадия Нефедова. Москва*



вспоминает  
протоиерей Михаил Анатольевич  
Правдолюбов

### *«Объятия Отца...»*

Мои родители, протоиерей Анатолий и Ольга Михайловна Правдолюбовы, всегда были очень близки к отцу Иоанну Крестьянкину. Когда отец Иоанн служил в селе Троица-Пеленица (Ясаково) Рязанской епархии, мой папа в те же годы служил в городе Спасск-Рязанский. Эти приходы были ближайшими друг к другу, и мои родители часто виделись с отцом Иоанном. Уже тогда они относились к нему как к старцу, хотя разница в возрасте папы и отца Иоанна была всего в четыре года. Особенно близкими отношения их стали в то время, когда отец Иоанн служил на последнем своем приходе Рязанской епархии – в Никольском храме города Касимова.

Недолгим было служение отца Иоанна в Касимове, но запомнилось оно как очень большой и значительный период нашей жизни. Объяснить это я могу тем, что для отца Иоанна каждый день был очень важен и дорог, потому и для окружающих течение времени воспринималось иначе. В тот достаточно небольшой период времени вместились множество событий: богослужения, проповеди, поездки отца Иоанна, после которых он обязательно устраивал встречи и собирал ближайших для себя людей – моих родителей со всеми детьми, моего дядю, протоиерея



*Ольга Михайловна Правдолобова*

Владимира Правдолубова с семьей. Беседы отцов затягивались до глубокой ночи. Для нас, детей, это были очень важные встречи: мы становились свидетелями бесед священнослужителей, обсуждения их пастырских проблем, вопросов богословия.

Отец Иоанн иногда мог тонко пошутить. Однажды после всеобщего бдения он очень долго, часа полтора, говорил



*Протоиерей Анатолий Правдолубов. Пасха*

проповедь. Закончив, подошел к певчим и спросил: «Никто из окна не упал?» – напоминая об известном случае с юношей, слушавшим проповедь апостола Павла. Моя теть, София Сергеевна, тут же ответила: «А что, уже полночь?» Отцу Иоанну ее ответ очень понравился.

В Касимове отец Иоанн начал совершать таинство Елеосвящения для всех желающих. Раньше такого никогда

не было, считалось, что собороваться можно только в тяжелой болезни. Отец Иоанн, соглашаясь с таким отношением к Соборованию, долго убеждал моего папу, протоиерея Анатолия, и дядю, протоиерея Владимира, что время наступило такое, что совершенно здоровым считать себя вряд ли кто может – у каждого есть какие-то свои болезни. Поэтому один раз в год можно собороваться всем, и для этого самым лучшим будет заранее объявлять в храме о совершении таинства Соборования, куда будут собираться в назначенное время все желающие. Протоиерей Анатолий и протоиерей Владимир согласились с отцом Иоанном, но впервые такое Соборование провели все-таки не в храме, а в доме моей бабушки – Лидии Дмитриевны. Это произошло в феврале 1967 года.

Собрались вместе две семьи: отца Анатолия и отца Владимира. Были здесь и дети, и пожилые люди. Таинство совершали отец Иоанн, мой папа и дядя. Они всех по очереди помазывали елеем, священники помазывали друг друга. Через некоторое время таинство Елеосвящения совершили в Никольском храме и стали совершать его ежегодно. Не знаю, как происходило это в других местах, но такая традиция постепенно установилась повсеместно.

О том, как часто можно причащаться, отец Иоанн говорил, что один раз в месяц можно причащаться всем. Только некоторым он благословлял причащаться один раз в две недели. Чтобы он благословлял причащаться более одного раза в две недели, этого я не слышал.

Об исповеди отец Иоанн говорил, что в наше время вполне допустима исповедь как подробная, так и краткая. Во время поста, когда желающих исповедоваться и причаститься Святых Христовых Таин бывает великое множество, для подробной исповеди просто нет времени. Когда есть время, нужно исповедоваться подробно, когда времени для этого нет, ничего страшного нет в том, что исповедь совершается кратко.

Из Касимова отец Иоанн уехал на второй день праздника Сретения Господня, 16 февраля 1967 года, но связь с ним у нас не прервалась. Мы, дети отца Анатолия Правдолюбова, очень часто стали посещать Печоры, чтобы получить благословение отца Иоанна, услышать его наставления, помолиться на монастырских службах.

Город Печоры расположен в таких широтах, что весной и в начале лета здесь стоят настоящие белые ночи, а в зимнее время – постоянный мрак. Где-то часам к десяти утра становилось светло, а в четыре часа дня – уже сумерки. Так что утром идешь на службу в монастырь в темноте, а к вечерней службе – почти во мраке ночи. Паломников в монастыре с поступлением сюда отца Иоанна стало особенно много. Когда мы приезжали в летнее время, то обязательно встречали кого-нибудь из знакомых – из Рязанской области или из Москвы. Зимой паломников было значительно меньше, поэтому мне особенно нравилось приезжать в Печоры в зимнее время.

Поезд из Москвы прибывал на станцию Печоры-Псковские очень рано – около пяти часов утра. Первый

автобус, отвозивший людей в город, уже стоял у здания вокзала и отправлялся, когда поезд еще стоял на станции. После московской жизни люди попадали как бы в другой мир: тишина, белый снег, мороз, тротуары посыпаны песком, а не солью, как в Москве. Подходили к монастырю, огромные ворота которого были еще закрыты. Все молчали, говорить никому не хотелось, ждали, когда монах-привратник откроет ворота. Высоко над воротами висела большая икона Успения Божией Матери, а перед ней всегда горела красная лампада. Наконец монастырские ворота приоткрывались, и паломники по одному входили на территорию монастыря. Войдя, совершали крестное знамение, кланялись и проходили через каменную арку надвратного Никольского храма, туда, откуда начинался Кровавый спуск к древней пещерной церкви Успения Божией Матери, где вот-вот должен был начаться братский молебен. Во мраке раннего утра плавно двигались фигуры монахов, спешивших к началу молебна.

В Успенском храме в это время всегда было темно, только горели лампы, даже свечи на подсвечниках почти не возжигали. В монастыре так было принято – чтобы и братский молебен, и полунощница, совершаемая сразу же после молебна, проходили в освещении лампад. Главным во время молебна было чтение Евангелия – зачало 43-е от Матфея: «Рече Господь Своим учеником: вся Мне предана сущь Отцем Моим...» Особенно проникновенно и значительно звучали слова: «Возмите иго Мое на себе, и научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим. Иго бо Мое благо, и бремя Мое



*Вход в Богом зданные пещеры*

легко есть». А в полунощнице, конечно же, самым значительным было песнопение «Се Жених грядет в полунощи...». Также в полной темноте монахи вставали стройными рядами перед иконой Успения Божией Матери, главной святыней монастыря, и пели неторопливо и просто: «Се Жених грядет в полунощи, и блажен раб, егоже обрящет бдяща: недостоин же паки, егоже обрящет унывающа...» Казалось, что монахи более размышляют над словами этого прекрасного песнопения, чем поют. Отец Иоанн никогда не пропускал братского молебна, и голос его всегда можно было различить в этом простом хоре монастырской братии.

После полунощницы отец Иоанн проходил в алтарь и вставал около жертвенника – он вынимал частички из просфор за множество людей, кого он знал и кто просил его молитв. Делал он это строго до Херувимской песни, перед которой отходил от жертвенника и больше уже частичек не вынимал. Как-то он поделился своими чувствами, какие испытывал во время своей молитвы за людей – живых и умерших. Он говорил: «Люди как будто идут мимо меня, чем ближе к Херувимской песне, тем скорее они хотят пройти. Торопят друг друга и как бы подталкивают в плечо, чтобы я успел их помянуть...»

Для нас стало потребностью ездить в Печоры, а родители только приветствовали это стремление и желание на каждый важный жизненный шаг получать благословение отца Иоанна.

На службу в армии отец Иоанн благословил меня образом Преподобного Сергия Радонежского. Получил я также

его благословение на поступление в семинарию. Когда пришло время женитьбы, мы с моей будущей женой, Любовью Дмитриевной, прежде всего поехали к отцу Иоанну, потому что решили, что соединим свои жизни только в том случае, если будет на то его благословение.

Когда мы пришли к отцу Иоанну и рассказали ему о своем намерении, он нам ответил: «Сегодня после вечернего богослужения в Успенской церкви будет совершаться монашеский постриг. Приходите, помолитесь, а потом уже будем решать, что вам делать – постриг принимать или в брак вступать».

Можно представить, с какими чувствами мы ушли от отца Иоанна. Целые сутки мы не знали, каков будет его ответ. Вечером того дня, как и сказал нам отец Иоанн, молились в Успенском храме. Во мраке, почти в темноте совершался монашеский постриг. Горели свечи и лампадки, монахи тихо пели «Объятия Отча...», постригаемый в белой длинной одежде полз по каменному полу храма, иеромонахи и архимандриты, среди которых был и отец Иоанн, прикрывали его своими мантиями. Было торжественно и печально. После пострига мы пошли в тот дом, где остановились, и только вечером следующего дня снова были у отца Иоанна. Ни о чем не спрашивая, он благословил нас на брак Нерукотворенным образом Спасителя и иконой Божией Матери Иерусалимской. При этом мы получили от него неоценимые наставления.

Отец Иоанн говорил нам о браке как о таинстве, сказал такие слова, которые запомнились на всю жизнь. «Семья



*Монашеский постриг. 1970*

– это домашняя церковь, – говорил отец Иоанн. – У вас всегда перед мысленным взором должна быть такая картина: икона Спасителя, брачное ложе и детская колыбель. Брак – это таинство. А какое чудо – рождение детей! "Господи, Ты видел, как ткалась моя плоть!"» – процитировал он один из псалмов в русском переводе.

Говорил отец Иоанн и о том, что в христианском браке любовь никогда не исчезает, она, напротив, с годами ста-

новится только больше, и чем дольше живут супруги вместе, тем больше и больше любят друг друга.

Получил я благословение отца Иоанна и на принятие диаконского сана. В то время я был иподиаконом Святейшего Патриарха Пимена. Благословив, отец Иоанн сказал: «Будь в послушании Святейшего Патриарха, как он скажет, пусть так и будет». Ждал я достаточно продолжительное время, как наконец однажды, после всенощного бдения в Елоховском соборе, когда уже задернули завесу, услышал, что Святейший Патриарх Пимен подзывает меня со своего патриаршего места с правой стороны престола и говорит: «Завтра я буду тебя рукополагать». И вот в воскресный день пятой седмицы Великого поста, в память преподобной Марии Египетской, 1 апреля 1979 года, Святейший Патриарх Пимен рукоположил меня во диакона и назначил в храм святых апостолов Петра и Павла в Лефортове.

Когда я сказал об этом отцу Иоанну, он вспомнил годы своего заключения. «В 1950 году я сидел в Лефортовской тюрьме, – сказал он. – И все, кто был со мной в камере, слышали звон Петропавловского храма. Он находится близко от тюрьмы, и мы всегда знали о важных моментах службы и особенно усердно молились в это время».

Теперь, когда я приезжал в Псково-Печерский монастырь уже в сане, то обязательно служил вместе с братией. Когда я получил право ношения двойного ораря, монахи приносили мне из ризницы широкий архидаконский орарь с вышитыми на нем словами: «Свят, Свят, Свят...» Случалось мне служить и с отцом Иоанном. Это было осо-

бенно большим утешением. А однажды я служил с отцом Иоанном на приходе – в селе Юшково.

Это был Ильин день – храмовой праздник прихода. Храм с домиками вокруг был более похож на скит, чем на приходскую церковь. Здесь служил отец Паисий, монах. Жили при храме и несколько стареньких монахинь. Отец Паисий всегда приглашал отца Иоанна послужить у него в этот день, и много лет отец Иоанн принимал это приглашение. Юшково находится километрах в 15–20 от Печор, и поэтому, приехав утром на поезде из Москвы, я успел добраться до этого храма еще до начала службы. Когда отец Иоанн увидел меня в алтаре, то очень удивился и сказал: «Как ты здесь оказался?» «Приехал специально, чтобы вместе с вами помолиться», – ответил я. «Будешь служить?» – спросил отец Иоанн. – «Если вы благословите – буду». «Обязательно служи!» – сказал отец Иоанн.

Это был замечательный день! Перед началом литургии отец Иоанн служил молебен с акафистом пророку Илие и водоосвящением, около него стояли люди, все пели. После литургии – крестный ход с окроплением народа и храма святой водой. Как будто отец Иоанн снова оказался на приходе. Он разговаривал с людьми – к нему подходили целыми группами и семьями. И все это на природе, среди зелени, травы и деревьев. Светило солнце, и было очень тепло – лето в самом разгаре! После того как закончились служба и крестный ход, отец Иоанн пошел окроплять прихрамовые постройки. «Пойдемте, окропим святой водой хижину Марии», – сказал он о маленьком домике



*С паломниками. Печоры. 1981*

одной из монахинь, к которому и направился. И правда, этот маленький домик похож был более на хижину, чем на дом. У всех на лицах сияли радостные улыбки, а монахиня Мария была просто счастлива от того, что отец Иоанн пришел к ней в дом и окропляет святой водой ее жилище.

Потом за трапезой в доме отца Паисия – снова общение с людьми и очень интересные разговоры. Один из священников спросил отца Иоанна, можно ли считать Чернобыльскую катастрофу апокалипсической и не является ли Чернобыль той самой «травой полынь», о которой говорится в Апокалипсисе? «Я бы не стал так прямо называть эту аварию на атомной станции прямым испол-

нением Апокалипсиса, – отвечал отец Иоанн. – Нужно очень осторожно относиться к толкованию Апокалипсиса, и не случайно Церковь не принимает очень многих его толкований. Есть толкование Апокалипсиса святого Андрея Кесарийского – вот это толкование Церковью принимается, его можно читать. Остальные – очень сомнительные!»

Говорил также отец Иоанн о том, что очень нехорошо, когда церковные книги и иконы продаются в обычных магазинах рядом с самым разнообразным товаром. «Этого не должно быть!» – сказал он. Говорил также, что у каждого человека должна быть тесная связь со своим Ангелом Хранителем. Одним словом, темы разговора были самые разнообразные, но, к сожалению, беседа оказалась непродолжительной – отец Иоанн должен был возвращаться в монастырь.

Под горкой, на которой стоял Юшковский храм, отца Иоанна ждала машина, «Волга», которую отец Паисий заранее для него вызвал. Все мы спустились с горки к этой машине, а отец Иоанн, подойдя к молодому водителю, дал ему конфетку. «Нет, я не буду», – ответил тот. Отец Иоанн воскликнул: «Какое воздержание!» Рядом с «Волгой» оказалась еще одна машина – «Нива», и священник, который на ней приехал, потянул отца Иоанна к этой машине, упрямивая его поехать вместе с ним. «А где ваш спутник, высокий молодой мужчина?» – поинтересовался отец Иоанн, потому что все видели этого священника в храме во время службы, окруженного целой группой своих прихожан. «А вот он!» – сказал батюшка и открыл багажник своей «Нивы». В нем оказался скрюченный буквально в два раза мужчина лет

тридцати, ростом под два метра. Батюшка затолкал его туда, для того чтобы освободить место для отца Иоанна в своей машине. «Как вам не совестно, что вы делаете! Как можно так издеваться над человеком!» – сурово сказал отец Иоанн. Мне велел садиться на заднее сиденье «Волги», сам сел рядом со мной, и так мы ехали до самого монастыря, продолжая беседу.

На следующий день священник, который был на «Ниве», увидев меня в монастыре, сказал: «Как я тебе завидую, ты ехал вместе с отцом Иоанном!»

Где-то в середине 1980-х годов началась первая смута о номерах. Тогда это были не ИНН, а новые пенсионные документы. Требовалось заполнять какие-то анкеты, в которые нужно вписывать определенный номер, в каждой анкете свой. Начали говорить о печати антихриста и о недопустимости заполнения таких анкет. Меня постоянно спрашивали, как к этому относиться. Я считал, что ничего особенного в этом нет, но хотел узнать мнение отца Иоанна. В одну из своих поездок в Печоры я подробно изложил отцу Иоанну все то, что смущало людей. Отец Иоанн мне лично отвечал так: «Никаких номеров бояться не нужно. Цифры – всюду: на часах стоят цифры, на документах, на страницах книг – где их только нет! Так зачем их бояться? Бояться нужно не цифр, чисел и номеров, а нужно бояться греха, который мы совершаем, особенно соблазнов последнего времени. Если мы с легкостью поддаемся этим соблазнам, если с легкостью грешим, то дух антихристов действует в нас, и незаметно для нас самих печать антихриста, которую так все боятся, может уже на нас стоять!»

Когда же появилось смущение по поводу ИНН, я спросил и об этом. Отец Иоанн ответил мне в том смысле, что все, что было им сказано о пенсионных документах, следует отнести и к ИНН: никаких номеров бояться не нужно.

В московском храме святых апостолов Петра и Павла я служил достаточно долго – целых одиннадцать лет. Стал уже протодиаконом, служил с двойным орарем и имел большое желание служить в иерейском сане. Несколько раз я просил у отца Иоанна благословения на то, чтобы подать прошение в Патриархию с просьбой о рукоположении, но он отвечал: «Время еще не пришло, еще рано». Когда же меня стали звать в Рязанскую епархию священником, я поехал в Печоры за благословением. Но отец Иоанн ответил: «Ни в коем случае! Оставайся на месте! Будешь ты священником. Когда время придет, все произойдет само собой, безо всякого твоего прошения! А сейчас никуда не стремись, это будет крест напрошенный, свой – не от Бога, а от себя. За двенадцать лет я был на шести приходах – Летово, Некрасовка, Борец, Касимов... но сам никогда никуда не стремился, меня всегда переводили с разными формулировками: для улучшения церковной жизни, в связи с церковной необходимостью. Сам – никогда! Так и ты – никуда не стремись, все будет в свое время. А впрочем, – прибавил отец Иоанн, видя мою решимость перейти в другую епархию, – можешь поступать как знаешь». «Нет, отец Иоанн, что вы, – ответил я, – без вашего благословения я ничего предпринимать не буду». Видно было, что отец Иоанн одобряет такое настроение.

Прошло еще несколько лет, и произошло то, о чем говорил отец Иоанн. В 1990 году, незадолго до нашего храмового праздника памяти святых первоверховных апостолов Петра и Павла, я неожиданно получил указ Святейшего Патриарха Алексия II, в котором говорилось, что по моему рукоположению во иерея я назначаюсь в храм Воскресения Христова в Сокольниках. И вот в самый день святых апостолов Петра и Павла Святейший Патриарх приехал в наш храм, совершил торжественное богослужение и рукоположил меня во иерея. После литургии Святейший сказал: «Это моя первая иерейская хиротония в Москве». Действительно, после своей интронизации 10 июня 1990 года Святейший Патриарх до меня никого не рукополагал.

После рукоположения я сразу стал служить на новом месте, в Сокольниках, и при первой возможности поехал к отцу Иоанну. Я рассказал ему все, что со мной произошло, а отец Иоанн, поздравляя меня с рукоположением во иерея, только одобрительно кивал головой. Свое отношение ко всему, о чем я рассказывал, он выразил всего в нескольких словах. Когда после этой беседы мы с ним пришли на службу в Успенскую церковь, то в алтаре стоявшему рядом со мной священнику отец Иоанн сказал: «У отца Михаила все по воле Божией совершается. Его Ангел Хранитель за руку ведет».

К тому времени уже несколько лет как не было в живых моих родителей, и в эти годы, приезжая к отцу Иоанну, я всегда испытывал сыновние чувства. Тем более теперь, когда я приехал к нему с известием о таком великом

и радостном событии, как священническая хиротония, я особенно сильно почувствовал, что приехал к своему отцу.

Встречи наши с отцом Иоанном происходили обычно в его келии. В назначенное время мы приходили к нему, и первое, что он делал, – это вставал перед иконами и читал молитвы: «Царю Небесный», «Егда снизшед, языки слия, разделяше языки Вышний, егда же огненные языки раздающе, в соединение вся призва; и согласно славим Всесвятаго Духа», «Не умолчим никогда, Богородице, силы Твоя глаголати, недостойнии...». И мы всегда понимали, что предстоит не просто беседа, а общение, в котором услышим такие наставления, которые должны исполнить. Что ответы на вопросы, которые мы зададим отцу Иоанну, будут проявлением воли Божией в нашей жизни. Не каждому выпадает такое счастье, когда можно приехать к старцу, задать вопрос и получить конкретный ответ (например, о женитьбе) и быть уверенным в том, что этот ответ и есть воля Божия.

После молитвы отец Иоанн садился на небольшой диванчик. Мне обычно предлагал сесть рядом по левую сторону, старший наш сын, Сережа, садился по правую, а маленький Ваня устраивался на небольшой скамеечке у ног отца Иоанна. Любовь Дмитриевна всегда была рядом с младшим сыном – перед отцом Иоанном. И сколько бы времени ни прошло после нашей последней встречи, отец Иоанн всегда нас встречал так, будто виделись мы совсем недавно. А однажды сказал, после того как мы не были у него достаточно долго: «Старые друзья встречаются – я очень рад!» Так мы и беседовали: рассказывали о себе, задавали

вопросы. Отец Иоанн всегда живо всем интересовался – кто где учится, кто что делает. Рассказывал он и о себе, говорил иногда, как нелегко ему бывает. «Я шестьдесят лет у себя отбрасываю, а шесть оставляю», – как-то сказал он нам.

Говорил он и о том, как важно священнику на приходе относиться ко всем одинаково и не допускать каких-то особенных чувств к тому или иному человеку. «Чувства зарождаются в голове, – говорил он, – опускаются в сердце и начинают его терзать».

Когда пришло время нашему старшему сыну определяться, как строить свою жизнь, отец Иоанн спросил у него: «Ты хочешь продолжать дело своих отцов?» «Да, хочу!» – горячо ответил он. «Священство – это призвание», – сказал отец Иоанн, и это было как благословение нашему Сереже на всю его жизнь.

В то время когда мы ждали младшего ребенка, отец Иоанн сказал нам: «У вас будет мальчик. Назовите его Иоанном». Действительно, на свет появился мальчик, и назвали мы его Иоанном. Мы решили, что его покровителем будет святой апостол и евангелист Иоанн Богослов, и день Ангела празднуем вместе с отцом Иоанном – 13 июля, на Собор двенадцати апостолов.

Задавал я вопрос отцу Иоанну и о духовничестве: как относиться к той проблеме, которая стоит очень остро на многих приходах, – когда некоторые священники считают себя вправе удерживать около себя прихожан и запрещают идти на исповедь к другому священнику. Отец Иоанн ответил: «Очень важно, чтобы все, что составляет человека,



*Спевка на улице. 1981*

– а это разум, воля, совесть, духовная свобода, – чтобы ничего из этого не было нарушено. А если что-то нарушается – начинается болезнь. Как в Евангелии сказано: Христос исцелял слепых, глухих, хромых, прокаженных... – отец Иоанн помолчал, глядя мне прямо в глаза, – и бесныя. Да, это тоже болезнь, духовная болезнь. А начало болезни выражается в том, что человек лишается собственной воли, сам подчиняет ее воле другого человека. И тогда совесть почти ничего не в состоянии говорить человеку, она заглушена в результате подмены собственной ответственности перед Богом ответственностью кого-то другого».

«Что такое духовничество? – продолжал отец Иоанн. – Это когда духовно опытный старец брал себе духовных чад числом не более двенадцати. И это было такое духовничество, когда старец буквально со своих рук кормил своих детей, а в случае смерти передавал их другому. Вот это действительно духовничество! А у нас на приходах такого быть не может. Здесь должна быть полная свобода! Причины перехода от одного священника к другому могут быть самые разные. Даже то, что у одного священника времени меньше, а у другого больше – это также может быть причиной перехода к другому священнику: зачем же я буду отнимать время у сильно загруженного батюшки, лучше пойду к тому, кто более свободен. И можно, совершенно не смущаясь, идти к менее загруженному священнику. Или, к примеру, священника переводят. Зачем всем его прихожанам ехать за ним на другой приход? Они должны оставаться на месте и идти к тому священнику,

кто будет служить у них, – в той церкви, которая находится рядом с домом и является приходом этих людей. Я так и говорил всегда своим прихожанам в тех случаях, когда меня переводили: "Оставайтесь на месте, никуда не рвитесь, у вас теперь другой батюшка. Это меня переводят, а не вас!" А то ведь как получается: на исповеди что-то говоришь, а тебе в ответ: "А вот мой духовник мне благословил то-то делать". Какой духовник, где он, этот духовник? Оказывается, где-нибудь далеко-далеко есть батюшка – ее духовник. Ну зачем это? Зачем какие-то непонятные сложности? Ну и говоришь в таких случаях: "Делай что хочешь!" А бывает и так: приходят к батюшке люди и говорят: "Батюшка, мы к тебе последний раз пришли, мы от тебя уходим". "Ну и с Богом, идите!" – отвечает он им. Вот это правильно, так и должно быть!»

«Разделение на приходы существовало всегда, как я помню. Так было и в Орле, где я рос, – продолжал отец Иоанн. – Но это разделение прежде всего оставалось территориальным. Весь Орел был поделен на определенные районы, которые прикреплялись каждый к своему храму. Одни улицы относились к одному храму, другие – к другому. Весь город был поделен, и священники не должны были исполнять требы не в своем районе. Панихиды, причащение, отпевание, крестины – каждая улица знала свой храм. Но молились все там, где хотели. Даже было так: перед каким-нибудь праздником священник объявлял с амвона, что завтра, например, в такой-то церкви праздник, и мы все будем молиться там, где престол.

Разделение на приходы должно быть, но все мы составляем единое целое – Церковь, и все мы возносим молитвы к Богу как единое целое».

«Вслед за Святейшим Патриархом Пименом, – говорил как-то отец Иоанн, – скажу, что у нас в Церкви должен сохраняться на богослужении славянский язык, старый стиль, а с католиками можно только чай пить».

Протоиерей Анатолий Правдолюбов, мой папа, в конце своей жизни долго и тяжело болел. Однажды, будучи в болезненном состоянии, он упал и сильно ушибся. Когда я приехал к отцу Иоанну и рассказал ему об этом, он ответил: «Расскажу о себе, как и я однажды упал. На одном из приходов я освящал деревенский дом. Шел по дому с крестом и кропилом в руках, окропляя святой водой комнаты, и не заметил, что за занавеской одной из них открытый люк в подвал. Я сделал шаг за эту занавеску и сразу даже не понял, что произошло: я провалился в этот подвал, оказавшись на самом его дне – на земле. Так и лежал, расprostертый, на дне подвала, в облачении, с кропилом и крестом в руках. И ничего! Праведник, если и упадет – цел будет, – процитировал он, а потом добавил: – Но это не о нас, не о нас!»

В конце 1980-х годов отец Иоанн говорил о нашем времени как о времени бескровного мученичества. «Вы – бескровные мученики, – говорил он. – А дальше будет еще труднее. Ваше время тяжелее нашего, и вам можно только посочувствовать. Но мужайтесь и не бойтесь! Сейчас везде смущение, смятение и неразбериха, а будет еще хуже: пере-

стройка, перестрелка, перекличка. Наступит время тяжелого духовного голода, хотя на столе все будет».

Провожал нас отец Иоанн также всегда с молитвой. Мы все вставали, молились, отец Иоанн брал кисточку и помазывал всех елеем от разных святых мест, потом кропил каждого святой водой, давал отпить немного из маленькой серебряной кандии, которая у него всегда была в келии именно для этих целей, а затем выливал немного святой воды на грудь. Затем каждого благословлял, и мы уходили от отца Иоанна с новыми духовными силами.

Любовь отца Иоанна к Богу и ко всем людям в некоторой степени передавалась и нам. Поэтому мы всегда так стремились в Печоры – чтобы получить от отца Иоанна его благодатную молитвенную помощь и благословение.



вспоминает  
протоиерей Феодор Анатольевич  
Правдолюбов

### *Подобная радость бывает только в детстве*

В нашей семье всегда с глубоким почитанием относились к отцу Иоанну. Папа с мамой знали его еще по служению на приходах Рязанской епархии. А когда из Касимова он отправился в Псково-Печерский монастырь, очень огорчались. Но отец Иоанн утешал: «Я протопчу вам дорожку в Печоры». И действительно, эта дорожка не зарастала и не зарастает по нынешний день...

Об отце Иоанне я услышал первый раз от мамы – она очень радовалась, что его назначили в Касимов настоятелем Никольской церкви. И как-то Великим постом мы поехали в Касимов на пассию. Отец Иоанн читал Евангелие, говорил проповедь... В памяти остался только образ его вдохновенного служения и... деревянный с деревянной же цепочкой священнический крест.

Еще запомнился его приезд к нам в Сынтул. Это было летом, наверное, на папины именины. Пока заканчивали дома приготовление к обеду, папа повел отца Иоанна в церковь. Они осматривали все, папа много рассказывал. У алтарной двери они остановились и долго говорили о службе. Звучат и сейчас в сердце слова отца Иоанна о благодатной силе священных одежд, о том, что по облачении в них проходит усталость и отступает немощь.

Конечно, это воспоминания детские, мне было тогда лет десять... А позднее и самому, и вместе с невестой, а потом своей семьей приходилось видеть отца Иоанна в монастыре и говорить с ним.

Бывало, приедем в Печоры, еще по темноте придем в монастырь на службу, стоим и молимся. Вдруг в боковую алтарную дверь или в открытые Царские врата видим молящегося отца Иоанна! И сердце наполняется такой радостью и умилением, что невольно вспоминаются слова молитвы преподобному Серафиму: «Во дни земнаго жития твоего никтоже от тебе тощ и неутешен отъиде, но всем в сладость бысть видение лика твоего и благоуветливый глас словес твоих!»

А когда после службы подойдешь под благословение, а позднее сподобишься быть в келии его, говорить с ним, душа просто ликует, окруженная лаской отеческой любви! Подобная радость бывает только в детстве...

Ни одно большое дело не начиналось без благословения отца Иоанна.

В конце 1970-х был как-то отец Иоанн в Москве. Наши родные пригласили его к себе домой. В те дни и отец наш гостил у них. Отец Иоанн, садясь за стол, во главу его посадил папу, сам сел сбоку, остальных отцов посадил, нарушив старшинство... Тем самым, видимо, он исцелял в среде нашей чинопочитание, «местничество». За столом много всего было сказано. Все со вниманием слушали отца Иоанна. Особенно же запомнились его слова о будущем. Он указал рукой на стол и сказал, что все это будет (мы поняли тогда, что с голоду умирать не придется), но самое тяжелое впереди – отсутствие духовного руководства.

Приближаются уже эти тяжелые времена, когда почти каждый – сам себе духовный руководитель. Но надеемся

на милость Божию, на то, что молитвами отца Иоанна Господь не оставит нас без духовного руководства!

Дополнит мои воспоминания моя супруга, матушка Нина Семеновна Правдолюбова.

«Господь знает нашу жизнь: и прошлую, и настоящую, и будущую. Он наш Творец, наш Помощник и Покровитель! На жизненном пути Господь помогает нам святыми Своими – Божиими людьми, встреча с которыми оставляет неизгладимый след в сердце. И щемящую боль, что мало нагляделись, мало наслушались, мало впитали от незабываемых встреч с Небесными людьми!

Мы все подгоняли жизнь вперед, выясняли свои проблемы со старцем и возвращались на свои "пепелища", но тот источник воды чистой и сладкой, утоляющей жажду и ободряющей – не забыть...

Прошло теперь уже много лет. А будто бы совсем недавно... Эта поездка в Псково-Печерский монастырь была в ноябре 1975 года.

Ехали туда жених и невеста. Отец жениха, протоиерей Анатолий Сергеевич Правдолюбов, благословляя молодых, сказал: "Вот скажет отец Иоанн: да, и я снова скажу: да! Скажет: нет, и я тогда тоже скажу: нет!" С этим и поехали жених и невеста в Печоры к старцу за благословением. Жених давно знал отца Иоанна, а невеста была только наслышана о нем, но верила уже ему всем сердцем. И сказала своему любимому человеку в поезде: "Скажет отец Иоанн: нет, и мы останемся просто знакомыми". Так ехали голубки, понунив головушки. А вдруг – нет?!



*Кровавая дорожка*



*В единодушном общении*

Теперь буду рассказывать от первого лица, потому что невеста та была я. Вспоминается, будто сейчас... Стою я возле входа в Богом зданные пещеры. А от дверей Успенского собора и до лестницы, что возле Сретенского храма, собралась толпа людей. Стоят чинно и тихо в ряд и терпеливо ждут своей очереди. Когда дошла очередь до моего Феде, я вся обратилась в слух и внимание. Но я стояла далеко, ничего не слышно: только вижу, как в замедленной съемке, поворачивается отец Иоанн и смотрит мне в глаза... А глаза его – большие-большие! И не опишешь их словами... Время

как будто остановилось, и стою я ни жива ни мертва! Помню только, Федя стоит уже около меня и говорит: "Я сказал отцу Иоанну: я не один приехал!" А он: "Я знаю".

Вечером мы были в келии отца Иоанна. Я думаю, что мы были в раю! Да-да! Уж никогда после не испытывала я той радости и неизъяснимой легкости. Действительно, будто крылья за спиной. И батюшка говорил: "Вот сейчас еще можете выбрать "цветок", а потом уж этот "цветок" на всю жизнь. Ты, Федя, выбрал Нину. Ты, Нина, выбрала Федю". А про меня сказал: "Совсем наша". Как же я возрадовалась! И благословил нас на брак иконочками. Федю Нерукотворенным образом Спасителя, меня иконочкой Псково-Печерской – "Умиление".

И побежали мы на автобус, который ехал до железнодорожного вокзала. Мы опаздывали, бежали всю дорогу, взявшись за руки. Автобус уже отходил, но нам снова открыли двери. Когда мы вошли, в автобусе было шумно, а тут стало тихо-тихо. Видно, все почувствовали благодать, когда не хочется ни говорить, ни петь, а только счастливо улыбаться.

Дальше пошла жизнь – то тихая и спокойная, а то и невыносимая. От некоторых воспоминаний мурашки по телу бегут и волосы встают дыбом... Но батюшка говорил тогда: "Об этом никому не рассказывайте". И если бы не это чудо – наш дорогой, бесконечно любимый батюшка отец Иоанн, – то не переплыли бы многие бурные водопады и стремнины, не прошли бы мы страшные болота, которые, казалось, вот-вот поглотят!



*Ольга Михайловна и иерей Феодор Правдолюбовы*

Боже, Боже наш Всемилостивый, благодарим Тебя за батюшку! За его руку, такую родную... Положит руку на голову и скажет: "Ну что ты, Нинуша, надо терпеть..." Слезы градом, льются бесконечным потоком, когда сидишь возле батюшки.

Ездили обязательно один раз в год, а когда и два раза в год. Все хотелось, чтобы детей он благословил, чтоб он их знал, чтобы они стали ему родными.



*Феодор Правдолюбов с семьей*

Одну Пасху мама отца Феодора, Ольга Михайловна, все называла наших детей: "Ах, пасхальные яички!" И вот в ту Пасху мы собрались в Печоры. Приехали и сразу с поезда – в монастырь. Прохаживаемся за Михайловским собором с тайной надеждой – вдруг отец Иоанн пойдет? А он и поднимается по лестнице. Мы устремляемся к нему. "А! Пасхальные яички приехали!" – говорит он детям.

Вдруг напали на всю нашу семью бородавки. Показываем батюшке свои руки. "О, что это?! Прямо у всех!" – только и сказал... И когда приехали в другой раз, он келейнице говорит: "Дай-ка, дай-ка им мази, которую мне врач прописал". И показывает на ладони бородавочку, которая уже почти совсем прошла. Потом все бородавки с батюшкиной мазью быстренько прошли.

Сколько боли принесли мы дорогому батюшке, сколько болезней он за нас подъял – не перечесть. И приезжали мы к нему, как к родной матери...

Теперь не видим его, но смотрим на драгоценные фотографии. Умываемся слезами, глядя на бесконечно родное лицо.

Прости нас, родной наш отче. Мы, как малые воробушки, жалобно чирикаем без тебя. А я, многогрешная Нина, только и живу батюшкиными молитвами, и – неплатный должник перед ним!

Господи, воздай за нас радостью неизреченной отцу Иоанну!»



вспоминает  
протоиерей Серафим Анатольевич  
Правдолюбов

## *С дорогим отцом Иоанном*

В том памятном 1966 году в нашей семье, в семье отца Анатолия Правдолюбова, много говорилось об отце Иоанне. Мы, тогда еще маленькие дети, никогда прежде не видели его, и для нас имя отца Иоанна звучало обыкновенно, как другие. Но для наших родителей это имя было очень дорогим. Они его знали и ждали его приезда. Отца Иоанна в том году переводили с очередного прихода в Никольский храм города Касимова. Семье отца Анатолия этот храм всегда был близок и дорог, так как там служил и служит по сей день наш дядя, отец Владимир. Два брата – старший, отец Анатолий, и младший, отец Владимир, поддерживали друг с другом добрые, душевные отношения, постоянно навещая друг друга и общаясь семьями. Поэтому небезразличным было обстоятельство приезда отца Иоанна в Касимов и для наших папы и мамы.

Первое впечатление об отце Иоанне я получил на молебне в воскресный день Великого поста, в Никольском храме, куда нас взяли с собой родители. Это был молебен Страстям Христовым с акафистом и проповедью. Мама нас, маленьких, заранее поставила поближе к Голгофе, рядом с ковриками, где должны были встать служащие священники. Открылись Царские врата, и в тишине вышли из алтаря священники на молебен. Когда началась служба, мы, дети, стоящие совсем близко, разглядывали отца Иоанна. Он отличался от других священников своей седеющей бородой и вьющимися волнистыми волосами, заправленными под воротник подрясника. Лицо его сияло такой добро-

той, такой любовью... А во всех его движениях ощущалось какое-то трепетное благоговение ко всему, что он совершал. Его высокий и умиленный голос, обращенный к Богу, с первого раза навсегда остался в памяти. Каждое слово, читаемое им, он особо переживал и, казалось, всех нас призывал к такому же глубокому переживанию. В интонациях его чтения слышались нотки умиления, молитвенного предстояния пред Богом. Такой величественной службы в нашем храме мы еще не видели.

Таким было для нас первое знакомство с дорогим отцом Иоанном. Родители ликовали и радовались приезду в Касимов такого необыкновенного священника, Божия человека, вдохновляющего всех вокруг себя своей верой, ревностью о Боге, особой ко всем любовью. Душа чувствовала, что радостно быть рядом с таким человеком, как отец Иоанн, отрадно на сердце видеть и слышать его, молиться с ним...

Отец Иоанн вошел в семью протоиерея Анатолия Правдолюбова как духовный отец. Все события, происходившие в жизни нашей большой семьи, все возникавшие вопросы решались с того времени после обсуждения с ним, по его благословию. Папа обычно говорил: «Я не против, если отец Иоанн благословит». И родители отправляли нас к отцу Иоанну за благословением. Когда отец Иоанн жил уже в Печерском монастыре, все мы ездили к нему и в его келии узнавали волю Божию о своем будущем. В обсуждениях того или иного обстоятельства, с которым мы обращались к нему, часто слышали: «Я скажу только



*Серафим Правдолюбов с первенцем*

после того, как узнаю, каково к этому вопросу родительское отношение». Отец Иоанн высоко ценил волю родителей в судьбе детей, всегда прислушивался к мнению отца и матери. Родители говорили нам, что через благословение и молитвы старца (так папа уже тогда называл нам, маленьким, отца Иоанна) совершается над всеми нами воля Божия, дается благодать Божия и силы на следование советам отца Иоанна. И все мы обращались к нему с несомненной верой



*Серафим Правдолюбов с семьей. 1995*

в то, что Господь открывает чрез уста его Свою святую волю и устраивает нашу жизнь. А доказательством тому является жизненный путь каждого из нас.

В юности моей был такой период, когда я мечтал пожить в Печерском монастыре и там поработать. Походить вместе с монахами на церковную службу, почувствовать настрой монастырской жизни. И Бог дал такую возможность.

Родители и отец Иоанн благословили меня на это. За мной присматривал один послушник, родом из Касимова. Я жил в монастыре около двух недель и часто видел отца Иоанна. Мне благословляли стоять на клиросе, петь и читать записки на службах, и всегда где-то рядом был отец Иоанн, который смотрел за мной и утешал отечески меня всякий раз, когда я подходил под благословение. Почти каждый день видел я отца Иоанна, радовался этому и благодарил Бога. Вспоминается окончание служб, когда отец Иоанн с мешочком, полным вынутых просфор (из которых он долго-долго всегда вынимал частицы у жертвенника в алтаре, поминая живых и умерших), выходил из храма. Его очень быстро окружала толпа людей, окружали его, пытались услышать хотя бы одно слово и прикоснуться к благословляющей руке. Отец Иоанн шел, внимательно благословлял, порой останавливался и, наклонившись к человеку, что-то тихим шепотом говорил ему... И так почти с каждым – он говорил, благословляя, давал просфорки, утешал и утешал...

Перед окончанием семинарии, по благословению папы, приехал я к отцу Иоанну просить благословения на брак. Он принял меня в своей келии, говорил со мной о многом, объяснял и наставлял. И просил на следующий день быть на молебне в храме, где после литургии он должен был служить. Начался молебен с акафистом. Читалось составное Евангелие от Иоанна, где говорится о любви ко Христу и ближнему. «Сие заповедаю вам, да любите друг друга...» (Ин. 15, 17) «Аз есмь лоза, вы же рождие... да пребудете в любви Моей...» – читал отец Иоанн. И вдруг голос его

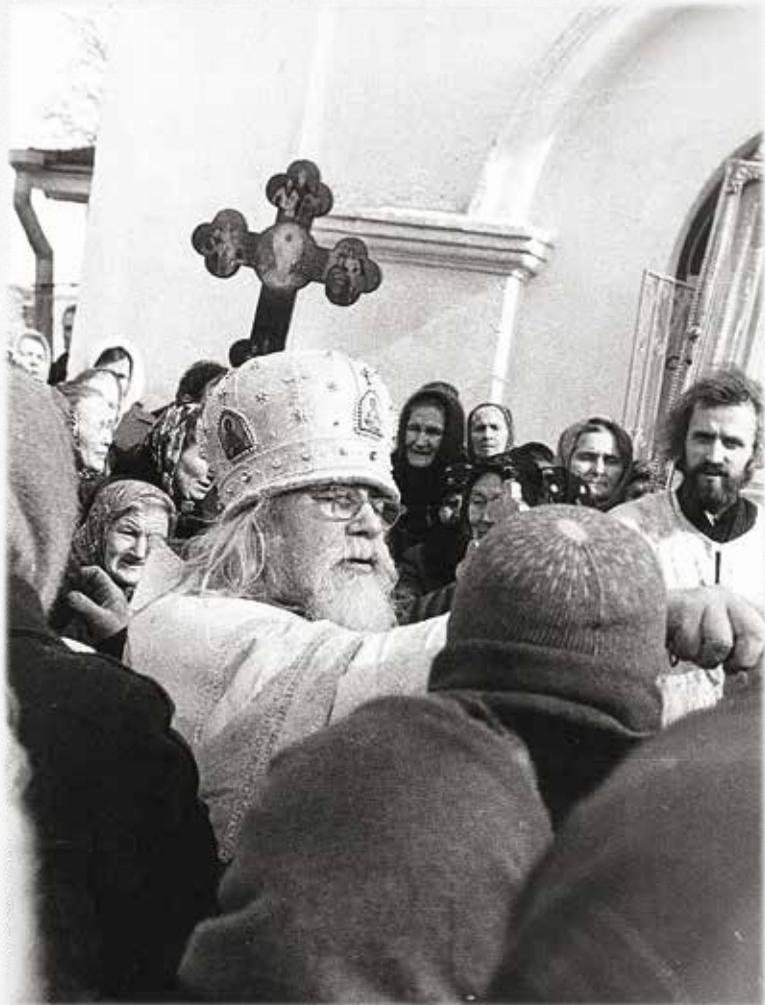
дрогнул, отец Иоанн остановил чтение и потом, преодолевая слезы, с остановками дочитал до конца. Он плакал. И плакал вместе с ним весь храм – все стоящие вокруг. И почувствовало тогда сердце, что он увидел мой будущий крест, мою судьбу, и молился за меня, чтобы Господь дал мне силы понести крест свой. Наверное, каждый в храме думал о своих родных, о своей жизни и о том, что просит он у Бога. В дальнейшей моей жизни открылось то, что счастье, которым молитвами отца Иоанна Бог благословил меня и мою семью, потребовало от меня глубокой веры во всесовершенную святую волю Божию, большого терпения в перенесении скорбей и твердого мужества. Спустя много времени отец Иоанн утешал меня и моих домочадцев словами, исполненными любви и сострадания: «Вижу над вами руку Божию...»

Все мы надеемся, что над теми, кого вел по жизни отец Иоанн, пребывает незримая благословляющая милостивая рука Божия по святым молитвам старца.



*Похороны Ольги Михайловны Правдолобовой*





*Отец Иоанн возглавляет службу на престольном празднике  
в Старом Изборске. 1982*





*Чин о Панагии. 1971*



ВСПОМИНАЕТ

Ксения Анатольевна Нефедова  
(урожденная Правдолюбова)

### *Отец Иоанн не велел горевать*

С раннего детства я помню, с каким благоговением произносилось имя отца Иоанна в нашей семье. С ним были связаны многие события, о нем рассказывали нам наши прихожане, которые бывали на приходах, где он служил. Папу нашего, отца Анатолия, так же как и отца Иоанна, переводили с места на место в пределах Рязанской епархии (тогда была такая политика властей по отношению к Церкви), и в каждом приходе находились люди, окормляющиеся у отца Иоанна. Уже тогда у меня сложилось впечатление, что духовных чад отца Иоанна объединяет общее отношение к жизни: они жизнерадостны, неунывающи, усердны к богослужению, от них исходит покой и светлая любовь к людям. Самого отца Иоанна в те годы (1950-е) мне так и не привелось увидеть, но много раз я слышала: «Отец Иоанн сказал... отец Иоанн успокоил... отец Иоанн не велел горевать...»

Впервые я увидела отца Иоанна, когда он приехал в Касимов. Я уже училась в Москве в музыкальном училище и не смогла быть участницей тех событий, о которых вспоминают мои сестры и братья. Но я хорошо помню, как летом на именины папы отец Иоанн приехал в наш дом в Синтуле, какой радостной любовью он согрел всех нас, какие содержательные разговоры велись среди отцов-священников,

как чудесен был его отъезд из нашего дома. Выяснилось, что рейсовый автобус, идущий в Касимов, в этот вечер не пойдет, а до Касимова почти десять километров. И тогда отец Иоанн радостно сказал: «Пойдем пешком до шоссе. Карета будет». И мы все вместе провожаем отца Иоанна два километра по лесной дороге до шоссе. Приближаясь к шоссе, мы вдруг издалека видим, как по нему, пустынному до сих пор, движется какой-то служебный автобус. Этот никому не известный автобус останавливается на развилке дорог и, к общему удивлению, ждет нас. Кто помоложе, побежали к автобусу; водитель сказал, что едет в Касимов. Все взрослые дошли спокойно, посадили в автобус отца Иоанна и других касимовских гостей, и они отбыли домой. Я долго была под впечатлением этого посещения нашего дома отцом Иоанном и его отъезда, да и сейчас вспоминаю о нем с волнением.

Однажды в Касимове после службы отец Иоанн пригласил нас к себе на квартиру – он хотел послать что-то нашему папе. И вот мы впервые оказались в его келии. Батюшка велел приложиться к иконам, помазал нас елеем и покропил святой водой, потом усадил, стал расспрашивать об учебе. Мне запомнились слова отца Иоанна: «Церкви все специалисты нужны. Ей нужны и врачи, и иконописцы, и певцы, и регенты, настоящие матушки ей нужны. Вот и ты, как пчелка, собирай в своей учебе нектар с разных цветов, чтобы потом употребить для служения Церкви. И пчелка не с каждого цветка нектар собирает. И ты будь разборчива, чтобы не повредить своей душе». Отец Иоанн угостил нас



*Протоиерей Анатолий, Елена, Сергей и Ксения Правдолюбовы*

арбузом, благословил и отпустил. Тогда я впервые ощутила ту неизмеримую радость и легкость, которые потом каждый раз сопровождали нас после посещения отца Иоанна, когда «веселыми ногами» движешься восвояси и по-новому видишь и ощущаешь мир, свое место в нем и людей вокруг себя. Эта окрыляющая любовь отца Иоанна – великая милость Божия к нам и к детям нашим.

В начале декабря 1967 года мы (я, сестра и брат) впервые приехали в Псково-Печерский монастырь. Мы взяли с собой только что приобретенный магнитофон «Романтик», который можно было носить как чемоданчик, держа перед собой

в руке микрофон. И вот в предутренней морозной темноте мы впервые проходим в монастырские ворота. И тут где-то внизу, за ветками деревьев, зазвонили куранты. Затаив дыхание, мы слушали, как часовой колокол отбивает время там, где-то внизу, как будто зовет нас в обитель. Этот звон и сейчас живет в моей памяти. Он звучал как символ монастырской жизни, отделенной от многомятежного мира древними стенами.

В наступившей тишине мы ступаем по округлым камням, спускаясь все ниже и ниже. Постепенно светает. Перед нами разворачивается величественная панорама монастыря. Мы входим в Сретенский храм, который уже полон людей (идет исповедь), и вдруг слышим дорогой голос отца Иоанна: «...И нет в нас сердечной теплоты...» В тот первый наш приезд мы и с отцом Иоанном повидались, и на праздничных службах были. Слышали праздничный печорский звон, видели шествие братии с панагией, по благословению отца Иоанна трапезовали с хором. Во время трапезы отец Иоанн сидел около нас и рассказывал о монастыре. И напоследок сказал: «Запомним этот день. Вы введены в монастырь на праздник Введения Пресвятой Богородицы во храм». Провожая нас, отец Иоанн ответил и на мой вопрос, поступать ли мне в институт. «Оканчивай училище, распределяйся и работай по специальности, сколько положено, а дальше Бог укажет». Магнитофонные записи монастырских служб, звона курантов долго потом утешали нас и наших родителей.

Весной мне опять привелось приехать в монастырь к отцу Иоанну с вопросами от наших старших. И вдруг

отец Иоанн во время беседы говорит: «А в институт-то поступай, чтобы никто тобой не пренебрегал». – «Батюшка! Так вы же говорили, что надо ехать работать!» – «А ты не удивляйся. У Господа Бога тоже могут меняться планы». С Божией помощью и молитвами отца Иоанна я поступила в институт и проучилась в нем пять лет, все время вспоминая отца Иоанна и его слова о будущем служении Церкви.

Однажды, после летней экзаменационной сессии, ко мне в Москву приехали мои младшие братья: Михаил, Серафим и Феодор. Родители поручили мне сопроводить их в Печоры и всячески опекать. Перед этой поездкой я должна была получить летнюю стипендию, чтобы было на что жить в Печорах. По каким-то причинам, уже не помню, я не успела получить деньги, и мы поехали в монастырь, надеясь прожить на ту сумму, которая была отложена раньше на покупку часов кому-то из ребят. Отец Иоанн встретил нас радостно, спросил, у кого мы устроились с ночлегом, дал ребятам послушания, отвел в просфорню и все шутил: «Как увижу кособокенькую неказистую просфорочку, буду знать, что это – ваша». Напоследок серьезно спросил меня: «Деньги у тебя есть?» – «Да, батюшка, есть». И вот начались наши монастырские послушания. Первую неделю мы бывали у всех служб, между службами шли на послушания, а потом выбились из сил. Тем более что наша хозяйка каждый день после службы поручала нам натаскивать воды для поливки огорода. Был Петровский пост, питались мы всухомятку, хлебом с рыбными консервами и водой из колонки, иногда ели в столо-

вой в городе, если там находилась какая-нибудь постная еда. Позади у меня была изматывающая сессия, и теперь от стояния на каменном полу в Успенском храме у меня начали отекают ноги. Ребята были в том младшем подростковом возрасте, когда мальчишкам требуется очень много движения и катастрофически не хватает выдержки и терпения. Деньги наши почти кончились. Стало ясно, что нам надо уезжать. Мы пошли к отцу Иоанну сказать об этом. Он удивился: «Ну как же! Надо еще недельку пожить, службы будут торжественные, еще не все посмотрели...» Мне пришлось во всем признаться: и про деньги, и про то, как мои маленькие братья к полудню совсем изматываются и спят на теплых валунах возле речки за монастырем, чтобы иметь силы пойти вечером к службе, и про многое другое. Отец Иоанн строго сказал мне: «Я тебя спрашивал, есть ли у тебя деньги. Запомни, надо всегда все начистоту говорить. Сделаем так: вы останетесь еще дней на пять, проведете праздник Рождества Иоанна Предтечи в монастыре, после литургии я свожу вас к владыке Андрею, он вас благословит, и с Богом поедете. А до праздника ребята пусть все посмотрят. Сразу после утренней службы я отведу вас на Святую горку, и пусть они походят по стенам монастырским, залезут в каждую башню, все попробуют на зуб, мальчишкам ведь очень это интересно. А как услышите колокол к обеду, спускайтесь и обедайте с трудниками. Я все устраю».

Потом отец Иоанн показывал нам монастырские достопримечательности и рассказывал об истории этого святого



*Монастырский сад на Святой горке*

места. Водил нас в пещеры. Были мы на всех службах, которые батюшка служил, смотрели издали, как стремительно он шел, как будто на крыльях, и наметка его клобука развевалась за ним на ветру.

Два очень ярких момента запомнились мне в последние дни этого нашего пребывания в Печорах. Как-то раз мы спускались к монастырской столовой, и братья шумно заспорили о каком-то пустяке. Все мои увещания оказались напрасными, они просто меня не слышали. В отчаянии я резко сказала им: «Смотрите, ребята, если вы не будете слушаться меня, я оставлю вас здесь одних и уеду». Они

сразу притихли. После обеда отец Иоанн позвал нас к себе в келию, расспросил братьев обо всем, что они успели увидеть и узнать, и предупредил нас, что завтра он поведет нас к владыке Андрею в Архиерейский домик, уточнив, где мы должны поджидать его после литургии. Напомнил, что хорошо бы нам для владыки что-нибудь спеть. Провожая нас, отец Иоанн вдруг быстро взглянул на меня и говорит ребятам: «Смотрите, ребята, если вы не будете слушаться старшую сестру, она оставит вас здесь одних и уедет». Они с удивлением взглянули на меня, потому что точно знали: я никак не могла пожаловаться отцу Иоанну на их непослушание – мы все время были вместе.

Перед всенощной мы сидели на каких-то досках около Михайловского собора и думали, что же спеть владыке. Надо бы обязательно спеть тропарь празднику, а мы его наизусть не знаем. Мы открыли молитвослов и начали учить текст довольно трудного тропаря Рождества Иоанна Предтечи. Он никак не запоминался. С трудом затвердили его и попробовали спеть. Спели и трио «Исполла эти деспота» из архиерейской службы. Скоро начался праздничный звон всех колоколов монастырской звонницы. Впечатление от него было незабываемое, и мы поняли, почему отец Иоанн так хотел, чтобы мы услышали этот звон. Когда на следующий день отец Иоанн привел нас к владыке Андрею и попросил что-нибудь спеть, мы запели тропарь Рождества Иоанна Предтечи. И сразу почувствовали, что отец Иоанн недоволен. «Спойте что-нибудь простое», – сказал он, и мы спели несколько богородичных песнопений,

которые знали. Сейчас мне думается, что отец Иоанн уловил некую тщеславную нотку в нашей пении трудного тропаря, и это было ему огорчительно. Когда мы спели «Исполла эти деспота», отец Иоанн тихо сказал: «Как приятны Богу детские голоса!»

Перед нашим отъездом отец Иоанн, по своему обыкновению, помазал нас освященным елеем, покропил святой водой, дал приложиться к святыням, наделил нас гостинцами для всех домашних. Дал мне конвертик со словами: «Это вам деньги на часы и на прожитие. А то когда еще ты получишь свою стипендию?» Благословил нас, проводил до дверей, и мы поехали в Москву.

За время учебы в институте я много раз ездила к отцу Иоанну и с поручениями от родителей, и одна, со своими вопросами, и с подружкой, которая, обратившись к вере, нуждалась в исповеди у старца. Ездила с сестрами, с братьями, когда возникали сложные обстоятельства. Если не было возможности самой побывать в монастыре, посылала с okazji письмо, стараясь извещать отца Иоанна о каждом значительном событии в нашей жизни. Несколько раз перед родителями вставал вопрос о моем возможном замужестве. Некоторые варианты отпадали сами собой из-за полного несоответствия жизненных целей, об одном же отец Иоанн сказал: «Надо посмотреть на все в большое увеличительное стекло». Некоторое время спустя открылись такие жизненные подробности, что вопрос о супружестве с этим человеком был сразу снят. Я верю, что молитвы отца Иоанна уберегли моих родителей и меня от неверных шагов.

По прошествии многих лет я вижу, что годы учебы стали для меня серьезной жизненной школой. Общение со многими людьми самых разных убеждений, с педагогами старшего поколения, оказавшимися тайными христианами, с сокурсниками, с соседями по общежитию, с младшим поколением на педагогической практике, с церковным народом на приходах, где мы были прихожанами в течение девяти лет учебы, – все это помогало преодолевать юношеский максимализм и категоричность, смиряло необдуманные восторги и увлечения. Бывали моменты, когда Божий Промысл открывался нам через отца Иоанна, повергая нас в трепет и благоговение. И всем нам, вместе собранным, и каждому в отдельности в приличествующий для этого момент отец Иоанн повторял: «Божие благословение зримо почивает на ваших родителях и роде вашем. Если вы будете верны делу отцов ваших, то Господь и на вас распространит свое благословение. Если же будете уклоняться от него, понесете наказание и вразумление. Дух времени влияет на всех, и устоять в истинно христианских началах жизни очень нелегко. Это-то все будет (указывая на стол, за которым мы собрались), а сохранить верность Богу, и не только в главных вопросах жизни, но и в житейских обстоятельствах – вот задача ваша». И еще: «Жизнь – это подвиг. Все будет. И пустыня будет, и искушения, и скорби – все. Готовиться к ним надо». В полосу тяжелого искушения для всей нашей семьи отец Иоанн писал нам, что мы, молодое поколение, не выдержали нашего жизненного экзамена. «Рассмотрите каждый себя и пересдайте его». Таких жиз-

ненных экзаменов было много, да и не все они еще пройдены. Отец Иоанн живо отзывался на наши нужды, помогая разобраться в трудных обстоятельствах, предостерегая от неверных шагов.

Когда наш брат Сергей ушел служить в армию, отец Иоанн передал ему с оказией: «Жизненный девиз твой сейчас – жизнерадостность! Уверенность! Бодрость!» И не рекомендовал соглашаться на предложения извне о досрочном освобождении из армии: «Лучше ото всех этих верхов быть подальше».

Для нас, во время учебы живших «в миру», очень важен был наказ отца Иоанна: «Надо сделать так, чтобы приходиться "в себя" как домой, чтобы там было спокойно и тихо, и можно было отдохнуть, а не терзаться по мельчайшим поводам».

Наступало время нашего жизненного определения. И отец Иоанн предостерегал нас от поспешных решений. «Необходимо быть очень осторожным в выборе спутницы жизни. В наше время священник на приходе – как на передней линии фронта. Ему приходится выдерживать такую борьбу за жизнь Церкви, паствы, каждой вверенной ему человеческой души, что тихая, надежная семейная гавань ему жизненно необходима. Если и дома ему приходится быть в постоянной заботе о воцерковлении своих домашних, ему очень трудно. Это значит "жечь свечу с двух сторон"».

На последнем году учебы начались события, определившие дальнейший мой жизненный путь. К нашему отцу приехал за советом по поводу кандидатской своей

работы студент Московской духовной академии Геннадий Николаевич Нефедов. Мы знали его в течение последних пяти лет по храму Знамения Пресвятой Богородицы, что у станции метро «Рижская», в котором мы были прихожанами. Службы в этом храме, сама атмосфера внутри него, церковное пение и чтение – все было сродно нам по духу, поддерживало и питало нас среди безбожного окружения. Геннадий Николаевич в ту пору был алтарником и чтецом в этом храме, в котором служил его духовный отец и наставник протоиерей Александр Ветелев. Впоследствии Геннадий Николаевич стал иподиаконом Святейшего Патриарха Пимена, и мы очень редко видели его на Рижской. После визита Геннадия Николаевича к папе нашему, отцу Анатолию Правдолюбову, наше заочное знакомство с ним переросло в дружеские личные отношения. Настало время, когда Геннадий Николаевич решил просить моей руки у родителей и сказал им об этом. По родительскому определению и совету отца Александра мы должны были поехать к отцу Иоанну в Печоры. Первый раз вдвоем мы приехали к отцу Иоанну зимой 1973 года. Он нас принял тепло и радостно, расспросил обо всех деталях предстоящего выпуска нашего: Геннадия Николаевича – из МДА, а меня – из Института им. Гнесиных; спросил, как идет работа каждого из нас над дипломом, какие темы, какие трудности встречаем. А меня наедине заботливо спросил: «Ты хорошо все обдумала, все взвесила?» – «Батюшка! Так просто все и чудесно совершается, что и сомнений не возникает». – «Ну, слава Богу! Где просто, там Ангелов со сто,

как говорил старец Амвросий Оптинский». После монастырской службы отец Иоанн взял нас, подвел к отцу эконому и представил нас ему: «Отец! Вот Геннадий – иподиакон Святейшего Патриарха, а это – его нареченная». Отец эконом благословил нас, и Геннадий Николаевич пошел с отцом Иоанном на трапезу, а мне велено было трапезовать с хором. Сердце мое так и замерло от сознания значимости момента, когда я впервые услышала о себе, что я теперь «нареченная невеста».

При прощании нашем с отцом Иоанном в келии он сказал Геннадию Николаевичу: «Отец Александр Ветелев поручается за тебя, а я поручаюсь за Ксению. Трудитесь, заканчивайте учение, чтобы быть свободными, когда уже никому ничего не должен. И пусть будет между вами святая дружба. Узнавайте друг друга, посмотрите друг на друга и зимой, и весной, и летом. Господь управит стопы ваши. А отца Александра я знаю еще с тех пор, когда возобновились духовные школы, и я оказался в числе студентов. Он стал нашим преподавателем». Спустя два года мы устроили встречу отца Александра с отцом Иоанном. За год до кончины отца Александра мы привезли его, 82-летнего, к себе домой. Отец Иоанн, будучи в Москве, всегда навещал свой первый храм в Измайлове, где он служил после священнической хиротонии. Путь его лежал мимо нашего дома. Так и состоялась встреча наших духовных отцов.

Весной 1973 года мы вновь поехали к отцу Иоанну. Он одобрил наше намерение устроить венчание в Москве, в храме Знамения на Рижской, в августе, в день Почаевской

иконы Божией Матери, и просить Святейшего Патриарха Пимена о том, чтобы он разрешил моему отцу, протоиерею Анатолию – клирику Рязанской епархии, повенчать нас в московском храме. Отец Иоанн напомнил нам, что мы должны каждый у своего духовника пройти исповедь за всю жизнь и перед венчанием причаститься Святых Христовых Таин. Мне сказал, чтобы я исповедовалась у папы.

В этот же приезд отец Иоанн много говорил мне о том, какой должна быть супруга священника. «Ты должна быть Ангелом Хранителем для своего мужа. Вот он возвращается домой, как с передовой. Звонок. Ты открываешь дверь, и для тебя должно быть достаточно одного взгляда, чтобы понять и почувствовать, в каком состоянии твой супруг. Что сейчас для него важнее: с любовью расспросить его обо всем или дать ему отдышаться и отмолчаться, накормить, не торопиться с вопросами, рассказать что-нибудь радостное о детях, побережь его отдых. Потом он сам расскажет тебе о своих трудностях, если найдет это возможным. Сейчас такое время, что священнику на приходе необходимо быть и отцом, и матерью людям. В этом тоже будет нужна ему твоя помощь. Запомни: в момент рукоположения благодать Святаго Духа сходит на ставленника. В какой-то малой мере она сходит и на супругу священника, подобно тому, как во время помазания на царство возлагается на Государа царский венец, а на супругу его – маленькая короночка».

Накануне нашего отъезда мы пришли к отцу Иоанну, как было назначено. И тут по какому-то срочному делу



*Орел. Воскресенская улица. Фото нач. XX в.*

ему пришлось отойти из келейного корпуса. Отец Иоанн вывел нас на Святую горку и сказал: «Погуляйте пока здесь, а я, когда освобожусь, приду к вам вон в ту беседку, и мы поговорим». Спустя некоторое время мы слышим голос отца Иоанна, поднимающегося к беседке: «Адам, где ты?» И видим его радостное лицо. Он усадил нас напротив и начал рассказывать о своем детстве, об обычаях, сопровождавших венчание в его родном городе Орле. Конечно, я передаю рассказ отца Иоанна схематично, таким, каким сохранила его моя память, – ведь прошло уже так много лет!

Рассказывал, как он был «мальчиком с иконой» на венчании своих братьев, рассказывал воодушевленно, значительно, с вниманием к каждой детали. Мы почувствовали,

что это не просто воспоминание, это программа, которую отец Иоанн нам предлагает. И получили подтверждение этому в такой фразе: «В петлице пиджака у жениха и на платье невесты прикрепляется по веточке цветущего жасмина». И тут отец Иоанн вдруг всплеснул руками (это характерный его жест) и воскликнул с сожалением: «Ну какой же жасмин в августе?! Это же весенний цветок!»

Накануне венчания жених и невеста молятся за богослужением и в самый день на литургии причащаются Святых Христовых Таин. Затем каждый отбывает в свой дом и готовится к венчанию. Родители уже приготовили и написали благословенные иконы Спасителя и Божией Матери. Приготовлены расшитые торжественные полотенца-рушники, на которых понесут иконы. Родственники новобрачных отбывают в церковь. Жених и невеста облачаются в одежды, специально приготовленные для этого случая, новые и белоснежные. Костюм жениха должен быть, по возможности, черным, строгого покроя, с белой рубашкой, с цветами в петлице. Венчальное платье невесты должно соответствовать святости момента, быть торжественным и строгим: с длинным рукавом и без широкого выреза, с букетиком цветов слева на груди. Фату нужно так устроить, чтобы на голову невесты мог быть возложен венчальный венец.

Облачившись, каждый из новобрачных получает родительское благословение на брак. В красном углу перед иконами родители, держащие в руках икону, вместе с женихом (или невестой) совершают молитву и, обернувшись, благо-

словляют коленопреклоненное свое чадо, крестообразно осеняя иконой склоненную голову, сначала отец, затем мать. Благословляемый целует икону и руку каждого родителя. Затем поднимается с колен, а икону принимает на свои руки тот, кто понесет ее перед женихом или невестой. Родители отбывают прежде, чтобы встретить свое чадо уже в храме.

Жених приезжает в храм первым, с ним «мальчик с иконой» и друг жениха, имеющий в руках букет для невесты. У дверей храма жениха встречают двое шаферов, помогают выйти из машины (в Орле – из экипажа), и процессия с иконой впереди направляется в храм. Мальчик степенно вносит икону и, не останавливаясь, идет вперед к аналоям, где алтарник принимает из его рук икону и возлагает на аналой. А жених, войдя в храм, встает на специально постеленный маленький ковер, хор в это время поет «входное» песнопение, приличествующее моменту. Рядом с женихом стоит друг жениха. В дверях храма – оба шафера. По окончании пения жених, поклонившись алтарю, отходит вправо, на приготовленное для него место. Шаферы на паперти ожидают прибытия невесты. Когда она уже приближается к храму, шаферы дают знать об этом жениху, и он выходит встретить невесту. Жених помогает невесте выйти из машины, берет из рук друга букет, вручает его невесте и вводит ее в храм при пении хора. Впереди – мальчик или девочка с иконой. Икона возлагается на аналой. Невеста останавливается посередине с букетом в руках, жених сразу отходит в свою сторону. По окончании пения невеста встает на приготовленное для нее место слева

от дверей храма. Букет свой она отдает сопровождающей ее подруге, которая возвратит букет невесте по окончании венчания.

Открываются Царские врата, и исходит священник в белом облачении, с крестом и Евангелием в руках. Впереди алтарник с выносной свечой, тоже в белом стихаре. Положив крест и Евангелие на аналой, поставленный посредине храма, священник продолжает свое шествие к западным дверям. Свеча поставляется там, где должно совершиться обручение. Священник идет к жениху, полагает епитрахиль на правую руку жениха и ведет его к невесте. Здесь он соединяет их правые руки под епитрахилью, ведет их и ставляет посредине храма у западных дверей перед горящей свечой. Все это происходит в благоговейной тишине. Возглас священника – и начинается обручение.

По окончании чина венчания священник ведет новобрачных к алтарю, ставляет их на амвоне. Священник (или диакон) возглашает, и хор поет многолетие. Затем священник дает новобрачным приложиться к кресту, далее они прикладываются по очереди к иконам Спасителя и Богоматери в иконостасе, а священник берет из рук алтарника обе благословенные иконы и благословляет ими новобрачных на амвоне. Они целуют иконы и руку священнику. Иконы отдаются на руки детям, которые их принесли. Священник поздравляет молодых, затем обращает их лицом к храму, они спускаются с амвона, останавливаются на предпоследней ступеньке, и все родственники и близкие подходят по очереди к ним с поздравлени-

ями. Хор поет в это время многолетия и другие радостные песнопения, если поздравляющих много. Когда поздравления заканчиваются, молодые чинно шествуют к западным дверям. Перед ними «идут» рядом обе благословенные иконы. В руках невесты опять тот же букет, который вручил ей жених при вступлении ее в храм. Хор торжественно поет многолетие.

Молодые отбывают в дом жениха. Дети с иконами едут с ними и предшествуют им при вступлении их в дом. В доме обе родительские пары благословляют новобрачных обеими иконами сразу, как это сделал священник на амвоне. Иконы помещаются в красный угол.

Ярко запомнилось мне дополнение к рассказу о венчании. Отец Иоанн вспоминал, что в Орле было принято шить для невесты специальную накидку белого или кремового цвета, устроенную по типу мантии с единственной застежкой впереди у ворота. Эта накидка надевалась поверх венчального платья при выезде невесты из дома и бережно хранила ее от праздных взоров, а ее платье – от всяческих внешних повреждений. И когда невеста входила в двери храма, она лишь пальчиком дотрагивалась до петли застежки – и шаферы принимали на руки эту накидку-мантию. А невеста вступала в храм во всей своей красоте, «опустив очи долу».

Мы старались запомнить все детали воспоминаний отца Иоанна, чтобы исполнить все точь-в-точь так же. Впоследствии нам удалось почти все, лишь накидку шить не успели.

И вот из беседки пришли мы с отцом Иоанном в его келию, где он сказал мне: «На правах родственника я хочу сделать тебе подарок к свадьбе. Мы ведь с папой почти ровесники, и я знаю, как вы меня в письмах называете, — дядя Ваня, а я дядюшка и есть. Что же мне тебе подарить?» И после некоторого раздумья: «Перстенок? Цепочку? Не-е-т! Мы церковные люди, духовное сословие. Нам не подобает носить украшения, только обручальное кольцо». И я поняла, что это мне ответ на недавние мои мечты поносить хотя бы до свадьбы красивый перстенец. «Что же мне подарить тебе? От меня будет тебе венчальное платье!» Так оно и было. На деньги, которые отец Иоанн вручил нам, мы купили белый материал, и к августу было сшито платье, строгое и с длинным рукавом, как того хотел отец Иоанн.

Затем отец Иоанн отпустил нас, а на следующий день мы с ним прощались. Он наделил нас просфорочками, дал с собой листочки с выписками из Святых Отцов, иконочки, гостинцы для всех. Потом надел поручи и епитрахиль, встал перед иконами и вслух прочитал несколько молитв. К сожалению моему, я сейчас не могу вспомнить, что прочитал батюшка, но произносил он молитвенные слова от всего сердца своего, так, как один он только может. Затем отец Иоанн взял в руки маленькую иконочку Успения Пресвятой Богородицы в серебряном окладе, повернулся к нам и сказал: «Эта иконочка — мой "именинный" образ, на нем изображен с Матерью Божией и Спасителем Собор Святых Апостолов. Я хочу благословить вас на брак этой иконой». Мы оба опустились на колени, и отец Иоанн благословил

наши склоненные головы, сначала каждого, а потом обоих вместе, осеняя иконой крестообразно. Мы приложились к иконе и к руке батюшки, и Геннадий Николаевич принял с благоговением в руки свои благословенный образ. Потом отец Иоанн помазал нас елеем, окропил святой водой и проводил, говоря радостные и ласковые слова. Мы ехали в Москву в молчании и видели на лицах друг у друга радостное удивление и какую-то особую умиротворенность.

Наше венчание состоялось в намеченный день, и венчал нас мой отец, протоиерей Анатолий Правдолюбов. В сентябре Геннадий Николаевич был рукоположен во диакона и оставлен Святейшим Патриархом Пименом в числе его иподиаконов. К этому времени он уже начал трудиться на педагогическом поприще под руководством отца Александра Ветелева. Некоторые из наших близких знакомых настоятельно советовали отцу Геннадию просить Святейшего Патриарха отпустить его из иподиаконов. Отец Александр, отец Анатолий и отец Иоанн единодушно сказали: «Надо положиться на волю Божию и предоставить все решения Святейшему Патриарху. Ему виднее».

В Великую Субботу, 3 мая 1975 года, совершилась священническая хиротония отца Геннадия. Совершил ее Святейший Патриарх Пимен в Елоховском соборе.

Мы всегда извещали отца Иоанна о наших событиях и просили его святых молитв. Его молитвенное присутствие и помощь явственно ощущались нами не только в священные минуты нашей жизни, но и в повседневных обстоятельствах.



*Венчание Геннадия и Ксении Нефедовых*



*Геннадий и Ксения Нефедовы. 1973*

Несколько лет подряд в начале своего отпуска отец Иоанн по дороге в Измайлово заезжал к нам. Стремительно проходил в нашу комнату (мы жили в коммуналке на двенадцати метрах), надевая на ходу епитрахиль, вставал перед иконами и, помолившись, помазывал нас елеем и кропил святою водой. Как-то раз, наклонясь над кроваткой одного из наших младенцев, отец Иоанн весело сказал:

«Ну-ка, саккос-то ему расстегни!»

Когда он услышал о том, что мы очень бедствуем с нашей соседкой, он пошел по всей квартире, окропляя ее святой водой, и, подойдя к соседней с нами двери, большим крестом озаменовал ее святой водой. Простившись с нами, быстро уехал. Когда наша соседка вернулась домой, мы поразились переменам в ней. Долгое время потом она была спокойна и совсем нам не досаждала.

О решении жилищных проблем отец Иоанн советовал молиться святителю Спиридону Тримифунтскому и святому князю Даниилу Московскому. Он сказал: «Святитель Спиридон ведаёт жилищным вопросом в мировом масштабе, а святой благоверный князь Даниил – хозяин Москвы». Впоследствии наш жилищный вопрос разрешился, и, когда родился наш третий сын, мы уже жили в своей квартире в Южном Измайлове.

Как почти во всех священнических семьях, когда дети с младенчества часто бывают в храме, наши сыновья, едва научившись говорить, начали «служить» дома. «Облачались», устраивая себе орарь из ленты, раскрывали и закрывали двустворчатые двери большой комнаты, «кадили», кланялись, подражая голосом церковному пению и чтению. Во время поездки в Печоры я специально спрашивала отца Иоанна, как к этому относиться. Он ответил: «Это не игра! Это их жизнь. И не препятствуй им. Пусть только будет все это серьезно и строго. Как только заметишь какое-либо легкомыслие или улыбку – пресекай. Да они и сами перестанут

«служить», когда выйдут из младенческого возраста». И послал нашим мальчикам два креста: старшему – крупный нательный крест, фигурный, старинный, с остатками эмалевых украшений, а второму – крест от военного ордена времен 1812 года, довольно крупный, медный, четырехконечный, с изображением Всевидающего Ока в верхней части. Эти кресты наши сыновья хранят теперь каждый в своем семействе.

Дети подрастали, возникали новые проблемы в их воспитании. Например, как быть с общей молитвой утром и вечером, когда старшие уже сами по очереди читают молитвы, на руках у матери совсем младенец, а у ног стоит, сидит, ползает полуторагодовалый ребенок, то и дело куда-то стремящийся? Отец Иоанн говорит: «Пусть. Пусть сидит, стоит, может быть, какую-нибудь игрушку теревит, но чтобы он был тут, вместе с вами. Никуда его от себя не отпускай. Маленькие дети – как маленькие магнитофончики, ничего из произнесенного не проходит мимо них. Подрастет, и ты удивишься, как легко будет ему самому запомнить и читать молитвы». Подобное он говорил и о службах в храме: «Дети живут сердцем, чувствами. Они все чувствуют, воспринимают, слышат. Аромат, благоухание церковное, звуки пения, цвета облачений, сам благодатный строй богослужения – все оказывает действие на душу ребенка и становится ему дорогим, как память сердца». Теперь, когда все наши дети выросли, мы с отцом Геннадием уже через свой жизненный опыт убедились в справедливости того, о чем нам говорил отец Иоанн.

После пяти лет служения в Леонове отец Геннадий был переведен в храм Преображения в Богородском. Это был очень тяжелый период в нашей жизни – последние годы перед так называемой перестройкой. Много сложных моментов и искушений постигло нас за десять лет в Богородском. Отец Иоанн и молитвой, и советом участвовал в нашей жизни, предостерегая от необдуманных шагов и решений, ободряя и утешая.

Мне хорошо запомнился такой совет отца Иоанна: «Никогда не ходи в лобовую атаку, погубишь себя, погубишь приход, семью, навредишь Церкви. У этих людей такая мощная корневая система, что человеческими силами тут ничего невозможно сделать. Действуй осторожно, с молитвой, так, чтобы староста не догадывалась, что это от тебя исходит, по аналогии с тем, как можно, сидя за многолюдным столом, наступить чуть-чуть на краешек ноги человека и отпустить. Будет нужная реакция, но он не поймет, что это ты наступил ему на ногу. Таким образом можно многое осуществить, у меня были такие ситуации на приходе». Этот совет много помог отцу Геннадию. Однажды он сказал: «Наша староста все время ищет конфликта со мной, но я дал себе слово, что никогда с ней не поссорюсь». В связи с этим было интересно услышать от нее: «Какой вы, батюшка! Никак вас ничем не возьмешь!»

Помимо службы на приходе отец Геннадий преподавал в МДА и в МДС, трудился в редакции ЖМП. Выполняя завет отца Александра Ветелева, он публиковал в своем разделе материалы о таинствах Церкви, особенно об испо-

веди. Отец Иоанн передал со мной отцу Геннадию и свои тексты об исповеди, велел их адаптировать немного и распорядился подписывать таким образом:

«А. И.  
прот. Геннадий Нефедов».

Сказал при этом: «Свои знают, кто такой А. И., а чужих не надо дразнить».

Когда отец Геннадий спросил отца Иоанна, не оставить ли ему редакторскую работу, уж очень получается большая нагрузка, отец Иоанн ответил: «И там нужно наше влияние».

Привожу здесь текст письма отца Иоанна к отцу Геннадию, полученное им в октябре 1986 года:

«Дорогой отец Геннадий! О какой цели в жизни идет у Вас речь? Все определено – священник, отец семейства и отец многочисленной паствы – главное дело, служение Церкви, Богу – душепопечительство. Чтобы в день оный сказать: "Се аз и дети, яже дал мне еси". Вот она – цель. Вот оно – подвижничество и подвиг – истощание себя.

Улыбнись – а Вы ведь близки к физическому-то истощанию, уж не чрезмерный ли духовный подвиг тому причина? А ведь и в этом доля истины есть, и это говорю уже без улыбки. Да это и есть духовный подвиг – все отдать и идти, аможе не хотим. Стояние на молитве – это целебный бальзам, это радость, это вожденно, но и этого нам не дано, нас лишает жизнь насущного, но и это понесем как подвиг. Но давайте ухитриться, будем возделывать, умножать и хранить одно – память Божию в сердце.

И это тоже подвиг. Раньше он был преимущественно делом монашествующих, теперь, чтобы жить, и Вы, и многие мирские должны поднять его.

Дорогой отец Геннадий, батюшка, собрат и единомысленник! Ничего не надо придумывать и выдумывать. Жизнь, ее тяготы, ее изломанность – все выдумывают за нас. Наше же дело – елико возможно, самим сохранить спокойствие духа и научить детей наших, Богом данных, этому же. Самим всецело предаться воле Божией и тому же научить паству. И это ли не цель? И все в ней и о ней – и подвижничество, и труд, и болезнь, и воздыхание. Вот Вы уже в болезни и в воздыхании. Бог благословит Ваши труды и Ваши скорби. А последнее уж очень целительно – душа сердцем вопиет и исповедует свою немощь и величие Божие. "Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему даждь славу". А руководство есть: разве было когда-либо, чтобы Вы были не удовлетворены в своих нуждах? А Ваше желание личного присутствия у нас часто ведь нереально. Опять та же самая жизнь будет вносить свои коррективы в наши планы и замыслы. Давайте не будем связывать себя никакими обязательствами, а по потребности и по своей возможности милости просим – приезжайте сами, или с оказией пришлите письма, или гонца пришлите – возможностей много. Отказа и запрета нет.

А это что за переживание: "Плохо знаю, понимаю людей, с трудом общаюсь с ними"? Это зачем? Смущающие помыслы. Уповаем не на ся, а на Бога. Оживить надежду и упование. Так и общайтесь, так и отвечайте, как Бог

на душу положит. И это избавит от ошибок.

И с Ксенюшкой Господь благословил Вам совет да любовь. И ей от Вашего "не возглавления", а любви, внимания и ласки легче нести подвиг материнства. Вот и не возглавляйте.

Вопрос о лечении очень важен. Бог благословит подкрепить силы. Уверен, что, отдышавшись и отоспавшись, почувствуете снова бодрость духа и радость своего деятельного участия в деле Божиим.

Насчет печатания в ЖМП материалов об Исповеди – все сказано Леночке. Бог благословит Ваше намерение, а мы в свою очередь подготовим то, что от нас зависит, к Ксениному приезду и с ней пришлем дополнительные материалы по этому разделу.

Вот и все. Молимся о Вас постоянно и о чадах Ваших. Ведь от Вас частенько бывают посланцы, и были девочки, Наташа с Аней, которые подали нам целый список чад Ваших, и мы молимся.

Домашней церкви Вашей вкупе и каждому отдельно – Божие благословение. Ксенюшке пожелание здоровья, и Бог благословит ее посещение наших весей.

Благодарим Господа за все.

Мы с Вами деятельно проходим путь духовного воспитания и образования.

Братски целую. Храни Вас Господь.

Архимандрит Иоанн.

Октябрь 1986 года».

Отец Геннадий, будучи настоятелем, нес равную

с остальными священниками причта нагрузку на огромном приходе. Психологические трудности внутри прихода, фронтальная обстановка в отношениях со старостой, необходимость передвигаться перегруженным общественным транспортом и электричкой на немалые расстояния (между храмом, домом, редакцией ЖМП, Сергиевым Посадом), работа над учебным пособием с постоянным дефицитом времени – все это подрывало здоровье отца Геннадия. Отец Иоанн поддерживал его, напоминая нам в каждом письме, что молится о нас постоянно. И Господь послал нам некоторую слабость. Накануне юбилея Победы родственник отца Геннадия, ветеран Великой Отечественной войны, получил открытку с извещением о том, что он имеет право выкупить автомашину «Жигули» без очереди, в честь праздника. Сам он по состоянию здоровья не мог этого сделать и предложил отцу Геннадию воспользоваться такой возможностью и ездить на машине по доверенности. Отец Геннадий сразу же обратился к отцу Иоанну за советом. Отец Иоанн сказал: «В наше время машина – не роскошь, а средство передвижения. Ты не искал ее, не мечтал о ней. Бог посылает. И с ней тебе будет полегче. Надо покупать. Бог благословит!» Отец Геннадий с большим трудом собрал деньги, которые потом долго отдавал людям, выручившим нас. Действительно, появление машины заметно облегчило нашу жизнь. Отец Геннадий гораздо меньше времени и сил тратил на дорогу, да и детей мы смогли почаще возить на службы в храм.

Когда наши старшие дети немного подросли, я взяла троих сыновей с собой в Печоры. Отец Геннадий послал



*Семья Нефедовых*

меня с каким-то очень серьезным вопросом к отцу Иоанну, о чем нельзя было в то время писать по почте. Мальчики наши, как когда-то мои братья, тоже с трудом переносили долгие постовые службы (мы ездили на шестой седмице Великого поста), все время о чем-то спорили между собой, тяготились долгим ожиданием батюшки. Однажды, когда они совсем изнемогли и начали ссориться между собой, в дверях появился отец Иоанн и весело сказал: «Воюете? – и, обращаясь ко мне: – Молись Божией Матерью и Ангелу Хранителю, чтобы они козликов пере-

менили в ягнят. Своими силами в наше время воспитать детей невозможно, дух времени влияет на всех». А детям сказал: «Если бы каждый из нас помнил, что наши Ангелы Хранители всегда с нами, то мы бы избежали многих дерзостей, ссор, сердитых и непочтительных слов. Ведь по-настоящему как полагается? Прежде чем обратиться к брату своему, попроси разрешения у его Ангела Хранителя».

Отца Иоанна мы извещали о рождении всех наших детей. В тот момент, когда у нас родилась дочь, в Печорах находилась прихожанка нашего храма. Вернувшись в Москву, она передала нам слова отца Иоанна: «Нарекать имя – это дело родителей, но все же: Варвара – невеста Христова прекрасная». И прислал нам большую открытку с красными розами, в которой поздравлял с рождением дочери, посылал благословение ей и нам и выражал надежду на то, что она послужит Церкви Христовой во славу Божию и на радость родителям.

И теперь нам отраднo сознавать, что по молитвам и благословию отца Иоанна все наши дети самоотверженно трудятся на ниве церковной, и в священном сане, и в сане диакона, и в качестве церковных регентов и педагогов, продолжая дело отца, дело деда, отца Анатолия, и всех близких им людей.



ВСПОМИНАЕТ

Вера Сергеевна Правдолюбова

## «Серенькие»

Пишу за послушание. Сейчас я совсем глухая. При отце Иоанне еще слышала громкую речь – иногда. А чаще уже и тогда не слышала. Да еще имею какую-то черствую душу. Приведу пример, связанный не с отцом Иоанном, а с другим старцем. Как-то в гостях встретила с иеросхимонахом Макарием (Еременко), кавказским отшельником. Он рассказывал о своей жизни в отшельничестве, а я тогда еще более-менее слышала. Но ничего не запомнила и не записала. А отец Макарий, может быть, и говорил с этой целью, чтобы рассказ его остался для других, но я ничего не сохранила. Только и запомнила из всего услышанного, что около келии отца Макария на Кавказе бегали барсы, а маленькие барсятки тьякали. Так что заранее прошу прощения не столько за глухоту ушей, сколько за душевную глухоту и слепоту.

Что же я могу написать об отце Иоанне? Почти все с чужих слов, иногда мне, глухой, писали что-то из сказанного батюшкой на бумаге, немного и сама слышала.

Пишу, как вспомнится.

Приехал отец Иоанн в Касимов накануне праздника Трех святителей. После праздничной всенощной мы и племянники – дети нашего брата протоиерея Анатолия – подходили к батюшке под благословение. «Да сколько вас!» – сказал тогда отец Иоанн.

Батюшка сразу повел себя с нами по-родственному просто и стал бывать у нас в доме. После возвращения из какой-нибудь поездки предлагал братьям – отцу



*Праздничная трапеза. Касимов*

Анатолию и отцу Владимиру: «Соберемся у мамы». И шли вместе к нам домой беседовать – отец Иоанн рассказывал о своей поездке. А маме говорил о себе: «Вот, матушка, и третий ваш сыночек приехал».

Узнав о моей глухоте, отец Иоанн разрешил мне брать в храм книги, следить за службой и читать то, что я не слышала. Он сам дал мне растрепанную праздничную Минею не очень большого формата, что было очень удобно: на службу я брала не книгу, а несколько нужных листов. Сразу жизнь моя облегчилась. До отца Иоанна мне не разре-



*Вера Сергеевна Правдолюбова*

шали брать книги в храм и читать на службе. Потом у меня появилось много старых книг (учебный Октоих, воскресные службы, постовые книги, акафисты). Книги и сейчас мне служат большим подспорьем и очень утешают. Молиться без книг два-три часа подряд я не научилась до сих пор.

В нашем Никольском храме – единственном тогда не только в городе Касимове, но и во всей округе – до отца Иоанна служили ежедневно, без выходных и отпусков, по воскресеньям и праздникам – по две литургии. По

необходимости отец Иоанн ввел и выходные, и отпуска. Ведь у него на всех приходах, на которых ему доводилось служить, оставались духовные чада, и он их навещал. Да и в Касимов к отцу Иоанну приезжали многие – исповедовались, советовались, соборовались. Мы тоже стали исповедоваться у отца Иоанна.

На наши с сестрой Соней именины 17 (30) сентября 1966 года отец Иоанн пришел с отцом Дамианом, недавно поставленным молодым батюшкой. Нам из Лебедяни, где был похоронен наш папа – отец Сергей Правдолюбов, прислали в подарок яблочек. А они там роскошные. Стоят в вазе эти яблоки, а батюшки не берут – стесняются. Соня сама положила им по яблоку. Отец Иоанн взял, отрезал кусочек и съел, отец Дамиан говорит: «Пополам давайте?» «Ну уж нет!» – сказал отец Иоанн, и они съели по целому.

Батюшка всегда был простым и искренним. Но это к слову. Суть в другом. Как-то зашел разговор обо мне. Отец Иоанн говорит: «Надо тебя повенчать». – «Что вы! Я старая!» – «Бывает белое венчанье, бывает и черное». Я, не имея склонности к монашеской жизни, хоть и старая дева, начала с испугом отказываться. Мысли панические: «Вдруг благословит! Что буду делать?» Разговоры во главе стола продолжались, а я сижу и (увы мне!) думаю: «Черное венчанье! А сам-то какой? Ни черный, ни белый, серый какой-то (батюшка же был тогда так называемый целибат – не женатый, но и не монах)». И почти тут же прозвучал его ответ на мои мысли: «Будь пока как я – серенькая». И Соне потом сказал: «Может быть, она не слышала, пусть пока будет

серенькая». Так я до сих пор остаюсь «серенькой».

Еще сохранилось очень сильное и яркое воспоминание. В храме я стояла среди народа и по глухоте своей ни службы, ни проповедей не слышала. Однажды во время обычного акафиста пред чудотворным Казанским образом Божией Матери оказалась недалеко от отца Иоанна. Меня поразила необыкновенность его молитвы – так батюшка горячо молился, что пронзил всю мою душу и зажег в ней редкую для меня молитву.

Потом я узнала, что причиной именно такой в тот момент молитвы было письмо от его духовника. У отца Владимира, нашего брата, был духовным отцом схиархимандрит Серафим Сухумский (Романцов). Оказалось, что он был духовником и отца Иоанна. И когда отец Владимир поехал в Сухуми, отец Иоанн дал ему письмо к схиархимандриту Серафиму. В тот день отец Владимир привез ответ. Именно этот ответ и вызвал такой поток молитвы. Можно предположить, что в письме было благословение на монашество, потому что скоро отец Иоанн от нас уехал в монастырь. Сначала не разрешал приезжать и даже писать письма, а через год запрет был снят. И мы иногда ездили в отпуск в Псково-Печерскую обитель.

Сохранились и некоторые отрывочные воспоминания.

...Сказала отцу Иоанну: «Готовлюсь, пишу исповедь, а получается беллетристика». Ответил: «Если мы не имеем глыбы золота, то рады, что есть хоть крупинки».

...Говорю: «Все плачу и плачу. Если бы эти слезы вернуться на грехи, как было бы хорошо. А то сколько даром про-



*Беседа в монастырском саду. 1970-е*

лила». Отец Иоанн ответил: «Когда у нас нет чистой воды, мы приносим какую есть, отстаиваем, процеживаем, очищаем, как можем. Бог ли не сумеет отцедить от твоих слез и за грехи?»

...Характер у меня угрюмый, часто плакала. Это удивляло отца Иоанна, всегда такого радостного: «О чем горевать? За тебя молятся и на Кавказских горах (имел в виду отца Серафима), и на севере (это про себя), и на небе (папа, отец Сергей)». Теперь все они на небе. А я, глупая, и сейчас поплакиваю.

...А это воспоминание ко мне не относится. Случайно дошло до меня в монастыре. Старушка спросила отца

Иоанна, читал ли он ее исповедь? «Да-да!» – «Ну и что?» – «Да ничего». – «А я думала, мне и причащаться нельзя». – «Ну, это все искушение, надо не обращать внимания. Рыбу ловила? Ее ловят иногда и на тухленького червячка. Вот и нас на тухленького ловят. Надо все это от себя отстранять. "Се даю вам власть наступати на змию и на скорпию", а мы даем на голову залезать. Сидит и мучит, а надо ногой давить». О чем это именно, конечно, не знаю, но смысл такой, наверное, ко всем грехам относится. Вспомнила и записала.

...Хочется еще написать о незабываемой реальности. Как отец Макарий (Еременко) говорил об отце Серафиме (Романцове): «Для Серафима нет расстояний», – так и для отца Иоанна расстояний нет! Мощную его молитвенную поддержку ощущаем все время. После мысленного «вопля» к отцу Иоанну все налаживается. В частности, врач сказал мне: будут сильные боли, пей анальгин. Просила молитв батюшки. Сильных болей почти не было.

...А о Соне, «Лазаре Четверодневной», так называл ее отец Иоанн, и слов благодарности не подберешь! Всю жизнь болеет! Врачи давным-давно приговорили ее к смерти. И мы сами не раз думали: все! умирает! И даже: для нее лучше умереть, чем так мучиться. Но врачи те сами давно ушли в иной мир, а Соня, больше похожая на мощи, чем на живого человека, безропотно ухаживает за мной, лежачей больной. Откуда силы? От Господа – молитвами отца Иоанна. Дивен Бог во святых Своих!

При всем желании не умеем выразить благодарность, наполняющую душу.



ВСПОМИНАЕТ

София Сергеевна Правдолюбова

### *«Надо быть, а не казаться»*

Когда назначили к нам настоятелем отца Иоанна, мы-то уже знали понаслышке, что он очень-очень хороший священник. Но какие только ни пришлось выслушать мнения прихожан: «Это что же такое? Настоятель приехал! Разве у нас плохой батюшка? Почему отец Владимир не может быть настоятелем?» Отвечаю: «Да вы погодите волноваться! Не видели даже отца Иоанна. Сами потом будете рады». А по прошествии времени все мне говорили: «Как же ты была права!» Раз шла от праздничной обедни, вижу, две старушки по другой стороне улицы идут: «Как в церкви-то хорошо! Какая служба! Батюшки – оба красавцы. И служат хорошо».

Невозможно было удержаться от улыбки: главное – «красавцы», а служба уж потом.

С разрешения отца Иоанна привела я к нему свою знакомую Наталию В., приехавшую из Москвы в отпуск в родной Касимов. Ей очень хотелось познакомиться с батюшкой и услышать что-нибудь на пользу души. Отец Иоанн усадил нас на диван, стал рассказывать о церковной жизни, о том о сем, рассказывает и рассказывает. Чувствую, что она волнуется. Время идет, скоро уходить, а душеполезного как будто ничего и нет. Волнуюсь и я, зная ее характер, молюсь, чтобы она что-нибудь неловкое не сказала. Беседа окончилась, батюшка нас проводил, уже перед выходом сказал ей: «Недалеко вы от Царствия Божия». Она возразила: «Нет, это Соня недалеко!» – «Ну, а от нас с Соней подальше. Кому много дано, с того много взыщется».

С тем мы и ушли. Я ничего не поняла, а Наталья поняла и объяснила. Оказалось, что отец Иоанн таким образом прикровенно ее обличил: пороптала она на старого батюшку, бывшего настоятеля, помогавшего загруженным служащим священникам и, по ее мнению, сделавшего что-то не так. Вот и ответ: «Кому много дано, с того много взыщется». Не осуждай.

Как-то иду из церкви. Намерения мысленно обратиться к отцу Иоанну у меня не было. Просто шла и думала: «Отец Иоанн! Почему же к Наташе В., которая во всем меня старше – и возрастом, и образованием, и прочим, – обращение "ты" и "Наташа", а ко мне все "вы" да "Софья Сергеевна?"» Дома не оказалось нашей гостьи, Анастасии Флегонтовны из Елатьмы, тоже великой почитательницы отца Иоанна, очень старой. А я думала, что она уже с кем-то пришла. Пришлось мне вернуться за ней в храм. Около отца Иоанна все еще толпились люди, жаждущие утешения и благословения, там же и моя старушка. Подошли мы с ней к отцу Иоанну, и вдруг он мне говорит: «Я вас то так, то так буду называть». Так потом и было.

Однажды в будний день пришла на левый клирос. Отец Иоанн вышел читать канон и позвал меня читать вместе с ним. Читаем. Начальница левого клироса матушка Магдалина говорит: «Батюшка! Мы обижаемся. Мы с вами все время, и не берете нас читать, а Соня только пришла, ее позвали». Отец Иоанн помолчал немного, а потом ответил: «Матушка, я вас жалею!» Так он боялся обидеть кого-нибудь, даже нечаянно.

Было у меня одно очень огорчающее обстоятельство, о котором я не сумела ни сказать, ни даже написать батюшке. Поневоле обратилась мысленно. И получила ответ-совет, понятный мне одной.

О решении отца Иоанна уйти в монастырь мы знали. Отец Владимир старался и приход подготовить. Помню, не раз в проповеди говорил о том, что Спаситель родился на великие скорби, что скорби ожидают и нас. А мы с сестрой плакали каждый вечер о предстоящей разлуке. Признались в этом отцу Иоанну. И сразу как-то мы перестали плакать – скорбь осталась, а уныние отступило! Вот сила его молитв. Когда уезжать, зависело от самого отца Иоанна, и мы надеялись, что очень быстро он не соберется. Но все случилось быстро.

Последнюю литургию в Касимове отец Иоанн служил на Сретение. Храм был переполнен. Отец Владимир вышел на правый клирос попеть концерт. Говорит мне: «Посмотри – храм плачет!» И у самого слезы в глазах. А стены храма мокрые, вода стекает струйками. После службы отец Иоанн простился с приходом, с каждым человеком. На другой день перед самым отъездом еще раз зашел в храм, помолился, приложился к праздничной иконе, благословил ею на все стороны – весь город Касимов. Утешал нас, остающихся.

Так закончилось служение отца Иоанна в Касимове. Потом, не сразу, мы стали ездить к нему в Псково-Печерский монастырь.

Собралась как-то я ехать в Печоры, очень хотелось взять одну женщину по имени Наталья. У нее были тяже-

лые скорби – в короткое время умерли ее мать и сестры. Хотелось отвезти ее к батюшке, да побаивалась. Отец Иоанн и так был сверх всякой меры отягощен приезжающими. Письменно спросить разрешения и дожидаться ответа возможности не было. Я только мысленно у батюшки просила прощения: «Отец Иоанн, возьму я ее с собой, горе у нее!» Приехали. Конечно, были очень довольны. Батюшка разрешил все вопросы, утешил. Когда уезжали, просила я разрешения приехать еще одной женщине, врачу. Он ответил: «В этот раз благословение было двоим, в следующий раз можете и втроем приехать».

После мы с Натальей часто вместе и ездили. В одну из поездок запаздывали на поезд. Пришли в автоматическую камеру хранения, где оставили вещи, и не можем открыть дверцу. Что делать? Наташа пошла за дежурным, куда-то ее еще повели. Говорят, надо составить описание всего, что лежит в наших чемоданчиках. Пошутили, что неупомянутое отберут. Пришли наконец открывать. Взяли вещи, выходим на перрон без всякой надежды – поезд должен был давно уйти. И не верим своим глазам – стоит! Сели, и он тут же тронулся! Почему-то задержали отправление поезда, чего не было никогда – ни до, ни после. Страшно удивилась провожавшая нас родственница, а мы сочли это самым настоящим чудом по молитвам отца Иоанна, от которого мы ехали.

Много раз получала я чудесную помощь по молитвам отца Иоанна. Всего не перечислишь. Расскажу хоть немного.

Меня и еще двух сотрудниц настоятельно отправляли

в командировку в Ленинград. А я ехать никак не хотела, да и нездоровая была – флюс, щека распухла. Обиднее же всего – быть около Печор и не заехать: из командировки нужно было возвращаться срочно, конец месяца, самая работа. Долго я отказывалась, не один раз, а директор настаивал. Помню, прямо в обеденный перерыв помчалась к отцу Владимиру за советом: как же быть? Он мудро ответил: «Если тебя директор еще вызовет – соглашайся. А в Печоры постарайся попасть до Ленинграда». Только я вернулась от отца Владимира, тут же меня вызвал директор и твердо сказал: «Ехать надо». Я согласилась. Утром выехали, днем мои спутницы проводили меня на таллинский поезд. И вот я уже в Печорах.

Суббота. Воскресенье. Службы. Непередаваемая радость – и я забыла обо всем. Отец Иоанн встретил строго: «Зачем приехала?» Объяснила, что еду в командировку в Ленинград. Удалось и поговорить с ним, да без обычной нервозности, спокойно. Попросила я его помолиться о том, чтобы мне как-то понять, что надо, в работе, система учета на предприятии в Ленинграде была другая. Отец Иоанн ответил: «Помолюсь! Да все равно ничего не поймешь». Так и получилось, но по батюшкиным молитвам было легко, моего понимания просто не понадобилось – исполняла задания старшей, и все.

О трудностях добраться до места назначения я не думала. А ведь в Ленинграде я до этого никогда не была. Но батюшка-то все знал и предвидел. Он помолился о путешествующей Софии, и по его молитве совершилось чудо. Иду

от Михайловского собора к воротам монастыря. На лавочках сидят паломники. И кто-то громко возглашает: «Кто едет в Ленинград? Кто едет в Ленинград?» Поравнявшись, говорю: «Я еду». – «Пожалуйста, возьмите с собой эту женщину». Отвечаю, что еду в первый раз в Ленинград, ничего не знаю. «Да она сама из Ленинграда! Здоровье слабое, лишь бы не одной ехать».

Про здоровье и ко мне очень подходило. Так мы вместе и поехали. Немного пригодилась и я ей в дороге. Еще в Печорах на перроне ждали поезд. Поднялся холодный ветер. Она в легком платочке. Покрыла ей голову своим шерстяным шарфиком. Она потом говорила: «Ты меня спасла!» Благополучно доехали. Добрались до ее комнаты. Она и предложила: «Оставайся у меня!»

Оказалось, что у нее две кровати, ее и еще кого-то, кто прописан, а не живет. И очень мы с ней пожили хорошо, и в храм с ней ходили. И это еще не все! Нужный мне завод оказался очень близко, 10–15 минут ходьбы. А сотрудницы мои и жили в довольно стесненных обстоятельствах, и, главное, очень мучились ездой. В час пик транспорт был переполнен, на их глазах кто-то даже сознание потерял от тесноты.

...Была однажды в Печорах с двумя племянниками-подростками Анатольевичами. Один все время проводил в монастыре, а другой меня опекал. Как-то приходят они и приносят мне угощение. Отец Иоанн прислал. В честь памяти святителя Василия Рязанского. Я обрадо-

валась: «Да мне теперь дня на четыре хватит!» А они улыбаются на эти мои слова: «Отец Иоанн так и сказал: ей на четыре дня хватит».

...В другой раз просила прощения у отца Иоанна: «Простите меня за неблагодарность». Ответил: «Ну, ничего! Если бы ты одна была неблагодарная, все неблагодарные!»

Чтобы уменьшить свою неблагодарность, должна хотя бы кратко сказать: своими молитвами отец Иоанн возвращал много раз от врат смертных и маму нашу, и меня. Про маму даже сказал внучке её, Елене Анатольевне, что держать маму дольше уже нельзя. А в одно из тяжелейших обострений моей болезни, когда не было никакой надежды выжить, получили телеграмму из Печор – батюшка поздравлял с праздником Успения и желал мне выздоровления. Его молитвами я действительно поправилась, что очень удивило врачей.

По молитвам батюшки наш брат отец Владимир удержался в Касимове. Владыка Симон настойчиво предлагал перевести его в Рязанский собор. В очередной раз, когда я ехала в Печоры, отец Владимир просил передать, чтобы отец Иоанн помолился о разрешении непростой этой ситуации. Передала его просьбу. Батюшка ответил: «Кого же и звать владыке, как не отца Владимира? Какой был причт раньше в Рязани! И что сейчас?! Ну хорошо, будем молиться, чтобы миновала эта чаша отца Владимира». Вскоре после этого из Рязани в Касимов приехала староста собора и передала брату слова владыки: «Скажите отцу Владимиру, что пока миновала его сия чаша».

Помню и батюшкины обличения:

«Надо быть, а не казаться».

«Что-то знаем, других научить можем. Так самим исполнять надо!»

Приведу в заключение воспоминания моей подруги Наталии, с которой много лет мы ездили в Печоры к батюшке.

«Осенью 1982 года я первый раз приехала в Печоры. В начале того года я потеряла своих близких и очень тосковала. Жила с двоюродным братом, который сильно выпивал и ругал меня за то, что я постоянно хожу в церковь. Я часто плакала, и моя подруга Соня Правдолюбова решила взять меня с собой к отцу Иоанну в монастырь.

Приехав в монастырь, мы сразу пошли к обедне, после службы отец Иоанн вышел из алтаря и стал благословлять. Мне почему-то не хотелось, было страшно подходить к нему. Соня почти силой подвела меня: "Благословите мою Наталью, отец Иоанн, ее дедушка служил в Касимовском монастыре". Батюшка ласково благословил меня: "Он был у вас ствол, а ты веточка". И еще сказал: "Где ты так долго была?" В монастыре мы прожили больше месяца, я хотела уехать раньше, но отец Иоанн нас не отпускал, пока не утихла моя сердечная скорбь. Соня говорила отцу Иоанну, что Наташа беспокоится о доме, брат у нее ненадежен. А батюшка ответил: "Да, он пьет у нее", хотя я ему про это не рассказывала.

Перед отъездом мы пришли за благословением. Соню пропустили, а я осталась в прихожей. Сначала я думала

уйти, а потом стала молиться, чтобы мне попасть к батюшке. Удивительным образом меня провел один незнакомый монах, и когда я вошла, отец Иоанн сказал: "Нашлась потерянная драхма".

После пребывания в Печорах я душевно окрепла и уже больше не тосковала, хотя осталась совершенно одна, брат уехал. В один из приездов в Печоры я отдала отцу Иоанну письменную исповедь. Когда писала, оставалась холодной, не поскорбела о своих грехах. На следующий день батюшка всех благословлял, а ко мне три раза повернулся спиной. Придя домой, я затосковала, молилась вечером и на другой день всю обедню, поняла, что дело в моей бессердечной исповеди, и раскаялась. После службы отец Иоанн сам подошел ко мне и ласково благословил.

Несколько лет мы с Соней ездили к отцу Иоанну. Как-то раз он дал одной нашей спутнице письмо, а я подумала: хоть бы мне дал письмо, чтоб не забывать его советы. После этого батюшка каждый раз стал давать мне письма, и я, перечитывая их, получаю утешение и помощь по сей день.

Однажды мы с Соней решили попросить у отца Иоанна благословение на принятие иночества. Пришли в келию, и при нас какая-то девушка обращается к батюшке с той же просьбой – дать благословение на принятие иночества. В ответ батюшка положил руку на грудь и вздохнул: "Сначала надо дом построить, а у тебя тут пустыня". Мы переглянулись, обе решили, что это относится и к нам, и не стали ничего спрашивать. Отец Иоанн часто, отвечая на вопросы других, отвечал и на наши, не высказанные нами вопросы.



*Сестры Правдолюбovy с мамочкой*

Один раз Соня, получив известие, что отец Владимир болен, сказала об этом батюшке (мы были в это время в Печорах). А он ответил: "Ничего, он уже здоров". Потом мы узнали, что отец Владимир именно в это время выздоровел.

Однажды какая-то женщина упала перед отцом Иоанном на колени и стала его благодарить. Он поспешно поднял ее, говоря: "Что ты делаешь, это грех и тебе, и мне".

Мы ходили в монастыре на послушание, а я заболела, но стеснялась сказать об этом отцу Иоанну, а он сам сказал: "Хватит вам послушания, отдохайте".



*Вера и София Правдолюбовы. Дом деда в Селищах*

Однажды, когда мы были в Печорах, Соня очень сильно заболела. Утром после службы я подбежала к отцу Иоанну и со слезами сказала ему: "Батюшка, что делать? Соня очень больна, а нам уже скоро уезжать". Он ответил: "Не бойся, скоро поправится, уедет здоровая". И она очень быстро поправилась. Обычно же Соня, если заболела, то на месяц.

Отец Иоанн благословил меня проводить газ. Денег

у меня не было. Я и сомневалась, и надеялась, и вдруг стали проводить газ в церковь, и как раз мимо моего дома. Нашлись деньги (мне помогли). И я провела газовое отопление, а вскоре заболела и уже не могла топить печки. Батюшка позаботился заранее...

В последний наш приезд отец Иоанн посадил нас на диван, а сам сел напротив на стуле. Он что-то говорил, но лицо у него было такое, будто он где-то не здесь. И вдруг на меня нахлынули мысли ужасные, греховные. Я понимала, что это не мои мысли. Я ничего не могла сказать и только про себя повторяла: что такое со мной? Отец Иоанн нас окропил святой водой и стал мазать маслом. Я оказалась последней. Он стал меня мазать маслом и говорит: "А на тебя-то я все мое масло вымажу". Он с силой нажимал на кисточку, так, что все мои волосы были в масле, а я, сама не знаю почему, говорила: "Батюшка, правда, что я самая глупая?" И мне стало совершенно легко. Провожая нас, отец Иоанн встал в дверях в коридор и несколько раз повторил: "Как я рад, что вы приехали". Видно, знал, что больше не увидимся.

Теперь я совершенно ослепла, может быть, и потому еще, что не всегда до конца была послушлива воле Божией, которую батюшка возвещал. Но благодаря его молитвам я переношу свои несчастья без отчаяния. И даже еще помогаю на клиросе. Я мысленно несколько раз просила отца Иоанна прислать мне какое-нибудь поучение и неожиданно купила четыре кассеты – его проповеди. Теперь слушаю и утешаюсь. В трудных обстоятельствах мысленно взываю к отцу Иоанну и всегда получаю помощь и успокоение».



ВСПОМИНАЕТ

Елена Анатольевна Правдолюбова

### *Дар всей семье*

Впервые привел меня Бог увидеть истинного старца в детстве. У нас в Касимове после ссылки жил старец иеросхимонах Макарий (Еременко), друг и сотаинник старцев Глинской пустыни. Наша семья очень почитала иеросхимонаха Макария. Я запомнила маленькую хибарочку, стоявшую в огороде одной из монахинь бывшего Казанского монастыря. Имени ее я не помню – давно это было.

Идти к отцу Макарию надо было по сыпучим пескам с колючками. Эти пески с сероватыми кустиками колючек казались мне, маленькой еще, настоящей пустыней. Отец Макарий много разговаривал с папой, а потом обязательно поил китайским чаем.

Много рассказывал нам впоследствии папа, отец Анатолий, о прозорливости старца Макария. И говорил: «Бог нас с рук не сдаст. Ищущего духовного руководства Господь никогда без него не оставит».

Шли годы. Семья наша стала окормляться у старца Глинской пустыни схиархимандрита Серафима (Романцова), тогда еще архимандрита. Папа знал о нем от отца Макария. О духовной близости отца Макария и отца Серафима говорил папе отец Иоанн Крестьянкин: «Между ними не существует расстояния».

Отец Серафим временами приезжал в Касимов, и каждый из нашей большой семьи имел возможность видеть его, беседовать с ним, исповедоваться у него. Мне же не пришлось видеть отца Серафима. Я уже училась в Москве и ни разу не смогла попасть в Касимов тогда, когда бывал там отец Серафим.

Духовником моим в полном смысле этого слова был папа – отец Анатолий. С самой первой исповеди я чувствовала его строгое руководство. Жизнь была трудной. Папу переводили из города в город. Когда мы жили в Спаске Рязанской области, мы много слышали, что по соседству, в Ясакове, служит необыкновенный батюшка – отец Иоанн Крестьянкин. Из Спасска папу перевели в Маккавеево, в Сынтул Касимовского района. Там я кончила школу. И уже когда я училась в Москве, узнала, что в Касимов приехал новый настоятель – отец Иоанн Крестьянкин.

В ближайшие каникулы я поехала в Касимов. Мы с тетюшками Верой Сергеевной и Софьей Сергеевной вошли в церковь. Было рано, люди еще только начали приходить, и весь храм просматривался от порога. И вот из алтаря своей быстрой, летящей походкой идет отец Иоанн в белом подряснике, с приподнятой головой. Первая мысль, мелькнувшая в моем сознании, – радостная, какая-то ликующая: «Доктор Айболит!»

Из-за учебы в Москве мне мало приходилось быть и дома, в Сынтуле, и в Касимове, но на всю жизнь остались в памяти дни, когда у бабушки Лидии Дмитриевны Правдолюбовой бывал отец Иоанн. Из Сынтула приез-



*Отец Анатолий с Леночкой*

жал папа, отец Анатолий, с нашей мамой, а с ними и все мы. Приходил отец Владимир с семейством. Бабушка и тетюшки Вера и Соня устраивали большое угощение. На этих вечерах все концентрировалось вокруг отца Иоанна, главной была беседа с ним. Мы, дети, были очень благодарны взрослым, что они разрешали нам быть вместе со всеми за столом, слушать беседы отца Иоанна с отцом Анатолием, с отцом Владимиром и с бабушкой, участвовать в этом общем радостном вечере.

Прослужив всего год в Касимове, 5 марта 1967 года отец Иоанн поступил в Псково-Печерский монастырь. Его отъезд из Касимова был для всех большим горем. А отец Иоанн, прощаясь, сказал бабушке Лидии: «Я всегда легко переезжал с места на место, а здесь я нашел семью – и маму, и братьев, и сестер. Но теперь вы ко мне приезжайте. Я открываю вам дорогу в монастырь».

С тех пор мы бывали в Печорах не реже чем раз в год. И каждый раз ехали домой с удивительным запасом духовной радости, энергии, готовности жить по-Божьему, по-христиански. Молитвами отца Иоанна смягчались всякие трудные обстоятельства, облегчались болезни. А отец Иоанн шутил, называя свою келию рентгеновским кабинетом и еще – единственным кабинетом «для поддувания». В письмах домой, к родителям, и в их ответных письмах отец Иоанн был для нас «дядя Ваня». Тогда нельзя было иначе. И вот однажды отец Иоанн, провожая нас в дорогу, дал сверточек для близких и сказал: «Это вам от дяди Вани, я ведь знаю, что вы меня так называете». То, что было нам дано отцом Иоанном, было для всех благословением. Мы все делили на самые малые дольки, но чтобы каждый получил его благословение. Те же выписки из святых отцов, молитвы, наставления, которые каждый раз давались отцом Иоанном духовным детям, до сих пор служат нам как ориентир в жизни, как помощь в трудную минуту.

Принимал приезжающих отец Иоанн обычно в день отъезда. Приезжая, мы отдавали ему свои письма, говорили, когда должны уехать, а он назначал время, когда

можно будет его увидеть, чтобы получить благословение и напутствие.

Однажды мы ехали в Печоры с тетей Соней и сестрой Лидой. Сидели в поезде и разговаривали. На душе у меня было очень тяжело. Ехала я с тяжелым, как никогда, «багажом». Тетя Соня, почувствовав это и желая меня утешить, стала рассказывать, как отец Иоанн ругал на исповеди тех, кому не в чем каяться. А я тут и говорю: «Мне ничего не надо, только чтоб отец Иоанн сказал: "Прощаю и разрешаю"». По приезде в монастырь отстояли мы службу и пошли к лесенке, по которой обычно уходит духовенство из Михайловского собора. Тетя Соня и Лида подошли под благословение, а когда подошла я, отец Иоанн положил мне руку на голову и сказал: "Прощаю и разрешаю". И такой мир воцарился в душе! Уже потом были и исповедь, и причащение, и беседа в келии отца Иоанна. А здесь он исполнил мое желание, еще ему не высказанное, и сразу освободил от гнетущего груза.

В назначенное время в келии отца Иоанна собирались люди, которым было сказано прийти. Батюшка каждому что-то говорил, а потом помазывал всех маслом от разных святых, давал попить воды малого освящения, кропил ею и отпускал всех радостными и утешенными.

Часто было трудно уехать из Печор, поезд единственный, переполненный. Волнуешься, бывало, особенно если задержишься в монастыре, но молитвами отца Иоанна мы всегда уезжали. Запомнился случай. На вокзале огромная очередь, билеты будут давать, только когда получат сведе-

ния о наличии свободных мест. И это почти перед отходом поезда. Стоянка маленькая, надежды уехать почти нет, а мне надо быть в Москве на следующий день обязательно. Я стою в конце очереди. Вдруг подходит ко мне молодой человек и тихо говорит: «Вам нужен билет до Москвы?» Я беру этот билет, отдаю деньги, а вокруг уже собрались люди, готовые отдать все за мой билет. И таких случаев было много, не только со мной.

Бывало, прежде чем идти к отцу Иоанну, столько всего переживешь, передумаешь. В один из первых приездов в монастырь я увидела, как наместник монастыря отец Алипий в черном бархатном подряснике ходит среди розовых кустов, нюхает розы и явно наслаждается окружающим. И сразу мелькнула мысль осуждения: «Как же так? Ведь монах – по сути дела аскет, суровый, углубленный в себя, в молитву человек, а тут вдруг розы?» Или: стоит отец Алипий на балконе. На плечах пуховый платок. А внизу женщина, явно нищенка, что-то ему говорит. И вдруг отец Алипий громким голосом произносит: «Вот я сейчас тебе голову оторву и за стену брошу!» И гневно так взмахивает рукой, как будто ее голову за стену кидает. А женщине под ноги падает небольшой конвертик. Она земно кланяется наместнику, берет с земли конверт и уходит. И как только придешь к отцу Иоанну, он начинает говорить о наместнике: «Наместник наш – чудо Божие. Но его надо понимать». И начинает рассказывать об отце Алипии, а ты сидишь ни жива ни мертва, понимая, почему отец Иоанн именно тебе об этом говорит. Ведь ты только что осуждала.



*Архимандрит Алипий за работой*

В Печорах в монастыре был такой обычай: на полиелей выходило духовенство с фарфоровыми подсвечниками в руках, в которых свеча окружена букетиком цветов. И вот однажды, говоря о духовном уровне человека, отец Иоанн сказал: «Цветы такие разные бывают. У кого-то и маленькие – а ведь хорошо! Конечно, на что бы лучше, если б был букет благоухающих роз, как у отца наместника!»

Раз мы приехали в монастырь с моей подругой. Отец Иоанн дал нам через свою келейницу Марию книгу и велел ее прочитать. Дочитать мы ее не успели. Пришли в назна-



*Отец Алипий на балконе беседует с людьми*

ченное время в комнату для посетителей. Сидим-сидим, а отец Иоанн не идет. Мы начали беспокоиться: может быть, мы виноваты в чем? Вспомнили, что мы не дочитали то, что нам было дано. И слышим на лестнице стремительные шаги отца Иоанна. Он входит в комнату и говорит: «Ну вот, подумаешь-подумаешь и поймешь, за что тебя наказывают».

Моя подруга закончила художественный институт, а по окончании стала работать в реставрационных мастерских в родном городе. Работа тяготила ее, казалась бессмысленной, никому не нужной. Отец Иоанн сказал ей

при мне: «Представляй, что ты в больнице или в темнице сушим помогаешь, тем, кто на иконах изображен».

Однажды, приехав в Псково-Печерский монастырь, я встретила знакомую девушку, которая шла к отцу Иоанну с книгой «Ольховский монастырь» в руках. «Отец Иоанн дал мне ее почитать», – сказала она. Я уже читала эту книгу, и идеальная картина монастырской жизни показалась мне какой-то искусственной. Подходит время идти к отцу Иоанну, а внутри у меня смятение, как искушение какое-то: даст мне отец Иоанн «Ольховский монастырь», а я не хочу эту книгу читать. Как только я вошла в келию, отец Иоанн, помолвившись, благословил меня, посмотрел строго и сказал: «Я ведь знаю, что кому давать читать. Вот пока ты в Печорах – почитай». И дал мне книжечку «Что потребно покаявшемуся и вступившему на добрый путь спасения» святителя Феофана Затворника.

Еще вспоминается... В пещерах панихида. Служит отец Иоанн. Поют паломники. Отец Иоанн поворачивается ко мне: «Читай "Живый в помощи Вышняго"». Я читаю, а внутри тишина, неизъяснимый покой, состояние, которое бывало во время пения «Воскресни Боже» перед Плащаницей Спасителя в Великую Субботу. Позже, когда я пришла в келию отца Иоанна, он сказал: «Когда ты читала на панихиде, мне открылось: ты – счастливый человек. В чем это счастье заключается, я сказать не могу, но ты – счастливый человек».

Сохранилась у меня запись о поездке в Печоры в конце октября 1968 года. Привожу ее полностью.

«Мы с папой приехали в Печоры. Папа служил литургию вместе с насельниками монастыря. После службы мы стояли напротив Успенского храма у лестницы с огромными чугунными ступенями. Отец Иоанн подошел к нам, благословил меня и сказал: "Что с тобой? Ты в таком состоянии, что если бы я сказал – в каком, ты бы с этой лестницы упала". Эти слова поразили меня, до сих пор не знаю, что это было за состояние. И здесь же отец Иоанн велел мне прийти вечером в назначенный час для разговора. Папа был принят в монастыре, а я в городе остановилась. Перед тем как с папой расстаться, я его попросила: "Папа, я очень боюсь, пойдем вместе!" – "Неудобно, ведь это духовнический разговор. Может быть, отец Иоанн хочет тебе что-то особо важное сказать!" Я говорю: "Папа, у меня от тебя никаких секретов нет". В назначенное время мы с папой пришли в комнату для посетителей, которая была слева от входа в келейный корпус. Пришел отец Иоанн, и папа хотел уйти. Но отец Иоанн сказал ему: "Нет-нет, не уходите, у нас от вас никаких секретов нет, а нам с вами удобнее".

В самом начале разговора отец Иоанн говорил папе, что надо с ранних лет готовить детей к будущей семейной жизни, чтобы нахлынувшие чувства не выбили почву из-под ног молодого человека. Мать с дочерьми должна говорить, отцу удобнее сыновей воспитывать.

Папа сказал отцу Иоанну, что мы не всегда выполняем его наказ об общей вечерней молитве. На это отец Иоанн ответил: "Надо сделать общим небольшое правило, а потом самим его дочитывать, отпустив ребят по своим местам. А полное пра-

вило всем непосильно". Одобрил чтение Евангелия по зачалам. Мне отец Иоанн сказал, что хотел сначала направить меня на помощь маме: "Покушение на тебя было, – как он мне сказал, – но планы меняются, нет нужды срываться с места. Надо укрепить свою технику. А потом еще приведет тебя Бог пожить под родительским крылышком".

В то время я работала в Федоскине, а жила на квартире в рядом стоящей деревне Семенищево. У меня была маленькая комнатка, отделенная от хозяев занавеской. Там жили хозяйка и ее взрослый сын. Отец Иоанн сказал мне: "Недаром папа забил тревогу. Надо быть очень осторожной. Ни в коем случае не оставаться с сыном хозяйки наедине. Пусть не будет ничего плохого, но не надо давать повода ищущим повода". И отец Иоанн вспомнил, как он восемь лет жил точно в таких же условиях, нарисовал даже на столе, как он жил: "Вот тумбочка, покрытая салфеткой, – это мой кабинет. А за шкафом обширная кровать моей хозяйки. Когда же получил возможность жить один в отдельной комнате, убрал все чистенько, хорошо, сел посередине: Господи! Неужели я один? – Один, один, один! И такое было счастье!" Так жил отец Иоанн еще одиннадцать лет, до тех пор, пока его не взяли в ссылку.

Велел мне молиться о жилищном устройстве святителю Спиридону Тримифунтскому. "Первое, что нам нужно, – это молиться об уголке. На той неделе моя чреда молебнов. Вот и будем молиться. А ты делай заказы оттуда", – и показал на сердце.

Да, отец Иоанн очень хорошо сказал: "Надо быть осто-

рожным, особенно сейчас. Только не пойми меня в узком смысле. Курильщик курит, а ты дышишь этим воздухом и заражаешься. Так и во всем. Как ты вообще представляешь свою дальнейшую жизнь?" Я говорю: "Или оставаться так, или..." Отец Иоанн не дал мне договорить, видно, понял и сказал: "Во всем нужна ясность. Вот Миша решил после десятилетки идти в армию, а потом в семинарию. Вот это я люблю. Все ясно. Поэтому надо решить и уже держаться своего решения... Вот перед нами два пути: один – монастырь, другой – матушка, жена священника. И то и другое – трудно. И то и другое – подвиг. Если быть монахиней, надо идти в монастырь. Правда, тебе хорошо. В любой монастырь с твоей специальностью (художника-реставратора) возьмут. Но где тот монастырь?"

У отца Иоанна была мысль, что, может быть, настало то время, когда, по словам отца Иоанна Кронштадтского, уже не благословлять на брак, а направлять одну в Пюхтицы, другого – в Печоры. Но недавно он прочитал слово какого-то святого отца о том, что нельзя гнушаться браком. Такое настроение в монашестве надо искоренять. Быть священником в миру очень хорошо. "У меня, – сказал отец Иоанн, – по всей жизни прошли рядом, как два брата, две ветви делания – пастырская и монашеская". Отец Иоанн без всякой неприязни вспоминал свое служение на приходе.

"Матушки очень нужны, но страшно ошибиться. Где найдешь такого батюшку, чтобы был с тобой одного духа? А дух – это все. Иногда часами при нашем недостатке времени сидишь и пытаешься составить несоставимое. Он из духов-

ной семьи. Она тоже. В чем же дело? Совершенно разные люди! А что сделаешь? Бывает так: человек – или врач, или художник – долго идет к священническому служению и бывает потом настоящим, добрым батюшкой. А бывает, что сразу вокруг престола: "Исайе, ликуй", а потом кладет крест – не верую. Ты в таком возрасте, когда у человека уже сложился характер, мысли и чувства окрепли. Это самый лучший возраст. Как хорошо! Я представляю себе две картины. Одна: Леночка в клобуке, сидит в келии и пишет иконы. Вторая: Лена на лесах пишет иконостас, а батюшка снизу кричит: "Торопись, матушка! Скоро Владыка приедет". Или: добрая матушка принимает своих прихожан. Всех обнимает своим теплом, всех утешает. Это тоже служба. Правда, особого посвящения для матушки нет, но ведь надевает же коронованный царь свой венец на супругу – царицу. Так и здесь: матушка проходит все ступени батюшкиного роста. Сначала она диаконица, потом матушка, потом протопопша...

Второй пункт – семейное устройство. Я буду молиться. Неожиданно может появиться какое-то знакомство. Не надо его избегать. Но с хитрыми – по-хитрому. Не надо сразу открывать всю душу, а постепенно, незаметно, художественно (ты сама художник, понимаешь) испытывать, что у человека внутри. И если вы будете одного духа, то дальше вам уже ничего не страшно, никакие испытания. Бывает, что человек окружает другого человека ореолом, а потом вдруг такое открывается! Но ничего уже не поделаешь. Все. И тут начинается самое страшное – фальшь. Поэтому надо спокойно, с ясным и чистым сердцем четко

себе представлять, чего ты хочешь... Ну вот, у нас две фотографии Леночки, какая будет – не знаем. Это сокрыто от нас. Вот как этот сверток. Немножко приоткрывается. А это уже дело Божие. И надо так же, как с папой и мамой, говорить с Ним: "Да будет воля Твоя".

На столе перед нами лежал сверток, который отец Иоанн принес нам, когда пришел. У этого свертка с одной стороны бумага приоткрылась, и чуть-чуть было видно, что там лежит. При словах отца Иоанна: "Вот как этот сверток чуть приоткрывается..." мне стало страшно. Но что ему приоткрывается, отец Иоанн не сказал.

Когда отец Иоанн был мальчиком, он увидел портрет своего батюшки, первого духовника, в камилавке и с крестом. И сказал: "Господи! Быть бы мне таким, как он!" "Особенная была молитва, потому и услышана", – заключил свой рассказ об этом отец Иоанн...

"Христос трижды вопрошал апостола Петра: "Любиши ли мя?" Так и в жизни надо трижды испытать друг друга: "Любиши ли?" Без любви не может быть доброй семьи. Вот кто послушает и скажет: "Что это два служившие литургию священника такие разговоры ведут?"

И вспомнил отец Иоанн об архангеле Рафаиле, который спутешествовал Товии: "Святитель Димитрий Ростовский со свойственным ему дерзновением сказал: "Архангеле Божий! Тебе ли к лицу сватом быть?" На том разговор тогда и закончился. Прощаясь со мной, отец Иоанн сказал: "Ну вот, совсем другим человеком стала. Видно, наш воздух хорошо действует"».



*Елена Правдолюбова с мамой*

Здесь заканчивается запись 1968 года.

Уже в другой мой приезд в Печоры отец Иоанн говорил по поводу письма одного юноши: «На монашество нужно собственное осмысленное решение. И жениться хорошо, только чтобы был на это взгляд, как на подвиг, а не так: "Монашества не выдержу – лучше женюсь". И то и другое одинаково трудно».

Однажды я поделилась своей заботой: «Много у знакомого мальчика в голове разных мыслей бродит». Отец Иоанн засмеялся: «Это хорошо, значит, голова есть. А на что же голова-то? Только бы не было сомнения, а во всем остальном человек сам ищет решения и подтверждения. Неверно говорят иногда: "Вот Фома неверующий". Неверие Фомино – особое неверие. Он верил, но хотел удостовериться, и когда удостоверился, сказал так, как никто из апостолов: "Господь мой и Бог мой!" А апостолы говорили: "Ты Сын Божий, Ты Царь Израилев". А здесь – "Господь мой и Бог мой!" Так что хорошо, что мальчик сам все переосмысливает».

Ответ отца Иоанна по поводу одного письма: «У Н., судя по его прошлым письмам, есть такое желание: бросить все и служить Церкви. Но болезнь – это первое препятствие. Главное же – каноническое препятствие – женат на вдове. Сейчас, правда, перешагивают все каноны. Но я убежден: каноника – от Духа Святого. Все епитимии, сроки их – не человеческим измышлением определены. Так что пути Н. в служение Церкви в сане нет.

Что получается? "Будьте святы..."

Путь к святости имеет три стадии:

1. Под действием Святого Духа покаяние и исправление.

2. Борение со страстями и похотями. Эта стадия очень тяжела. Как только переходит в нее человек, такое с ним начинается! Страшная борьба, враг обступает кругом. Сколько будет длиться эта стадия? У всех по-разному. Как уж Бог определит. А потом наступит третья стадия.

3. Чистота и святость. Это уже вершина. Полный покой и радость, как, например, у преподобного Серафима Саровского.

Что же хочет Н.? Он хочет из первой стадии, минуя тяжелую вторую, сразу очутиться в третьей, где покой и тишина. И здесь опасность такая, что, очутившись в своем воображении на высшей ступени, он будет недосыгаем для всех, его уже не достанешь, чтобы одернуть. Это состояние прелестное. Сейчас Н. считает, что супруга ему помеха в таком вот переходе к святости, и работа тоже. Все ему мешает. А он должен понять, что без супруги ему никак нельзя: ведь они уже как камушки притерлись. Только бы вместе они были и шли бы рядом до самой смерти, как старосветские помещики».

В один из моих приездов в Печоры отец Иоанн дал мне задание: написать письмо. «Напиши от своего имени, только скажи, что я тебе поручил это сделать. Мальчик близок к отчаянию, нужно ему помочь». Позвал меня в келию и продиктовал, сказал, какими текстами пользоваться, на что особенно обратить внимание. Вечером я написала письмо. Писалось оно легко и очень самой мне понравилось. На другой день я пришла к отцу Иоанну: «Прочитайте, пожалуйста, какое получилось письмо». «Я знаю. Посылай»,

– был ответ. Читать не стал. И я поняла, что не я это письмо писала, а просто оно моей рукой было написано. Лист же, на котором под диктовку записаны были необходимые для письма тексты, сохранился. Он может быть полезен всем очутившимся в горниле страшного искушения. Привожу без сокращений:

1. Молись о помощи Богу и святым Его.

Святой Иаков Персянин.

Преподобный Максим Исповедник.

«Радосте моя, избави мя от обышедших мя» (Пс. 31, 7).

«Боже, в помощь мою вонми» (Пс. 69, 2).

«Боже, за молитвы муч. Фомаиды, помози мне».

2. Читай Священное Писание и другие духовные книги (Евр. 4, 12).

3. Избегай чтения соблазнительных книг и рассматривания соблазнительных картин.

4. Сознавай всю тяжесть греха нецеломудрия (Мк. 7, 21–23; 1 Кор. 9, 10; Апок. 21, 8).

5. Помни, что блудник отвергается Христа (Иуд. 1, 4).

6. Живо представляй губительные последствия нецеломудрия: потеря здоровья, болезни, невозможность счастливой семейной жизни.

7. Страшись наказания за любодеяние в будущей жизни (Евр. 13, 4; Еф. 5, 5; Апок. 21, 8; 14, 2).

8. Будь бдителен над собою (1 Кор. 6, 19).

Весьма полезно живое и постоянное памятование присутствия Божия и Ангела Хранителя, которые видят все наши дела и помышления. Преподобный Нил Сорский

говорит: «Когда смущают тебя блудливые помыслы, тогда наиболее ограждай себя страхом Божиим и напоминай себе, что от Бога нельзя ничего утаить, даже самого сокровенного помышления, что Он есть Судия и Истязатель всех тайн сердечных. При всем этом нужно избегать праздности, сластолюбивой жизни, излишнего сна, покоя, неги тела, и особенно нельзя упиваться вином, "в нем же есть блуд"».

9. Имей смирение.

Смирение, соединенное с надеждой на Бога, по свойству своему ослабляет всякую страсть в душе, охлаждает жар похоти и привлекает в душу благодать Божию, которую Бог дает только смиренным (1 Петр. 5, 5). Кто приобретет истинное смирение, тот с помощью Божией вскоре может истребить блудную страсть (посмотри «Лествицу», заключ. о целомудрии).

10. Прибегай к посту как к надежнейшему средству укрощения плотской страсти.

Блаженный Августин: «Если вас спросят, для чего вы поститесь и мучите себя, отвечайте: "Бешеную лошадь, которую нельзя укротить уздой, необходимо укротить голодом и жаждою"».

11. Помни, что распутно живущий делается жилищем бесов (как духов нечистых).

12. Помни о своем высоком достоинстве (1 Кор. 10, 16).

Искушения – это проверка нашей сопротивляемости. Во время искушения мы чувствуем силу помощи Божией, противостоим крепко, иногда поддаемся немощи нашего естества.

Отец Иоанн говорил о Приснодеве, о Благовещении:

«Это была великая тайна вочеловечения Божия». В нашей человеческой жизни тоже существует великая тайна – деторождение, единение супругов. «Как все премудро устроено!», «Господи, как дивно Ты меня устроил!», «Господи, Ты видел меня в зародыше, видел, как ткалась плоть моя...»

«Две лесенки: одна вверх, другая вниз. Так вот, надо хоть на маленькую ступенечку каждый раз подниматься выше. Рассеянность – общий недуг».

«Запомни: все великое совершается в тишине», – ответил мне отец Иоанн, когда я каялась ему, что осудила человека, много слушающего радио.

«Что же вы так смерти боитесь? Ведь рано или поздно всем умирать придется», – говорил отец Иоанн обступившим его людям.

Меня всегда удивляло, как совсем разные люди вокруг отца Иоанна чувствовали себя родными. Любовь отца Иоанна к людям сближала их и между собой. Мне пришлось ехать из Печор вместе с духовной дочерью отца Иоанна, приехавшей к нему из Сибири. Я ее никогда ни раньше, ни впоследствии не видела, но эта наша общая поездка оставила на всю жизнь в моей душе теплый след и радость от того, что бывает духовное родство, ни с чем не сравнимое.

Однажды отец Иоанн сказал: «Почему вы все меня так любите? Потому что я вас люблю, и эта любовь – навечно».

В первых числах июля 1973 года была я в Псково-Печерском монастыре. Незадолго до меня приезжали к отцу Иоанну Геннадий Николаевич Нефедов и Ксения, сестра моя. Получили благословение на брак. Предстояла их

свадьба. В начале разговора отец Иоанн сказал: «Начнем со старших, и до тебя так постепенно дойдем. Как папа?» – «По благословию владыки Симона он систематизирует проповеди последних лет». – «Как хорошо! Благословение сверху, а мы будем молиться, чтобы Бог силы дал. Как мама? Как ее здоровье?» Я рассказала о маме. «Ну а как Ксения? Как настроение после поездки?» – спросил отец Иоанн. Я рассказала, что Ксения купила хороший материал на платье, купила фату. «Спасибо вам, дорогой батюшка, за помощь. Очень трудно было купить», – сказала я. «Что ты, что ты! Это по молитвам папы, дяди Володи, всех семейных... Фата новая? Так-так! Я им говорил, чтобы все было беленькое, новое... Я тут полный инструктаж им дал».

Постепенно подошли к разговору обо мне. «Ты – первенец. В древности первое дитя Богу посвящали. Вот и тут, видно, воля Божия такая. Как хорошо! Дар всей семьи... Мы с тобой так сделаем: обетов никаких давать не будем, пока надо выполнять правило обычной христианки, а там дальше видно будет», – сказал отец Иоанн. Когда-то раньше отец Иоанн спросил меня: «Чего ты, собственно, хочешь?» «Послужить Церкви Божией», – ответила я. «Ну и послужишь, а как – это уж дело Божие». «Я приехала с решением всю жизнь посвятить иконописи, не уклоняясь ни в какие иные стороны», – так я написала в письме к отцу Иоанну с просьбой укрепить это мое решение своим благословением. При разговоре с отцом Иоанном я повторила свою просьбу. Он как-то посветлел и говорит: «А ведь и правда. Я, конечно, не апостол, но еще раз тебе говорю: лучше тебе

остаться, как я. Не раз будешь радоваться. Свобода-то какая! Свобода! Конечно, хорошо быть матушкой, очень хорошо. Ты там собой живую икону представляешь всей своей жизнью. Но писать иконы придется уже от случая к случаю (к приезду благочинного). А там и совсем не придется». Я подтвердила, что сил у меня не хватит, и встает выбор: или одно, или другое. «Ну, так решим, – сказал отец Иоанн. – Пока не будем произносить никаких обетов, а будем идти потихоньку. Обручение, своего рода венчание, должно быть завершающим. Вот Мария Николаевна (монахиня Иулиания Соколова) ведь только недавно приняла постриг. А на всякие вопросы надо отвечать весело: "Выйду еще. Ксения вышла, и у меня все еще впереди". Конечно, трудновато будет, взгрустнется иногда, но ведь нам с тобой не восемнадцать лет. И силенок ведь не так уж много», – заключил отец Иоанн.

«А как на фабрике? Чем ты там занимаешься?» – спросил отец Иоанн. «Расписываю шкатулки, панно». – «А сюжеты какие?» – «Сказочные в основном. Иван-Царевич на сером волке, Иванушка-дурачок с пером Жар-птицы...» Отец Иоанн смеется: «Мое имя склоняешь? Я шучу, шучу. Я ведь сказок-то еще не забыл». Расспросил отец Иоанн о плане, о зарплате, удивился, что так мало платят живописцам: «За то, чтобы посмотреть только, столько платить надо».

Когда узнал, что я уже семь лет после окончания училища проработала и ничего не обязана государству, благословил уйти с фабрики, с тем чтобы учиться в Лавре

у Марии Николаевны Соколовой. «Надо быть ближе к Марии Николаевне, пока есть такая возможность», – сказал он. Но прежде чем уходить с фабрики, надо было решить вопрос с пропиской. В Федоскине – общежитие. Уходя с работы, я теряла подмосковную прописку. «Вот сейчас ты сделала свой выбор, а теперь Господь будет Сам все устраивать... А тебя я еще отдарю. Кому – платью и фату, а тебе ведь тоже нужно будет, только на подряник», – сказал отец Иоанн и засмеялся так хорошо-хорошо. В продолжение этой поездки на душе у меня было ясно и спокойно. И слова о подрянике совсем не удивили, как будто всю жизнь существовал такой вариант.

«Ты обо всем спросила? Не будешь потом в поезде жалеть, что что-то забыла?» – спросил батюшка. Потом отец Иоанн встал в передний угол и прочитал молитвы. Благословил меня. В переднем углу было несколько икон, но больше всего запомнилась икона Спасителя во весь рост. Отец Иоанн сказал: «Ну, вот мы с тобой и решили не закреплять свое решение подписями, не давать обетов, но начинать потихоньку новую жизнь. Вот и икона Спасителя... Как хорошо! Ведь этот путь как раз нам с тобой по силам. А у тебя еще такой талант! Да я на твоём месте даже и не раздумывал бы!» И он меня благословил. Потом отец Иоанн сказал, что пришлет мне оптинское правило. «Но ты не думай за него братья. Найди там себе правило для послушниц. Для послушниц, – повторил он и весело мне пальцем погрозил. – Будешь дома – передай всем благословение. "Ему же честь – честь. Ему же дань – дань. Ему же оброк – оброк".

Ну, вот и поговорили мы много обо всех и немного о тебе». И ушел, вернее, улетел. Когда я вышла, его уже не было видно. И только когда я поднялась на мостик, я увидела, как его быстрая фигура мелькнула в дверях братского корпуса.

Невыразимое, величественное спокойствие было на душе. Часы пробили три четверти. Успенский собор сиял на солнце. Никого кругом. Тишина. Простилась я с собором, с пещерами, в которых в этот приезд не смогла побывать, и тихо-тихо, медленно пошла по своей любимой лестнице с разными ступеньками. На ступеньках и в листве играли солнечные зайчики. Удивительно было идти по этой лестнице совсем одной. Поворот, и опять она вся трепещет от лучиков, которые пробиваются сквозь листву. Стоял птичий гомон, спокойный гомон. Уходить из монастыря не хотелось. Я спустилась от Михайловского собора по большой лестнице, по которой идут с панагией, и тоже шла совсем одна. Как все промыслительно! Столько было разных возможных попутчиков, а приехала я одна.

В день отъезда, в праздник Тихвинской иконы Божией Матери, я причащалась Святых Христовых Таин. Исповедовал меня отец Иоанн.

«Где служба будет, наверху?» – спросила я у одного из монастырских трудников, одетого в рабочую одежду. «Да, наверху, а ты сейчас здесь звон послушай». И таким лучезарным взглядом посмотрел, что до сих пор душа радуется. Шла обратно. «Что, как ведь хорошо-то послушала!» – сказал он, а лицо сияло радостью.

По благословению отца Иоанна я оставила работу на фабрике и стала учиться иконописи и реставрации у Марии Николаевны Соколовой, впоследствии принявшей постриг с именем Иулиании. Два года, которые я провела под ее руководством в Сергиевом Посаде (тогда Загорске), были очень насыщенными. Уход за больными матушками, которые раньше работали в Духовной академии, учеба и участие в реставрации Трапезного храма под руководством Марии Николаевны, посещение лаврских служб были для меня школой во всех отношениях.

Вспомню несколько моментов из того периода, связанных с именем отца Иоанна.

По соседству с иконописной мастерской на территории Академии работала духовная дочь отца Иоанна – Мария Князева. Однажды она рассказала мне со страхом и радостью о проявлении прозорливости отца Иоанна. Ей представилась возможность поехать по каким-то служебным делам в Ленинград. Она написала письмо отцу Иоанну с просьбой благословить ее приехать хотя бы ненадолго в Печоры. И еще она просила совета, как это лучше сделать: до исполнения порученного ей дела или после, на обратном пути. Опустила Мария письмо в почтовый ящик днем, а на другой день получила ответ от отца Иоанна с приехавшей из Печор женщиной. В письме было дано благословение на поездку с подробным советом, как это лучше сделать. Ответ был дан сразу же, как только возник вопрос у Марии Князевой и как только она написала письмо. Письмо это должно было прийти в Печоры не раньше чем дня через три.

Когда я жила у матушек, приехала в Загорск моя знакомая – Наталья Моисеева. Совсем незадолго до того она благодаря встрече с отцом Иоанном пришла к вере и стала его духовной дочерью. По слову отца Иоанна Наташа написала генеральную исповедь, которую батюшка назвал «исповедью поколения». С высшим искусствоведческим образованием, экскурсовод одного из крупных музеев Ленинграда, она действительно была представителем современной молодежи.

Приехав в Лавру, Наташа почувствовала себя очень плохо. Как она оказалась у нас, я не помню. Матушки отнеслись к ней с любовью, и она довольно долго жила у нас. Иногда болезнь усиливалась. Были моменты, когда она просто умирала. Я отчаянно молилась Богу, писала отцу Иоанну о ее болезни. И как только стало Наташе полегче, повезла ее в Печоры. Увидев нас, отец Иоанн воскликнул: «Из мертвых воскресшую привезла!» И вспомнил случай, который был в его детстве: к птице дворовой, к уткам, прибился дикий селезень. Видно, от слабости не мог лететь в дальний путь. Зимой он мирно жил вместе с домашней птицей, но потом хозяева решили его зарезать к какому-то празднику. И только приоткрыли дверь, чтобы войти и взять его, как он вылетел и взмыл ввысь. Дважды отец Иоанн при мне рассказывал этот случай, сравнивая человека, вырвавшегося из рук смерти, с диким селезнем.

Пока я жила в Сергиевом Посаде, меня прописала у себя родственница одной из матушек, у которых я жила. Прописка была временной и каждый год продлевалась.

Отец Иоанн утешал: «У всех нас прописка временная: у кого на сорок лет, у кого на шестьдесят, у кого на восемьдесят».

Пришло время, когда меня взяли работать в Патриархию. В связи с этим назначением отец Иоанн сказал: «Святейший Патриарх Пимен делает это из уважения к вашему священническому роду».

Началась новая жизнь. Мне была дана возможность работать в летней резиденции Святейшего Патриарха в Переделкине. «Даже если бы тебе это только во сне приснилось, и тогда надо было бы всю жизнь Бога благодарить», – говорил отец Иоанн при первой после назначения встрече с ним в Переделкине. Несколько раз по приглашению Святейшего Патриарха отец Иоанн приезжал в Переделкино во время своего отпуска. Иногда отец Иоанн приезжал в Москву по благословению владыки Иоанна Псковского и Порховского, в Патриархию, чтобы восполнить епархиальный запас святого мира.

В то время в патриаршей резиденции в Переделкине трудились игумен Иоасаф и матушки из Мукачевского монастыря. «Здесь я на полном послушании у отца Иоасафа – все им, все через него!» – говорил отец Иоанн, если его о чем-то спрашивали. А отец Иоасаф шутил: «На всю Россию один Иван остался».

Отец Иоанн очень любил в Переделкине уединяться на территории сада с книгой, где никто не мог нарушить его одиночества. А за трапезой собирались вместе отец Иоанн, отец Иоасаф, Мария Николаевна Соколова, которая по благословению отца Иоанна приезжала, чтобы увидеться с ним.



*В Переделкине. 1980*

И я имела счастье быть с ними. Иногда за трапезой поднимались богословские вопросы. И тогда отец Иоанн говорил: «Духовная пища выше телесной. Беседуя за трапезой, мы и духовно насыщаемся».

Однажды отец Иоанн спросил меня о папе, отце Анатолии. Я сказала, что, несмотря на перенесенный тяжелый инфаркт, когда владыка благословляет его служить, у него откуда-то берутся силы, и он с радостью служит. Отец Иоанн на это рассказал о себе, о том, как он служил в Рязанской области, в Троице-Пеленице, в Летове. Пришлось отцу Иоанну как-то служить всеобщее бдение с литией в каком-то доме. Собралось много народа. От жары и влаги отклеивались обои и падали на людей. Затем было Соборование. Насыпали огромный таз пшена или риса, ставили не семь, а множество свечей. Потом утром служили обедницу и причащались (наверное, запасными Святыми Дарами). Принесли 20–30 детишек – крестил их, тогда это было еще свободно. Потом ходил по приходу, заходя в каждый дом, за исключением двух-трех домов, где «страха ради иудейска» батюшку не принимали. «Но мы не отрясали прах от ног наших, но покрывали любовью. Ведь они не принимали нас из страха, а не по ненависти: учительница какая-нибудь или председатель». И на все эти службы, пока они шли, хватало сил. Как только служба кончалась, отец Иоанн совершенно обессилевал, а потом снова поднимался и шел по первому зову. «Сила Божия в немощи совершается».

Почти каждый год отец Иоанн поручал мне приготовить подарок Святейшему Патриарху Пимену. Надо было сделать складень, или отреставрировать присланную батюшкой икону, или написать новую. С этим связано много воспоминаний. Мне всегда все давалось с большим трудом, и только молитвами отца Иоанна исполнялось то, что было поручено. Очень трудно далась мне Владимирская икона Пресвятой Богородицы к патриаршему юбилею.

Сохранилась запись о том, как я отдавала эту икону отцу Иоанну.

«5 августа 1978 года. Кунцево. Две последние недели перед этим днем были у меня, неисправимой, на пределе отчаянными и насыщенными. Опять я опаздывала с подарком для Патриарха от отца Иоанна. За неделю до этого я с оказией послала батюшке письмо, где каялась в своем всегдашнем грехе – доводить все до последнего момента – и просила его молитвенной помощи. И вот, слава Богу, все подоспело, и я, вставив икону, не совсем еще сухую, с чуть отлипающей олифой, в приготовленную для нее киоту, еду на такси со своим свертком в Кунцево. Подоспела точно к девяти вечера, как было условлено. Батюшка, нагнувшись, что-то искал в своих вещах. Выпрямившись, он посмотрел на меня: "А, вымоленная!" А я, измученная за это время тревогой, что не успею, и угрызениями совести, ничего не могла больше, как только упасть ему в ноги. Он поднял меня и, встав в передний угол перед древней Феодоровской иконой Божией Матери, стал читать: "В Рождестве девство сохранила еси...", "В молитвах неусыпающую Богородицу...",

"Величаем, величаем Тя, Пресвятая Дево..." и еще что-то. И уже только тогда обернулся и благословил меня: "Ну, раскрывай". Я подошла к столу и с внутренним трепетом стала раскрывать сверток. Киот понравился, я почувствовала это. Затем я раскрыла створки подарочного киота, сделанного специально кранодеревщиком. Открылась Владимирская икона Божией Матери, на полях ее четыре клейма с изображениями святых, память которых празднуется в памятные дни Святейшего Патриарха Пимена: в день епископской хиротонии, в дни возведения в сан архиепископа и митрополита и в день Патриаршей интронизации, которая проходила в празднование Владимирской иконы Божией Матери. С великой любовью к Святейшему Патриарху отец Иоанн до мельчайших подробностей все продумал, я же была только исполнительницей.

Отец Иоанн сел напротив иконы, молча смотрел на нее, а потом спросил: "Освящена?" Я ответила, что отец Иоасаф освятил ее и она стояла на престоле в Михайловском храме. "Как велика сила освящения! Я чувствую токи благодати, от нее исходящие!.. Он – Солнце, а Она – Луна".

Разные трудности бывали у меня в то время. "Уныние расслабляет силы", – сказал мне отец Иоанн и постучал лупой по моему лбу. И еще где-то в разговоре: "Нам дана заповедь: люби ближнего своего, как самого себя, но не сказано, что надо обязательно быть любимым... Любовь – язык международный... Надо довольствоваться тем, что есть, и за все благодарить. Благодарному сердцу Бог посылает благодеяния еще и еще"».

Отец Иоанн при встрече, в Переделкине ли, в Печорах ли, начинал мне рассказывать о моих родных и укорял меня, что я не в курсе их дел. Он всех держал в своем сердце. Молился обо всех. Отец Иоанн рассказывал, как во время проскомидии, когда вынимаются частицы у жертвенника, люди, которых отец Иоанн поминает, будто проходят перед ним, торопятся в его памяти, теснят друг друга, напоминают о себе, для того чтобы отец Иоанн успел их помянуть.

Подобная молитвенная память – черта истинно духовных людей – была присуща и матушке Иулиании (Соколовой). Когда она приезжала в Переделкино, то привозила с собой свои помянники и всю проскомидию и литургию до Херувимской песни читала их, уединившись в будний день на пустующих хорах или в укромном уголке храма. Запомнился разговор в Переделкине во время трапезы. Отец Иоанн рассказал мне, что мой троюродный брат руку сломал и с сердцем у него плохо. Я еще не слышала об этом. И разговор перешел на другое. В следующий приезд я говорю отцу Иоанну: «Отец Иоанн, помолитесь, сегодня Олегу, тому брату моему, который руку сломал года два назад, сороковой день». Отец Иоанн перекрестился: «Царство ему Небесное», а матушка Иулиания говорит: «Как так? Что же ты молчала? Я его до сих пор о здравии поминаю!» А я и не знала, что она чужого для нее человека записала в свой помянник.

Приехала я как-то в Печоры. Семья моей сестры Ксении незадолго до этого получила новую квартиру. Отец Иоанн сказал: «Не забывайте благодарить святителя Спиридона

и преподобного князя Даниила. К нам от них женщина приезжала, когда жеребьевка была. Мы тут все молились». Я говорю: «Уже два благодарственных молебна служили». – «Ну а я приеду, третий отслужу». Когда отец Иоанн был у Нефедовых, собралась вся семья Правдолюбых. Приехали папа и мама, наши братья с семьями. Отец Иоанн служил молебен. Мне в этот приезд особенно запомнились слова: «Много пришлось перенести нашему поколению, но вашему еще больше придется пережить... Это-то все будет, – показал батюшка на накрытый стол, – но в нравственном отношении очень тяжело будет... На том свете скажут нам преподобные: "Как вы сюда попали? Мы спали на голой земле, постились, молились, а вы?" Скажут мученики: "Как вы сюда попали? Нас мучили страшными муками, отсекали головы, подвергали самым страшным истязаниям! А вы как сюда попали?" – "А мы – бескровные мученики. Нам не отсекали головы, не загоняли спицы под ногти, но нравственные мучения были велики, и вот мы здесь"». Это передано своими словами, но смысл таков.

Однажды в Печорах отец Иоанн повел нас на Святую гору. Чувствовал себя не очень хорошо. И по крутой деревянной лестнице шел с одышкой, приговаривая: «Так, с трудом, ступенька по ступеньке, и – Царство Небесное», – и развел руками, ступая на Святую гору.

Когда папа был в последний раз в Псково-Печерском монастыре, отец Иоанн сказал мне: «Тяжелы отцу Анатолию наши горы, трудно ему к нам приезжать, но у нас общение на другом уровне».

Духовная дочь папы Клавдия Михайловна, в монашестве Херувима, теперь покойная, спросила папу о каком-то своем недоумении. Папа ей ответил. Но она продолжала сомневаться и поехала в Печоры. Ничего не говоря об ответе духовника, она задала тот же вопрос отцу Иоанну. Получив слово в слово такой же ответ, очень удивилась и говорит: «Отец Иоанн, как же так? Отец Анатолий мне то же самое сказал!» – «А мы одного духа».

Когда еще были живы в Псково-Печерском монастыре валаамские старцы схимонах Николай и схиигумен Лука, отец Иоанн водил нас к ним на благословение. Отец Лука всех нас благословил, а маме сказал: «А молитву Иисусову оставлять нельзя», хотя мама не говорила ему, что в последнее время действительно стала ее оставлять. Потом нам об этом сказала. Схимонах Николай, уже совсем ослепший и больной, лежал на кровати. Отец Иоанн подводил каждого из нас к нему и говорил: «Это отец Анатолий, это матушка Ольга, это Александра Михайловна – регент, это ее дочка Лиза – фельдшер». Каждый наклонялся к отцу Николаю, и тот клал свои руки на голову, держал немного и каждому что-то говорил. У меня в этот приезд очень беспокойно было на душе. Заботы разные навалились как-то особенно тяжело. Подведя меня последней, отец Иоанн сказал: «А это Лена, будущий художник-иконописец». Я наклонилась к старцу. Схимонах Николай взял мою голову своими тонкими прохладными руками и тихо приговаривал: «Все будет. Хлеб будет, дом будет... будет... будет...» Говорил так тихо, что я только два слова услышала, а дальше все тише: «Будет... будет». И так хорошо стало на душе. И страшно от про-

зорливости старца. Уходила последней. Слышала, как отец Николай говорил келейнику: «Как хорошо! Батюшки есть, матушки есть, регенты есть, медики есть, иконописцы есть. Как хорошо! Всех хватает!»

Позже Бог привел меня быть на отпевании старца Николая. Воспользовавшись выходными днями, приехала в Печоры. В Успенском храме стоит гроб. Спрашиваю: «Кто умер?» «Старец валаамский схимонах Николай», – отвечают мне. Было 9 мая. Солнечный, сияющий день. После отпевания с ликующим звоном внесли старца Николая в Богом зданные пещеры.

В тот приезд у меня сильно болели ноги. Остановилась я в домике напротив хозяйственных ворот монастыря. Шла к службе с большим трудом. Дорога, уложенная камнем, идет в гору. Ноги болят, как нарывы. Поднялась в Покровский храм. Скоро выйдет отец Иоанн из алтаря и будет исповедь. А стоять нет сил. Боль страшная. Стою и думаю: «Только бы мне исповедь выдержать, а потом я спущусь в Успенский храм, упаду перед мощами преподобного Корнилия и буду просить, чтоб он мне помог». Началась исповедь. Я совсем забыла о боли в ногах. Поисповедовалась, простояла литургию, причастилась. Встретились знакомые и предложили пойти вместе с ними в Тайлово. Погода чудесная, на душе хорошо. Я согласилась. Пошли каким-то кочковатым полем, чтобы сократить путь. Идем, разговариваем. И тут мне делается страшно. Я иду по такому полю, а ноги не болят. Я совсем забыла и о ногах, и о своем решении пойти к преподобному Корнилию. Поняла, что он исцелил меня, а я, неблагодарная, и не сходила к мощам,

и не поблагодарила его. До сих пор стыдно. Вернувшись, я просила прощения у преподобного Корнилия.

В Изборске из церкви была украдена чудотворная икона Божией Матери Корсунская-Изборская. Отец Иоанн сказал прихожанам: «Не горюйте, будет у вас чудотворная икона». Он дал двум иконописцам фотографии украденной иконы с просьбой написать как можно ближе к оригиналу. Ризу же поручил мастеру, который сделал ее очень похожей на пропавшую, с камнями, жемчугом, как на фотографии. Обе иконы были написаны. Первая икона была одета в ризу, торжественно освящена. 3 апреля 1983 года после торжественной литургии в Изборске эта икона была обнесена крестным ходом вокруг храма и поставлена на место прежней чудотворной иконы.

Вторую икону отец Иоанн взял с собой на праздник. Она стояла на окне за престолом в ту Божественную литургию. На обратном пути чемодан, в котором была икона, хотели положить в багажник легковой машины, но отец Иоанн не разрешил. «Там икона», – сказал он. Так чемодан и ехал рядом с ним. По пути в Печоры отец Иоанн говорил: «Ну вот, та икона Корсунская-Изборская, а эта – Корсунская-Печорская. Пусть она в Печорах будет».

Мастер, который вышивал ризу для новой Изборской иконы, сказал: «Батюшка, вы всегда давайте мне делать ризы для чудотворных икон. Это неповторимое ощущение, когда чудесно все делается».

А однажды батюшка подарил мне свою фотографию, где он с крестом в руках и в голубой митре. Это всем извест-



*Благоговение. С крестом. 1980-е*

ная фотография. Показывая на крест, он с болью сказал: «Разве можно так делать? Как держать крест, если у него на рукояти икона изображена?» И он так и держит его, чуть касаясь пальцами, чтоб не взяться за изображение Христа Спасителя.

Как-то сказал, увидев священника с наперсным крестом, заложенным за подрясник на груди. «Мы можем быть "у Христа за пазухой", но Христу у нас за пазухой – не должно сему так быть!»

Как-то раз в Переделкине отец Иоанн попросил у меня молитвослов. На другой день возвратил мне его и сказал: «Запрещаю тебе им пользоваться. Очень много ошибок и искажений текста». Я им раньше пользовалась, исправив, где знала, искажения. А оказалось, их так много, что отец Иоанн вообще запретил им пользоваться.

Особенно запомнилась исповедь отца Иоанна в крестовом храме Архангела Михаила. Исповедовались и батюшки Афонского подворья, которое было тогда в Переделкине, и матушки Мукачевского монастыря. Были и другие, близкие отцу Иоанну люди. Приехала Мария Николаевна Соколова. Отец Иоанн сказал мне заранее, чтобы я исповедовалась за всю жизнь. Для меня это была первая «генеральная» исповедь. А на другой день в приходском храме мы все причащались Святых Христовых Таин. Пришли рано-рано. В храме горят одни лампы. Полумрак. Был день памяти святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова. Отец Иоанн дал мне пук восковых свечей и велел поставить их, а сам прикладывался к иконам. Потом благословил меня

и сказал: «Сподоби, Господи!» И ушел в алтарь. Позже он говорил, что особенно хорошо и радостно, когда близкие люди, особенно семейные, причащаются вместе в один день.

Тогда же отец Иоанн сказал мне подробно, как читать Евангелие. Оно должно быть прочитано четырежды в год. Необходимо читать каждый день по одной главе Евангелия и по две главы Посланий, рассчитывая так, чтобы последние семь глав Евангелия от Иоанна приходились на семь глав Откровения.

Псалтирь надо прочитывать за месяц. «Это живая вода». Читать надо неопустительно кафизму каждый день. Можно где-то и псалом, и одну «славу» прочитать. На тридцать дней – двадцать кафизм.

Евангелие читать стоя, но с рассуждением. Если очень ноги болят, то можно и сесть. Лучше вникать в читаемое сидя, чем стоя думать о ногах. Господь сказал: «Сыне, даждь Ми сердце», а не ноги. Кафизму можно сидеть, только на «славу» вставать.

Из-за моей болезни облегчил отец Иоанн и чтение Иисусовой молитвы (сотницы). «На каждый десяток молитв, – сказал он, – можно делать один поклон земной, два поясных и семь сердечно-умных. И в итоге получится, как в оптинском правиле: на сотню молитв Иисусовых десять поклонов земных, двадцать поясных и остальные семьдесят – сердечно-умных без крестного знамения и поклонов...»

Наша семья держится молитвами отца Иоанна, его благословением. Когда я трудилась в Переделкине, был

такой момент: пришел отец Иоанн, взял большую икону Божией Матери у меня в переднем углу и благословил ею на все четыре стороны. «Это благословение всей вашей семье», – сказал он. После кончины нашей бабушки Лидии Дмитриевны отец Иоанн сказал: «Больше уже нельзя было ее держать». Значит, до того времени он держал ее, очень больную, силой своих молитв.

Наши тетушки Вера Сергеевна и Софья Сергеевна, когда уже не могли по возрасту и по состоянию здоровья ездить в Печоры и видеть отца Иоанна, получили от него письмо, часть которого я привожу в заключение своих воспоминаний.

«...Встречи наши в духовном плане не боятся ни расстояний, ни времени, ну а на разговор "усты ко устам" надежды все меньше. Мне возраст крылышки подрезает. "Дух бодр, плоть же немощна". А покаяние ваше, милые сестрички, глубже, чем вам мнится, – это покаяние делом – болезнями, душевными муками. Вот и разговор о вашей ненужности к этим мукам относится. Мне же эти думы непонятны. Я вот тоже немощный становлюсь, наверно, вам трудно это представить, но это так, а все еще думаю, что "старый конь борозды не портит". Ну, стоит же больше всяких материальных ценностей ваша молитва, ваша проверенная временем и скорбями верность Богу. И думаю я, что это вклад всему правдолюбивскому роду, да и не только ему.

И надо сейчас каждого старичка (и нас в том числе) и каждую старушку (и вас имеем в виду) беречь как зеницу ока...

Живите вы в духе спокойном о будущем. Господь печется о вас. Твердите только: "Господи! Тебе все ведомо; сотвори с нами, как изволишь. Аминь".

И в этом вся радость жизни! Христос Воскресе! А мы в Нем.

Божие благословение вам.

С любовью о Воскресшем Господе ваш архимандрит Иоанн.

Вот рука дрожит, а дух бодр.

11 мая 1995 года».



ВСПОМИНАЕТ  
Лидия Анатольевна Правдолюбова

### *Такова сила любви*

Если бы можно было исторгнуть и показать мое сердце, то вы увидели бы, как не тесно помещается в нем все вы – и жены, и дети, и мужи. Такова сила любви: она делает душу пространнее неба.

*Святитель Иоанн Златоуст*

Отца Иоанна мы узнали в 1966 году, когда он был назначен и переведен служить в город Касимов после многих странствий по приходам Рязанской епархии. Папа наш, протоиерей Анатолий Правдолюбов, знал отца Иоанна почти с самого начала своего священнического служения (папа рукоположен 7 декабря 1947 года). Знал и почитал, никогда не забывая, как отец Иоанн силой своей молитвы вывел папу в начале его пастырского пути из какого-то очень трудного и опасного для него состояния. С тех пор папа относился к нему с величайшим благоговением, любовью и детским, всецелым послушанием.

На многих приходах служил отец Иоанн. Посылали его в самые трудные, угасающие приходы. Каждый раз светские власти переводили его с надеждой на то, что он не выдержит трудностей, пропадет. Переводили с надеждой на то, что в глуши отец Иоанн не будет им мешать. Но в документах писали: «Переводится для укрепления прихода, на пользу Православной Церкви». Сами того не зная, провозглашали волю Божию, потому что эти слова оказы-

вались пророческими: угасающий приход оживал и восставал. Самое главное – оживали люди. «Ведь как происходит: огонь поднеси, и люди начинают постепенно пламенеть». И на каждом приходе отец Иоанн успевал за очень короткое время своего там пребывания благоустроить храм и нужным образом поставить приходскую жизнь. И каждый раз провожали его после перевода с великой скорбью и слезами.

В Касимов отца Иоанна перевели настоятелем храма. Мы ждали его приезда 16 февраля 1966 года, на второй день Сретения Господня. Ждали и удивлялись милости Божией, которую видели в его назначении. Папа с мамой были несказанно рады и ждали отца Иоанна в Касимове вместе с отцом Владимиром, бабушкой и тетусками. Но ни 16-го, ни 17-го отец Иоанн не приехал. Все очень переживали, боялись, что он не приедет совсем. Папа с мамой нас, детей своих, периодически оставляли в Сынтуле одних, что само по себе было очень редким явлением, и уезжали в Касимов. Но вот 18 февраля днем приехала мама, навестила нас, успокоила и сообщила: приезд отца Иоанна ожидается сегодня в три часа дня. С этим мама снова уехала в Касимов.

Действительно, в три часа дня 18 февраля отец Иоанн приехал в Касимов. Сразу же по приезде батюшка пришел в храм, где должен был служить (храм Святителя Николая, единственный тогда действовавший из двенадцати существовавших). Поклонился святыням, приложился, все осмотрел, «впитал». А потом уже пошел к отцу Владимиру. Очень радостной была встреча. Папу отец Иоанн обнимал,

целовал и очень радовался. Маме говорил: «Матушка! Как я рад, как я рад!» Этот первый вечер продлился до двух часов ночи. Много-много тогда было обговорено, о многом вспоминалось. Во многом сошлись вкусы и церковные традиции. Например, отец Иоанн, как и папа, и отец Владимир, не любил в храме электрического света. Любил лампадки, да чтобы огни их светились за стеклом каждая своим цветом. Говорили о многом. Оказалось еще, что отец Иоанн – духовный сын схиархимандрита Серафима (Романцова), Сухумского старца. Кто-то из старших сказал тогда, что отец Серафим собирает своих духовных детей вместе, поближе друг к другу. Отец Серафим окормлял и наших старших – отца Анатолия, отца Владимира, их маму и сестер.

Простившись в тот вечер, проводили отца Иоанна в дом недалеко от Никольского храма, где для него была приготовлена квартира из двух небольших комнаток.

Мы, младшие, впервые увидели отца Иоанна в Касимове на службе. Это была пассива Великим постом. Нас сразу поразила тогда его манера служить. И невольно мы сравнивали служение отца Иоанна со служением папы. Папа говорил нам, что во время службы так много приходится переживать разных состояний, так много молитвенных чувств, что он положил себе за правило не выказывать своих чувств, чтобы не заслонить Бога молящимся людям, привлекая внимание к себе. И чем больше переживал, тем в более строгую форму облакал эти переживания. Служение отца Иоанна поразило открытостью и искренностью. Он всецело открыт был Богу, которому служил, и открытость эту

доверял людям. Все слова, которые он произносил, он произносил «в слух уха Божия». И в то же время он предстоял, он как будто слышал молитвы окружающих его людей и, собирая, нес их своим сердцем к Богу. И не заботился при этом о форме. Это было совершенное содержание. Это было сердце в словах молитвы. И даже голос его был – проникновенный, весь, всеми своими звуками и интонациями адресованный, обращенный к Источнику его жизни, его молитвы, Источнику его любви к людям. И чтение Евангелия тогда тоже поразило нас. Оно было «рельефным», глубоким, полным сердечного дыхания. Батюшка свидетельствовал о событиях, совершающихся сейчас.

Потрясенные, уехали мы после той службы домой. Поняли, что все это диктуется необыкновенным, недоступным нашему пониманию строем души отца Иоанна. Поняли мы тогда, что необыкновенный человек приехал в Касимов по воле Божией, по Его неизреченной милости к нам.

Отца Иоанна любили и чтили. Многие люди уже тогда шли и ехали к нему отовсюду со своими горестями и печалью. Шли в любое время дня и ночи. Он принимал всех, несмотря на плохое уже тогда здоровье и отсутствие свободного времени. Удивлялись мы тогда, каким образом хватало ему сил? Разрешая недоумение, он рассказал древнюю притчу.

«Спросили мудреца: "Какое самое важное время в жизни? Кто самый значительный человек в твоей жизни? Какой поступок важнее всего совершить?"

И ответ были таков: "Самое важное время в жизни –

это настоящее мгновение, потому что прошлое минуло, а будущее еще не наступило. Самый значительный человек в твоей жизни – это тот, кто сейчас перед тобой и которому ты можешь сделать или добро, или зло. Самое важное дело в жизни – в это самое мгновение человеку, который перед тобой, дать все, что может быть ему дано"».

Так отец Иоанн поступал всю свою долгую и многотрудную жизнь.

Жили в Касимове две старицы. И очень глубоко и основательно занимались Иисусовой молитвой, но без благословения и всякого руководства. И начали происходить с ними странные вещи. Они начали сторониться людей, многие из них начали казаться им колдунами. В свой храм поэтому они перестали ходить, а стали ездить в пригородный храм. И вот согласились мы с ними спросить отца Иоанна, как надо молиться Иисусовой молитвой. Он ответил: «А вот что об Иисусовой молитве сказано: меч-то обоюдоострый, неумелые руки и души ранить может, а потому по книгам руководствоваться нельзя в этом большом деле – подвиге. И без благословения брать на себя подвиг не надо. А вам, живущим в миру и обложенным многими заботами, надо начинать с малого, с послушания, Бог благословит включить в жизнь неукоснительно послушническое правило. Покажется мало, но вы малое за послушание понесите и увидите, что и малое за послушание с большим трудом исполняется, чем и многое по своеволию. Больше пока не берите, а если делали – оставьте. Бог смиренным дает благодать. А благодатью Дух Святой в душу войдет и в Боге

почиет. И тогда – все радость, все покой и мир, и благодарность бесконечная за все». И дал книжечки – правило послушника с сотницей.

Иногда отец Иоанн приходил в дом бабушки Лидии Дмитриевны Правдолюбовой, чтобы более близко пообщаться с отцом Владимиром и отцом Анатолием. Все важные события, все церковные вопросы обсуждались и решались советом священников. Тогда в доме собирались все: бабушка с папиными сестрами (тетей Верой и тетей Соней), отец Владимир с семьей и папа с мамой, иногда и мы, их дети, с ними. Отец Иоанн говорил: «У нас одна душа». Бабушку отец Иоанн называл матушкой. А папу в шутку и с любовью «непременным членом Синода». Мы, дети, присутствуя на «заседаниях Синода», становились свидетелями и тихими слушателями их бесед. В своем радостном и единодушном общении они говорили, говорили, говорили и не могли наговориться, как будто зная, что наговариваются на всю жизнь, что только год им отмерен. А в праздники мы слушали их радостные беседы за праздничным столом, который возглавлял отец Иоанн. По обе стороны от него сидели отец Анатолий и отец Владимир, а вокруг них молчаливо и почтительно группировались все остальные. Это были большие, в высшей степени содержательные разговоры, захватывающие нас, молодых, целиком. Мы слушали, смотрели и впитывали, стараясь понять величайшее для нас чудо – отца Иоанна.

Хорошо нам было вместе. Но приходило время, когда отец Иоанн уходил из нашего дома, потому что ему надо



*Братская трапеза отцов-сослужителей*

было читать правило и надо было немного отдохнуть. Тетя Соня с благоговением помогала ему надевать рясу, он всех благословлял, надевал скуфеечку и уходил. Отец Владимир провожал его до дома.

Отец Иоанн преизбыточествовал любовью. Его души хватало на всех. Он был всегда светлым и радостным. Но всегда при этом предельно собранным и внутренне строгим. Он как будто всегда обладал знанием недоступных нам высоких сфер, он как будто всегда благоговейно и бережно в них пребывал, оставаясь при этом внимательным и искренне открытым для окружающих. Он высшие сферы постоянно слышал, он постоянно был – слух. Он боялся нарушить чем-то это состояние слышания, все свои действия соотносил с этим состоянием. «Ходил пред Богом».

В движениях он был быстр и легок, подвижен и стремителен, но в обрамлении благородства и глубокого внутреннего такта. Он и в помощи людям всегда был необычайно тактичен и осторожен. Никогда не диктовал, больше советовал. Когда он не произносил свое мнение по вопросу определенно, он как будто слегка касался вопроса. Его помощь человеку могла заключаться всего в нескольких словах, сказанных иногда как бы и не тебе вовсе. Отец Иоанн в назидание мог говорить будто о другом человеке, мог приводить примеры из жизни или высказывания святых отцов, мог говорить иносказательно, иногда с легкой и радостной шуткой. И это была реальная духовная помощь, просто в разных формах. Всегда человек уходил от отца Иоанна утешенным, легким и радостным, получив ответы на волновавшие вопросы.

Приехал однажды отец Иоанн и к нам в Сынтул, где служил наш папа, отец Анатолий Правдолюбов. Это было настоящее торжество, к которому мы долго и тщательно готовились. Он пробыл у нас половину дня. Все виделись и говорили с ним, и празднично трапезовали. Папа даже «угощал» его музыкой, которую сам очень любил. В папином дневнике осталась такая запись: «Я знаю видных высших представителей нашего духовенства, которые иногда находят возможным и дозволительным послушать инославную строгую торжественную музыку. Отец Иоанн Крестьянкин слушал однажды у нас "Кирие элейсон" из 149-й кантаты И. С. Баха, слушал с удовольствием. Чем напомнил мне чье-то знаменитое выражение: "Если медведь в лесу скажет мне "Христос Воскресе!", я отвечу ему "Воистину Воскресе!" А вот в канун служения литургии батюшкам, духовным сыновьям своим, отец Иоанн не велел вовсе слушать музыку, что мы и исполняем строго».

А как батюшка умел пошутить, как радостно при этом смеялся и всплескивал руками! Мягкие, вьющиеся, с проседью уже волосы благородно обрамляли его лицо, лежали по плечам и волной скрывались за воротом черных одежд. Пышные усы и небольшая борода дополняли его благородный облик. Из-под золотых очков смотрели карие внимательные и ласковые глаза. Потом отец Иоанн стал ослепительно белым в своей благородной седине.

Однажды мы были в гостях у отца Иоанна в Касимове. В одной из комнат располагался кабинет, где было много икон и лампад перед ними. Батюшка ввел нас туда,

в полумрак с огнями лампад, сказал приложиться к святыням, помазывал святым елеем, кропил святой водой.

А в другой комнате усадил нас за стол и радушно угощал. Даже принес откуда-то арбуз (лакомство совершенно не по сезону было), отрезал нам по кусочку, а остальное отправил как гостинец в Сынтул к папе. Мы ели этот арбуз дома, как малинку из келии преподобного Серафима. Надо сказать, что всю жизнь отец Иоанн одаривал каждого проходящего к нему с великой любовью.

К концу своего служения в Касимове отец Иоанн долго и тяжело болел. И часто уезжал. Потом мы узнали, что отец Иоанн уходит в монастырь. Чтобы все оформить, он часто уезжал в Москву. Был два раза в Пскове, летал на Ту-104 в Сухуми к отцу Серафиму. Рассказывал нам потом, что ездил и не раздумывал особенно, что будет предпринимать, полностью положившись на волю Божию. Билетов нет? Значит, не надо. И всюду все складывалось успешно и удачно. Визит к Святейшему Патриарху Алексию (Первому) завершал все усилия и труды по переходу в монастырь. Получив благословение старца-духовника и благословение Святейшего Патриарха, отец Иоанн радостный вернулся в Касимов. И тут же получил вызов в Рязань к уполномоченному – для перевода на другой приход. Но в ответ отец Иоанн представил ему патриаршую резолюцию. Так все сложилось, что если бы не патриарший указ, то отца Иоанна не выпустили бы из епархии, а снова и снова переводили бы с прихода на приход. Уполномоченный был очень рад тому, что отец Иоанн уходит, поэтому был до крайно-

сти любезен и предупредителен. Правящий архиерей, епископ Борис, был удивлен и опечален: еще один священник уходил из епархии, да какой священник!

Печально прошли последние дни служения батюшки в Касимове. Народ провожал отца Иоанна скорбно, со слезами.

13 февраля, в понедельник, в Никольском храме были похороны старого заштатного протоиерея – отца Иакова Цветкова, служившего Святой Церкви пятьдесят лет. В погребении участвовали шестеро священников вместе с папой, которого правящий архиерей благословил тоже служить (разрешение служить на другом приходе было тогда исключительным моментом). Возглавлял старейший – протоиерей Василий Романов, участвовали отец Иоанн, отец Владимир, отец Анатолий, молодой священник, будущий сослуживец отца Владимира, и еще кто-то, не помню. Еще живы были старые церковные традиции. С почтением, с любовью провожали в последний путь старейшего сослуживца. Гроб стоял в кресте подсвечников. Перед ним – запрестольные крест и икона Божией Матери. Всю ночь поочередно у гроба читали Евангелие. Литургию служили отец Иоанн, отец Владимир и отец Анатолий. После литургии совершили торжественное отпевание со священническим пением. После отпевания шестеро священников с пением «Помощник и Покровитель» на плечах обнесли гроб вокруг храма крестным ходом. И проводили на кладбище. Потом отец Иоанн говорил с восхищением о том, какое сокровище оставили нам святые отцы – чин погребения.

Вечером этого дня, 13 февраля, в последний раз мы собрались в доме бабушки все вместе – с отцом Иоанном. Совершили таинство Соборования.

Это Соборование осталось в памяти как необыкновенно радостное и вдохновенное событие, несмотря на предстоящую горесть разлуки. В таинстве все прощались. И таинством утешались в своей скорби. И в таинстве засвидетельствовали свое единство. После Соборования все друг друга поздравляли. Все – обновленные, вдохновленные, сильные.

А я не могла тогда собороваться (были критические дни), поэтому стояла в другой комнате и очень горевала. Вышел ко мне брат Миша и утешал меня. И вдруг вошел отец Иоанн. Он обнял нас с Мишей за плечи и много говорил утешительных слов: «Сейчас тяжелая полоса, но она пройдет, наступит светлое время. И Церкви понадобятся регенты, певцы, художники. Как грибы после дождя они и явятся. Надо уже сейчас готовить себя к будущему. Учиться». Серезу, брата, благословил поступать в Гнесинское музыкальное училище. Сказал, что очень хорошо, когда священник образован музыкально. Меня спросил: «Ты окончательно решила учиться музыке? Трудно будет. Но дорожкой, дорожкой, а все-таки добежим. Бог благословит». И благословил меня. А через меня и сестер – Лену и Ксению, которые были в то время уже в Москве. Когда он говорил, то близко-близко смотрел глазами в глаза, потому что плохо видел. А глаза у батюшки удивительные, сияющие. И вся скорбь моя растворилась в его любви, не осталось ни капли.

После Соборования в последний раз собрались за столом. Прощались. Отец Иоанн, как всегда, был светлый и радостный. «Не печальтесь! Мы не прощаемся. Я прокладываю вам дорожку в монастырь. Будете ко мне приезжать». Но в то же время говорил: «Много меня переводили с места на место. Много я переезжал. Но отовсюду легко, потому что был один. А здесь нашел семью, столько теперь у меня родных, и таких любимых, что трудно прощаться и уезжать». Отец Иоанн благословил нашу семью иконой.

На Сретение Господне совершал он последнюю службу в Касимове. Народа собралось в Николе великое множество. Все хотели проститься. Отец Иоанн отслужил последнюю литургию, молебен с водосвятием, кропил каждого, радостный такой. Меня легонько постучал кропилом по лбу: святая вода ручьем лилась вниз по лицу, смешиваясь со слезами. Потом прощался. Приложил всех ко кресту, всех выслушал. Мужчины, подходя, обнимали и целовали его. А мы смотрели и смотрели на него в последний раз, пытались запечатлеть его образ. Потом отец Иоанн благословил всех общим благословением и ушел в алтарь. А люди стояли, полный храм, и не хотели расходиться, и не хотели его отпускать.

На другой день, 16 февраля, в четверг, в тихой комнате бабушкиного дома, залитой ярким февральским солнцем, отец Иоанн исповедовал наших старших. Они поочередно уходили к нему и долго-долго там пребывали. Это была генеральная исповедь, за всю жизнь, с первых сознательных грехов. В соседней комнате, где сидели мы, было очень

тихо, светло, кафельная печка источала уютное тепло. На вешалке висела ряса отца Иоанна, и из рукава виднелась черная скуфья. Я сидела на маленькой скамеечке у печки и ждала. Время шло медленно. Но вот открылась дверь и вышел папа. Он пробыл у отца Иоанна три часа. Теперь к отцу Иоанну зашел отец Владимир. Тетя Соня еще накануне отдала батюшке целую исписанную тетрадку.

После исповеди снова прощались. Отец Иоанн с папой облобызались трижды по-священнически, а потом друг другу поклонились в ноги. После этого тетя Соня помогла отцу Иоанну одеться. Благословил он нас и ушел. Так мы видели его в Касимове в последний раз.

Как предвидел батюшка, благословляя меня поступать в музыкальное училище, дорожка моей учебы была тесной и скользкой. Несколько раз я срывалась с нее, бросалась за помощью в Печору к отцу Иоанну, он снова молитвой своей утверждал меня на этом пути, говоря: «Надо закончить. Надо получить диплом. Он нам пригодится». Закончила учебу. Прошли и тяжкие времена гонений. Церкви потребовались художники, певцы и регенты. Двенадцать лет трудилась я на клиросе сынтульского отцовского Покровского храма. Потом Божиим Промыслом и благословением отца Иоанна оказалась в Москве, где вместе с семьей Нефедовых участвовала в восстановлении Богоявленского храма бывшего древнего Богоявленского монастыря, что в Китай-городе. Бог сподобил меня начинать церковную службу в этом храме после его восстановления. Восемь лет я вела службы и клирос. И псаломщицей

была, и регентствовала. А потом передала эстафету дедовских традиций молодому регенту храма – иерею Андрею Геннадиевичу Нефедову и параллельно с ним пела еще пять лет, и продолжаю регентствовать по сей день. Молитвами отца Иоанна. И диплом мне очень пригодился: пришлось преподавать в классах гимназии при храме Богоявления предмет «Богослужение. Введение в литургику». Без диплома никак не могла бы преподавать, потому что гимназические классы при нашем храме государственные. Кроме отца Андрея регентствуют в семье моей сестры Ксении все три ее дочери: Анастасия, Варвара и Ирина. В нашей большой семье много и других регентов: в семье отца Владимира трое, в семье отца Сергия матушка – регент, в семье отца Феодора трое – матушка и две дочери, а сыновья отца Серафима начинали службу в восстанавливаемом храме совсем одни вместе с отцом. У отца Серафима семь сыновей, и все они с детства участвуют в богослужении. Так сбылись в нашей семье слова отца Иоанна о множестве регентов, которые как грибы появятся.

И еще говорил отец Иоанн, что будет у нас синодальный хор, но никогда не надо забывать строй и аромат служб отцовского сельского храма. Теперь и хор большой существует, отца Андрея. Отец Андрей в ответственные моменты собирает до ста певцов. Хор, который с честью поет на Патриарших службах в Успенском соборе, когда приходит его черед. Хор, который выступает и представляет Церковь и на ответственных светских мероприятиях. Так сбываются слова старца.

Участие человека Божия в твоей внутренней жизни, в таинственной области сердца – великая милость Божия. И возможность услышать о себе слово воли Божией – неоценимое счастье. Потому-то так стремились к отцу Иоанну люди со всех концов России, да и не только России. Как сам батюшка шутил: «Монастырь международный на улице Международной (адрес Печерского монастыря: Международная улица, дом 5), и я международный».

Отец Иоанн говорил: «Такие же люди, как и теперь (труждающиеся и обремененные), окружали и Христа. И теперь смотришь на этих детей Божиих и хочется каждому помочь. На лицах многих людей лежит печать жертвенной любви, заботы о близких своих, печаль».

Отец Иоанн – участник таинственной жизни сердца. Он каждое сердце силой Божией видел, он его силой Божией вел. Его келия – «рентгеновский кабинет». Можно даже сказать – реанимация. Место, где тебя возвращали к жизни и «расправляли крылья». Да и не только келия. Для Божиих людей нет преград. Они знают твое сердце везде и всегда.

Приведу пример. Одно время усердно начала я налаживать свою внутреннюю жизнь. Постепенно пришел определенный ритм, настрой, который задавал тон моей жизни, давал полноту, покой и радость. Какой-то смысл, и дух, и жизнь были в нем, в этом строе, было движение и дыхание. И вдруг все это ушло. И навалилась тяжкая, черная тоска. Все ушло из души. Было очень и очень плохо. Вскричала я тогда «со своего кораблика» отцу Иоанну с просьбой



*Сестры Правдолюбобы*

о помощи. И вот в самый тяжелый день увидела отца Иоанна во сне. Я стояла на паперти, а отец Иоанн торопился в храм и проходил мимо. Я бросилась было к нему с просьбой о помощи. Но он только спросил меня: «Какое у нас было вчера Евангелие?» Я ответила: «О мытаре и фарисее». «Вот-вот», – ответил отец Иоанн и ушел в храм. Это Евангелие читала я накануне, оно было просто моим рядовым Евангелием (глава Евангелия, две – Посланий). Когда я проснулась и снова перечитала это Евангелие, то поняла причину своего состояния – «фарисейство», довольство собой и своей работой над собой.

Время от времени отец Иоанн приезжал в Москву. И заезжал к отцу Геннадию Нефедову. Тогда очень сильно болел старший сын отца Геннадия – Андрей. Встретили мы отца Иоанна, а он сразу от дверей прошел в передний угол. Сказал: «Сначала – к Врачу душ и телес». Надел «походную» маленькую мантию: «Без нее, – говорит, – непривычно», облачился и начал служить молебен. Андрюша, как вялый цветок, лежал у сестры Ксении на руках. Маленький младший Коля лежал в кровати. Отец Иоанн служил, молился. Андрюшенька болел. А рядом с ним стояла его тетка, в душе которой все болезни разом обострились до молчаливого крика рядом с отцом Иоанном. Обострились все трудные, нерешенные, больные вопросы, вспомнились все тупики, все сомнения. Все, что так долго болело и мучило, всколыхнуло и ударило в голову. Вся душа тогда устремилась к отцу Иоанну – нет, не к тому, чтобы получить словесный ответ, на который времени не было, а просто к присутствию его рядом стремилась душа, с верой в помощь молитвенную. И что же? За время молебна весь этот душевный хаос, все это мучащее перевернулось, перегорело, переболело последней болью и вдруг улеглось по своим местам. И опять же без слов многое стало ясным, многое обрело другой смысл, другой поворот. Многое ушло совсем, как пройденное. Так, исцелив силой своего присутствия, отец Иоанн дал урок больным телом и духом: «Сначала – к Врачу душ и телес». И еще дал понять тогда отец Иоанн: люди, сильные пред Богом, люди-ходатаи, могут помогать другим даже без слов. Помогать силой своего духа и даже силой своего присутствия.

Скажу, кстати, здесь о тех маленьких мальчишках, за которых отец Иоанн молился. Они совсем уже взрослые. У старшего, иерея Андрея, уже трое детей. Женился и принял сан диакона Николай. Оба окончили Духовную академию в Сергиевом Посаде.

Как-то отец Серафим Правдолюбов собрался переезжать на другой приход, в Гусь-Железный. И спрашивал отца Иоанна, как поступить, чтобы не пойти против воли Божией. Отец Иоанн ответил, что во всем надо в этом случае положиться на волю правящего архиерея. «Если скажет: "Бог благословит", – значит, надо переезжать. У меня за всю жизнь не было никаких "документов" – всегда слушал и не действовал сам. Надо уметь слушать волю Божию. Как вот в данном случае складываются обстоятельства: и положительное слово владыки, и народ поднялся и просит к себе отца Серафима, и дом уже нашелся удобный. Значит, помощь будет, народ не оставит. Но самоволия не надо проявлять. Сложился треугольник: воля владыки, воля народа и воля самого отца Серафима. Вот и складывается так понятие о Воле Божией».

Тогда же отец Серафим просил отца Иоанна помолиться о том, чтобы у них родилась девочка. У них было уже пятеро мальчиков. И вот отец Иоанн достал открытку, на которой было восемь цыплят, чтобы послать эту открытку отцу Серафиму. Долго на открытку смотрел, водил пальцем по цыплятам и говорил: «Это мальчик, и это мальчик, и это...» На одном остановился, задумался и сказал: «Может быть, девочка? Может быть, а может и не быть. Но всех – восемь».



*Вид со Святой горки на Успенский храм и Михайловский собор*

В семье отца Серафима девочка родилась предпоследней. Ей теперь уже десять лет. У отца Серафима семеро сыновей и одна дочка Лидия.

Отец Иоанн говорил, уезжая из Касимова, что проложит нам дорожку в монастырь. Около сорока лет существовала эта дорожка, как спасительная тропа в жизни. В последние годы жизни невозможны стали свидания с отцом Иоанном, но постоянная связь с ним существовала и существует всегда. Власть и сила духовнической молитвы, духовнического водительства не знает преград.

Первая наша поездка в Печоры запечатлелась в памяти особенно ярко. Это было в 1969 году, в начале декабря, спустя два года после отъезда отца Иоанна из Касимова. В Печоры мы ехали вчетвером: Лена, Ксения, Сережа и я. Около шести утра мы были уже у врат монастыря. Врата были еще закрыты. Тихо горела лампада у надвратной иконы. Молча стоял и ждал народ. Потом врата тихо приоткрылись, и народ молча потек в темноте мимо привратника, кланяясь ему, куда-то вниз, по Кровавому пути, в глубину монастырской чаши. И мы со всеми вместе. С удивлением увидели, что монастырь расположен не как обычно – на возвышенности, а наоборот, в глубокой лощине, склоны которой застроены храмами и монастырскими зданиями. В самой глубине – площадь и Успенский пещерный, синеглавый, с золотыми звездами храм. Рядом звонница, вход в пещеры. Напротив звонницы – Сретенский храм. В него мы и втекли со всем народом с внутренней заботой: где найти отца Иоанна? И только вошли – услышали дорогой

голос отца Иоанна: он проводил исповедь. Первые слова батюшки навсегда остались в памяти: «Сердце мое окаменело, и нет в нем духовной теплоты...»

На следующий день была первая для нас праздничная литургия. После литургии – Красный колокольный звон, а под звон – чин панагии. Мы провожали взглядом торжественное и строгое шествие и отыскивали взглядом отца Иоанна, шествовали ему мысленно. День тот праздничный был для нас особенным. Как малых детей ввел нас в обитель отец Иоанн своей любовью. Мы были вместе с певчими на общей трапезе, а отец Иоанн угощал нас, сидя рядом, и говорил: «Запоминайте! Это ваш день, ваш праздник».

В этот день мы были с отцом Иоанном на Святой горе, подходили совсем близко к синим главам Успенского храма со стороны горы, видели большой-большой покрытый мхом камень, на котором, по преданию, много столетий назад молились первые подвижники. Ходили мы в тот день вокруг монастыря. Древние каменные монастырские башни возносились ввысь, как молитвенно воздетые к небу руки.

Так впервые мы прошествовали проложенной отцом Иоанном дорожкой в монастырь. И много-много раз в жизни потом этой дорожкой бежали за советом и утешением.

Недаром сказано – духовный отец. Через него человек продолжает постигать Бога. Так было и у меня. Вылетела я из гнезда тихого и счастливого – родительского дома – избалованный тихим счастьем птенец. И жесткий, порой жестокий мир стал преподавать мне взрослые уроки. Не выдерживая их, начал «кораблец мой» бедствовать. В расте-

рянности, в горести, в панике, в унынии бросалась я за помощью к отцу Иоанну в Печоры, чтобы опереться на протянутую руку. С любовью, по-человечески непостижимой, встречал отец Иоанн. Так и все мы обращались в трудные времена к отцу Иоанну за помощью. И слышали в его словах голос Божий, голос Божией воли о нас. А отец Иоанн строго наблюдал, чтобы мы понимали это, четко разделяли и не боготворили человека – отца Иоанна.

Помню хорошо одну из таких поездок. У меня в училище дела были плохи до предела: меня собирались отчислить. Сначала я поехала в Печоры одна, потом присоединился брат Сережа.

Рано утром вошла я в Успенский храм – шел братский молебен. И откуда-то из глубины стали выходить монахи к иконе Успения. Подходили по двое, кланялись, снимали на плечо клобуки, поднимались по ступеням к иконе, прикладывались, спускались, кланялись в землю, кланялись друг другу и снова уходили куда-то вглубь. Сердце вдруг вздрогнуло: отец Иоанн. Действительно, батюшка поднимался к иконе. И помогал тому, кто шел с ним в паре. Поклонились они и ушли. Целых два года не видела я до этого отца Иоанна. Теперь увидела его, и слезы полились из глаз сами собой. От него сразу повеяло такой любовью на мою скорбную душу!

Приехала я тогда в монастырь в ужасном состоянии. Душа жаждала поддержки. Так все устроил Бог, что я много видела отца Иоанна, он служил, читал канон вместе с отцом Серафимом, вел молебны, вел священ-

ническое погребение, проводил исповедь. Я видела его все время и понимала, что он знает обо мне, он помнит, он поможет. А в общей исповеди отец Иоанн много сказал тогда как будто для меня. Я стояла почти рядом и видела, как батюшка вел исповедь. Какое мудрое, сосредоточенное, строгое было выражение его лица. Он говорил, что от нас зависит, с каким душевным настроем мы живем, что в нашей власти устроить мир в себе: «Царство Божие внутри вас есть». И сравнил: мороз, непогода, воеет вьюга, разбушевалась стихия. А в поле стоит домик со светлыми окошечками. В нем тепло, уютно и светло. Домик и сам непоколебим, и другим укажет путь – и свет, и тепло даст. Не страшна ему вьюга. Так нужно устроить в себе жизнь, чтобы можно было войти в себя и забыть о бушующем вокруг мире, чтобы можно было успокоиться, отдохнуть и воспрянуть душой. Как этого достигнуть? "Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененные, и Аз упокою вы. Возмите иго Мое на себе, и научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим. Иго бо Мое благо и бремя Мое легко есть". Потом эти евангельские слова сами собой воскресали в моем сердце в самые тяжкие моменты жизни.

На следующий день – часы, литургия. Я стояла в темном-темном проходе перед маленькими Царскими вратами придела преподобных Антония и Феодосия в Успенском храме. Врата светились в темноте. Перед темными иконами горели лампы. Монашеский хор пел так просто, так знакомо и так неземно.

После службы я ждала отца Иоанна. Он вышел, благословил, сказал, что будет служить заказные молебны. Я осталась ждать. И вот из алтаря к иконе Успения Божией Матери быстро-быстро вышел отец Иоанн в простом полотняном облачении с кипой книг и записок. Для молебна был приготовлен аналой, столик с кандией. Отец Иоанн все еще раз проверил, разложил книги на аналое, все устроил, уладил, постоял молча, перекрестился и с той интонацией живой молитвы, которая была свойственна только ему, начал: «Благословен Бог наш...» С полдесятого утра до часу дня шел этот молебен. С многими акафистами, с водосвятием. Отец Иоанн подзвал меня поближе, попросил помогать петь, давал иногда подержать свечу. Читал много акафистов. А как он читал Евангелие! В Касимове я в первый раз услышала. Интонацией, дикцией, неподдельным, большим, только его удивительным чувством открывались новые глубины смыслов. Да и не только в Евангелии. Каждое слово, произнесенное батюшкой, было наполнено особым пониманием, особым чувством предстояния перед Богом. Он молился и молитвой своей людей вокруг себя поднимал до возможного для каждого уровня молитвы. После отпуста приложил всех к кресту. Поговорил со всеми немного, направился к алтарю. А народ за ним. Тогда он взбежал по ступенькам к иконе Успения Божией Матери, благословил всех еще раз общим крестом и ушел. Когда отец Иоанн вышел из храма, я еще раз нечаянно встретилась с ним. Он шел в келейный корпус. Легкий, быстрый, в развевающейся черной мантии, с высоко поднятой пушистой седой



*Большое семейство*

головой и летящей за ней наметкой клобука. Благословил меня, и снова посмотрели на меня из-за очков удивительные глаза. Спросил обо всех. Сказал, что я смогу прийти к нему в келию вместе с Сережей и поговорить. Потом со всех сторон батюшку обступили люди. Я уже поднялась по лестнице, пошла вдоль стены от Михайловского собора к воротам, смотря сквозь заснеженные деревья вниз, и все еще видела его черную легкую фигуру, окруженную народом.

На следующий день в назначенное время мы с Сережей подошли к келии отца Иоанна. Сережа тихонько сказал: «Молитвами святых отец наших Господи Иисусе Христе

Боже наш, помилуй нас». Никто не отозвался. Подождав немного, мы вошли сами. Маленькая келия была хорошо натоплена, кафельную печку отец Иоанн топил сам. В келии – множество икон, и в переднем углу, и по стенам. На стенах еще портреты патриархов и иерархов, фотографии дорогих отцу Иоанну людей. Справа от входа у стены небольшой шкаф и белая аккуратная старинная кровать, бережно и прилежно заправленная. Над кроватью коврик черный с вышитыми желтыми подсолнухами. На стене патриаршие грамоты. У другой стены стоял маленький диван, перед которым на полу лежал старенький, потертый, кое-где зашитый простой ковер. Живая комната живого человека. Над диваном висел клобук отца Иоанна в черном легком крепе наметки. Мы с Сережей, пока отца Иоанна не было, приложились к нему и целовали тихонько эти крылья клобука. Сережа ушел искать отца Иоанна. Я осталась одна. Молча стояла в келии. Полная тишина. У икон тихо горели лампы. За маленьким заиндевелым окошком становилось все темнее. Скоро слышались быстрые шаги и голоса. Вошел отец Иоанн. В простом черном подряснике, подпоясанный кожаным монашеским поясом. Радостный, такой домашний. «Вот я для вас и прибрался, и натопил». Свет зажигать не стали. «Помолимся», – и отец Иоанн встал перед иконами своего переднего угла. Поднял ввысь обрамленное серебристой сединой лицо и начал читать молитву. Лучше сказать, не читать, а говорить, произносить, священнодействовать. Потому что в словах молитвы он будто уходил от того, что вокруг него, уходил в удивительную

область духовного бытия. Слова его молитвы становились весомыми, живыми, сильными, беспредельными. Они были наполнены слышанием и наполнены слушанием. Он говорил и слышал одновременно. Эти слова были таинственным образом – диалог. В этих словах присутствовал Бог. Молящийся отец Иоанн пребывал в безвременно вечности. Состояние молитвы, которое невозможно определить земными понятиями и словами.

Потом отец Иоанн сел на диван и посадил нас по обе стороны от себя. «Ну что, Лидочка, у тебя?» И начала я рассказывать о своих училищных бедах, косноязычно, ужасно. Хорошо, что был Сережа, помог рассказать. В келии стало совсем темно. Отец Иоанн долго молчал и думал. Потом начал предлагать разные варианты выхода из положения: «Самое лучшее – удержаться на дневном отделении. Невозможно? Перевестись на заочное. Если невозможна Москва, надо попытаться перевестись в Рязань. От покровительства преподобного князя Даниила Московского под покровительство преподобного князя Романа Рязанского. От князя к князю. Князь Даниил Московский напишет бумагу с княжеской печатью и передаст тебя князю Роману. Тот возьмет лупу, прочитает и примет тебя к себе. И будешь на полпути от сердца России к сердцу родительского дома. Тянешься к дому? Ты ведь в семье последняя девочка, а я был последним мальчиком». И много, много шутил. Но сказал, что Рязань – это последний вариант. «Дальше Рязани нам плыть некуда. На работу в Касимове у нас не хватит сил. Теперь надо рассудить: воля Божия

остаться в Москве, получится – хорошо, нет – не надо терзаться душой. Все надо воспринимать спокойно, светло, с мыслью: "Слава Богу за все!" Ведь мы не знаем, что тебе предназначено, что тебя ждет впереди. Что еще? Говори, не бойся, ведь мы твои братья». Потом говорил: «Зачем раньше не приезжала? Такой груз несколько лет нести! Если бы я мог распахнуть свое сердце и всю свою легкость отдать тебе! От нас никто не уезжает с тяжелым сердцем. И ты не уезжай с тяжестью... Пусть твою головку не заполняют лишние мысли, не думай ни о чем, не кори себя ни в чем, ты сделала все, что могла, что было в твоих силах. Положись на волю Божию и не унывай. И не сердись на педагогов. Они невольно, сами того не сознавая, исполняют волю Божию. А от тебя зависит, как уйти – озлобленной или же спокойно, невозмутимо, благородно. Поблагодарить всех и уйти». И говорил, говорил, шутил, смеялся, все быстро, легко, радостно. Силой своей великой любви приводил меня в христианское состояние. Много было сказано и Сереже быстрым говорком, тихонько, все ему, а на меня только поглядывал вскользь из-за очков. Потом мы встали. Снова отец Иоанн молился, теперь читал «Достойно есть». Приложил нас к келейным святыням, покропил водой, даже за воротник немножко налил. Вынул откуда-то большую-большую просфору. Благословил ею властно. Потом начал собирать подарки для всех. Выбежал из келии, вернулся с яблоками и с банкой варенья. Протер рукой запотевшее стекло: «Вкусное варенье!» А мне эту банку некуда было положить. Отец Иоанн нашел где-то у себя атласный

черный мешочек, освободил его, сложил туда и яблоки, и варенье, и еще что-то, заполнив до отказа, и вручил мне. Мешочек этот хранится у меня как святыня. Еще раз попросились, на прощание услышали слова напутствия и поддержки. Ушла я от батюшки живым человеком.

На следующий день я приехала в Москву. И все тогда у меня обошлось с учебой, тучи рассеялись. Шел декабрь 1970 года.

В следующий раз мы поехали в Печоры с Ксенией Алексеевной Югановой. Она неожиданно лишилась тогда духовника, и митрополит Пимен (будущий Патриарх) назвал ей имя отца Иоанна (Крестьянкина). Ехать ей одной в первый раз было трудно, поэтому мы отправились вместе.

Всего один день в Печорах, но какой день! Приехали мы утром в пятницу на Крестопоклонной. Еще крест стоял на аналое у Царских врат. Дождались отца Иоанна, отдали ему письма и ушли устраиваться. Долго не получалось найти ночлег, потом устроились в маленькой избушке на берегу оврага, довольно далеко от монастыря. Вечером пришли к службе. Снова увидели отца Иоанна. Отпуская нас, отец Иоанн просил прийти завтра пораньше к входу в пещеры.

Мы так и сделали, пришли к входу в пещеры рано-рано. Через некоторое время к деревянной решетчатой двери изнутри подошел отец Иоанн, открыл, провел нас троих (еще одну женщину кроме нас) и закрыл за собой дверь. По каменным темным ступеням мы поднялись вслед за отцом Иоанном в храм Покрова Божией Матери. В этом храме

я никогда ни до, ни после не бывала. Отец Иоанн нас благословил и начал готовиться к исповеди. Послал меня вниз за огоньком, попросил зажечь лампадки у иконостаса. Скоро все было готово. Аналой стоял у иконостаса. Прочитал отец Иоанн молитвы перед исповедью. Первой исповедовалась незнакомая нам женщина. А мы ушли ждать в соседнюю темную комнату и закрылись тяжелой кованой дверью. Каждая из нас молча думала о своем. Потом на исповедь пошла Ксения Алексеевна. Я осталась одна. И главная моя исповедь, в глубине сердца, произошла здесь, за дверью. Наконец подошла и я к аналою. Отец Иоанн склонился белоснежной головой на руку, внимательно слушая. И шептал в ответ, как обыкновенно наш папа. Вдруг совсем рядом ударил колокол. Он звал к службе. Отец Иоанн бережно и с любовью взял в свои руки мою голову, прочитал разрешительную молитву. «Ну, с Богом! Поидете теперь вниз, в пещерный храм, там служит отец Александр (благочинный), там и причаститесь Святых Христовых Таин. И поете там. Я обо всем договорился». Потом заторопился: «Ведь мне служить». И черная мантия прошелестела по каменным ступеням вниз. Спустились по ним и мы. Монах повел нас темными подземными ходами с замыкающими далекими огнями лампад к пещерному храму. Издалека мы увидели золотой свет маленького алтаря и услышали тихое простое пение: «Иже Херувимы тайно образующе...» Несколько человек стояли на коленях в золотом песке со свечами в руках. Песчаные своды, и их золотит свет свечей. Светом живым и мягким. Святой престол под сводами пещеры, лег-

кая ажурная условная решетка заменяет иконостас – вот и весь храм. У престола священнодействует отец Александр, как в древней христианской церкви...

Вечером нам было назначено время разговора, который предназначался в основном Ксении Алексеевне. Меня же отец Иоанн только многозначительно спросил: «Ты теперь убедилась, что не оставлена Богом?» – «Да, батюшка, убедилась». После разговора мы зашли в храм, поклонились святыням, собираясь в обратный путь. Будто на прощание начался праздничный звон к воскресной всенощной.

Вспомнила я под звон и прадеда своего, священномученика Анатолия. Как стоял он у окна своего кабинета в 1937 году и слушал крик разбиваемого соборного колокола. И сказал тогда: «Теперь наши сердца должны звучать и звонить как колокол».

Именно такое сердце было у отца Иоанна. Его сердце постоянно звучало, и благовествовало, и жило стихией Неба. Находясь рядом с ним, ты так же, как будто слушаешь звон, начинал чувствовать себя частицей стихии небесной, свободной, светлой, блаженной. Вспоминая отца Иоанна, думаешь, как же возвеличил Бог человека, каким наделил его даром – отличаться «малым чем от Ангела», венчаться славою, и честью, и светом. И еще думаешь: какое же любимое Божие дитя – человек. Каждый человек.

Своим примером отец Иоанн свидетельствовал о человеческом достоинстве, о высоком назначении человека на земле, о смысле и цели человеческой жизни. Чем ближе человек к Богу, тем выше его человеческое достоинство.

Но Божий человек никогда не принимает поклонения себе.

Урок на эту тему преподал мне как-то отец Иоанн.

Божией милостью три раза бывала я в Переделкине, где в патриаршей резиденции трудилась моя сестра Елена, художник-реставратор. Несколько раз по благословению Патриарха Пимена приезжал туда отец Иоанн. И проводил исповедь для всех в каждый свой приезд. Отец Иоанн благословил и меня быть на этих исповедях. В первый раз это было на Сергиев день, 8 октября 1977 года. Утром того дня, не зная еще о приезде отца Иоанна, я причастилась Святых Христовых Таин в Елохове. А днем позвонила Лена и попросила приехать в Переделкино и привезти для отца Иоанна книжечку папиной исповеди (теперь она издана). Так я и приехала в Переделкино. Лена меня встретила и по благословению старших провела на территорию резиденции. Вечером того дня после всенощной назначена была исповедь в патриаршей домово́й церкви. И вот после всенощной стали собираться в храм все обитатели дома. Пришел отец Иоасаф, пришла Мария Николаевна Соколова – монахиня Иулиания. Пришли монахини, которые служили дому. Они были в апостольниках, строгие, молчаливые. Вместе с монахинями пришли и мы. В храме ждал отец Иоанн. В полумраке горели лампы и свечи, у Царских врат стоял аналой. Отец Иоанн всех благословил и начал читать молитвы перед исповедью.

Я была участницей, и праздник, и свет, и легкость, и радость не оставляли меня весь день. И завершением такого дня стала исповедь у отца Иоанна. На общей испо-

веди я видела в полумраке у аналоя отца Иоанна. Он стоял в полуоборот к нам, в праздничной монашеской мантии, со свечой в руке, в отсвете которой его серебристые волосы казались ореолом. Лицо его было обращено ввысь, голова приподнята. Молитва перед исповедью закончилась, кончилась и общая исповедь, которую поочередно читали иеромонахи. Молча все поднялись с колен и вышли из храма. Остался только исповедник.

Когда пришел мой черед, не чуя под собой ног от волнения, прошла в храм и встала к аналою. Первый вопрос отца Иоанна был: «Ну, что ты мне еще добавишь?» Знал! Утром по многолюдству исповедь моя не была выслушана до конца, невысказанное так и осталось туманностью на душе. Теперь все это я и «добавила» отцу Иоанну. Он снова говорил о том, что в жизни все надо уметь делать из того, что пригодится для служения храму: службу править, петь, читать, шить, печь просфоры. Сказал, что все это пригодится в будущем. Когда читал разрешительную молитву, то голову взял с любовью в руки, в ладонях ее держал, будто силой своей молитвы и любви исцелял, вкладывал в меня и силу жить, и радость.

Целый год после этого в мыслях и чувствах моих рядом с великим – Бог – стоял и молитвенник за нас к Нему – отец Иоанн. И были такие моменты, когда отец Иоанн заслонял Бога. В таких случаях говорят: боготворит. Так и я: боготворила отца Иоанна.

Прошел год. Снова я оказалась в Переделкине, и снова – на исповеди. В конце исповеди со строгостью, силой

и властью прозвучали его слова: «Благодари Бога за нашу встречу, за сегодня и за завтра». С этим я и ушла – с некоторым внутренним недоумением.

На следующий день мы с Леной стояли на литургии у иконостаса, напротив иконы Спаса Нерукотворного, что у Царских врат. Я вспомнила, что говорил мне накануне отец Иоанн: «Благодари». И, стоя перед Спасителем, как могла, благодарила. Раскрылись Царские врата. В глубине у жертвенника мы увидели отца Иоанна, и он, обернувшись к нам, посмотрел на нас строго, внимательно и испытующе. В этот миг в душе все прояснилось: я поняла, что отец Иоанн, подводя итог минувшему году, на этот раз нарочито провел мимо себя и поставил пред ликом Спаса Нерукотворного. Подчеркнув этим, что нельзя творить себе кумиров, нельзя боготворить человека.

И в третий, последний раз, была я на исповеди в Переделкине летом 1979 года. Тогда я рассказала отцу Иоанну об этом переживании у иконы Спасителя. Он выслушал внимательно и промолчал. Но после разрешительной молитвы взял в ладони мою наклоненную голову и читал, читал надо мной какие-то псалмы. Я не запомнила всего, что он читал, но одно врезалось в память: «Господь просвещение мое и Спаситель мой, кого убоюсь? Господь Защититель живота моего, от кого усташуся?»

Потом отец Иоанн уезжал. Мы все вместе вышли его провожать. Отец Иоанн шел по дорожке резиденции под руку с Марией Николаевной Соколовой, о чем-то разговаривая. Вслед за ними шли мы с Леной. Они шли впереди, рядом,

и казались нам великими своей простотой и высотой смирения. Они шли рядом, два монаха, два подвижника, для которых ничего уже не существует, кроме их каких-то духовных проблем. А мы со страхом двигались следом, сознавая свой не начатый еще путь, свое недостойнство идти вслед их, великих и светлых подвижников.

Были мы с сестрой Леной однажды в монастыре на воскресном всенощном бдении, которое служил отец Иоанн. Батюшка вышел на литию как предстоящий. Он стоял в центре. В клобуке, в мантии. По обычаю, чуть-чуть приподняв голову. И рука на груди, как будто он бережно и благоговейно хранит драгоценный сосуд сердца своего – вместилище и жилище Святого Духа. На этот раз его лицо было строгим, сосредоточенным, выражало самоуглубленность, присутствие и тайну. Отец Иоанн был перед Кем-то и с Кем-то, он уже никуда не стремился – все уже было здесь.

Отец Иоанн говорил: «Плохо будет – покричи мне со своего кораблика». Кричишь. Просишь молитв и заступничества. И получаешь помощь.

Жизнь в основном уже пройдена. И, обращаясь мысленно к началу и течению ее, удивляешься и благодаришь Бога за то, что сподобил встретить на жизненном пути отца Иоанна. Вспоминаешь прошлое и радуешься: теперь в ответ почти на каждую жизненную трудность сердце и память воссоздают реакцию отца Иоанна на аналогичную ситуацию: «Отец Иоанн говорил, отец Иоанн советовал, отец Иоанн благословил так и так...» И это общий

багаж нашей семьи: каждый из нас делится друг с другом своим богатством.

Связь нашей семьи с отцом Иоанном никогда не прерывалась. Сначала были возможны личные свидания, потом оставалась возможность излагать вопросы письменно и письменно получать ответы. Иногда посылались нарочный со срочным письмом. В любом случае все важные события в семье совершались с благословения отца Иоанна. Его слово всегда было свято исполняемо, его слово «работало во времени». Если сказать точнее – словами отца Иоанна: «Мы договорились пребывать в молитвенном общении». Особенно это стало явным в конце жизни нашего папы: отец Иоанн сопresentствовал ему всегда – в мыслях, чувствах, в молитвах и чаяниях. Последнее время жизни отец Анатолий жил действительно только по послушанию воле Божией, которую слышал в советах отца Иоанна.

Отец Анатолий многое написал по благословию отца Иоанна. Но, к великому сожалению, нет его конкретных воспоминаний о самом отце Иоанне. Он начал писать цикл «Мои духовники», в котором обозначил целый ряд дорогих, духовно значимых для него людей, начиная с духовника своего детства и до отца Иоанна Крестьянкина.

...Родители наши свою семью выстрадали, пережив страшные 1930-е годы. Отец был на Соловках, прошел войну. За веру, верность, любовь Бог воздал им чудом семьи. Божие присутствие всегда главенствовало в их доме. Царило. Напутствовало. Учило. Воспитывало. Как? Практически – жизнью родителей.

Наверное, огромный смысл в том, что жизнь детей в семье так коротка. Что каждый уходит из родительского дома далеко не святой. Что во взрослом состоянии человек сам начинает искать и возвращать в себе то, что имел в семье как данное, как великий светлый дар, как определение пути. И это существует для него как почти недостижимая цель. Но все-таки – цель. И путеводителем в этой борьбе для каждого из нас был отец Иоанн. По примеру нашего папы мы старались довериться воле Божией, которую слышали от старца.

Папа иногда называл наш дом кораблем, а свои разноцветные лампадки в спальне – сигнальными огнями. И нас, как бы в шутку, – «гражданами пассажирами». Но всегда подчеркивал глубокий смысл этой шутки: мы на земле этой – пассажиры на корабле, следующем в землю Отечества, в Царство Небесное. Даже когда умирал и видел меня плачущей над ним, говорил: «Не плачь, голубка. Мы пассажиры. И не все ли равно, каким рейсом плывем: сегодня я, завтра ты. И, уплывая сейчас, мне так же тяжело расставаться, как и тебе».

В нашем доме был кабинет отца с письменным столом, над которым висели дорогие сердцу портреты. Портрет отца Иоанна Кронштадтского на жести, фотографии отца Макария (Еременко) и отца Серафима (Романцова) и обязательно – фотопортрет отца Иоанна (Крестьянкина). В родительском доме мы жили под сенью икон.

Все-таки удивительное это место на земле – Дом! Он становится для человека «его» местом на земле, местом

священным и сильным. «Землей обетованной» назвал его когда-то отец Иоанн и прибавил: «Дом у вас крепкий, в переднем углу столько мощей святых угодников Божиих... и мы с Богом молитвами святых и молитвами ваших родовых кровно близких молитвенников будем в нем жить. Но хранить нужно не стены, нет, не стены, а сам дух уходящей теперь Святой Руси. Дорогое родительское гнездо, родная церковь рядом, незримое присутствие дорогих сердцу ушедших людей...»

В конце жизни папы пришел момент испытания его веры. В 1975 году, сразу же после празднования нашего храмового праздника Покрова Божией Матери, он тяжело заболел: случился обширный инфаркт, и почти сразу за первым – второй. Как только папа заболел, мы сообщили об этом отцу Иоанну с просьбой о молитве. В этом испытании отец Иоанн всячески поддерживал папу и нас тоже. Ходатайство его к Богу, сила его молитв укрепляла нас, его любовь давала нам силы и мужество, мы будто опирались на молитвы отца Иоанна, на его сочувственное участие, на его незримое присутствие.

Отец Иоанн не оставлял папу до самой смерти. Молился постоянно. И постоянно присылал весточки. Летом 1980 года отец Иоанн прислал папе две фотоиконы: одна – Христос в терновом венце и вторая – Преподобный Сергей у гроба своих родителей. Однажды, совсем незадолго до папиной смерти, вместе с посылочкой из Печор пришел конверт, надписанный от отца Иоанна папе. Но когда его раскрыли, он оказался пустым. Может быть, это

была случайность, но тогда, в тот момент, такое «послание» показалось значительным. В этот период все происходившее с папой совершалось в некоторой тайне от нас, находившихся рядом. Но было открыто отцу Иоанну, который находился очень далеко и в то же время так близко.

Отец Иоанн (Крестьянкин) осенью 1980 года в ответ на наше письмо, в котором было много вопросов, в частности, написал: «У каждого священника, особенно начинающего, бывает в жизни своя пустыня, где враг его искушает. И лучше пережить эту пустыню в начале пути, в начале служения». Эти слова относились к молодому нашему поколению. Но папа воспринял их очень близко к сердцу и постоянно говорил о пустыне.

К нашему храмовому празднику Покрова Божией Матери отец Иоанн, которому мы сообщали о ходе болезни папы, просили его молитв и надеялись на них, прислал из Печор известие о том, что папа поживет и сам еще повенчает младшего своего сына Серафима и, может быть, даже в сане его увидит. «Радуйтесь! И я вместе с вами радуюсь. Папа поживет». Надо ли говорить о том, как мы радовались. Слова отца Иоанна о том, что папа сам повенчает младшего сына, укрепили его силы, его волю. Были и ухудшения, но предсмертное состояние все же ушло. Папа проявлял интерес к жизни, садился на кровати, читал, иногда писал. Так и чередовались улучшения с ухудшениями. Но потом наступил период, когда он снова лежал – вставать не позволяли врачи. Разрешили только, когда совсем невмоготу, спустить с кровати ноги и посидеть – совсем

недолго. От болезни папа стал очень нервным и иногда раздражительным. В ответ на нашу печаль об этом отец Иоанн сказал, что надо очень бережно относиться к трудным состояниям папы и различать, где он сам, а где болезнь: «Сколько он в жизни пережил! А сейчас, в болезни особенно, нервы его, как оголенные провода. И крикнет, и рассердится, и ножкой топнет – не надо реагировать, это болезнь и тяжесть болезни». Но когда болезнь отступала, папа становился снова ласковым и любвеобильным, таким простым, ясным и прежним. И в голосе его снова звучала жизнь.

В тяжелой своей, страшной болезни папа почти не мог молиться, и это очень его угнетало. Отец Иоанн, утешая его, говорил: «В болезни другие за тебя помолются». Но болел он с именем Божиим в сознании и подсознании. Это была естественная «молитва болезнью», и только иногда она прорывалась в привычные слова молитвы. И тогда слова эти наполнены были совершенной осознанностью и потрясали своей силой.

Однажды вечером я случайно услышала, как папа молится. Я сидела у горячей печки, а папа рядом, в темной своей спальне, лежа на одре болезни, молился: «Владыко Человеколюбче! Неужели мне одр сей гроб будет... – медленно, каждое слово – живо, от сердца, с полным осознанием смысла, – или еще окаянную мою душу просветиши днем? ...Се ми гроб предлежит... – помолчал, – се ми смерть предстоит... *(Плачет. Долго.)* Суда Твоего, Господи, – боюсь!!! ...и муки бесконечныя... злое же творя не престаю. Тебе, Господа Бога моего, всегда прогневаю...»

Все эти слова молитвы были сказаны Богу. При мне, случайной и ненужной свидетельнице. Это была молитва-диалог в самой своей истинности, в единственно верном, неложном звучании.

Приведу выдержку из письма отца Анатолия к отцу Иоанну, написанного совсем незадолго до кончины: «...Верю, что повенчаю сына Серафима. Дай Бог Вашими молитвами и благословением почившей моей мамы видеть нам с матушкой, по Вашему слову, всех детей в иерейском сане, видеть на Серафиме украшенный камнями крест и тогда уже воспеть молитву Богоприимца Симеона... Благословите выжить и сослужить сыну...»

Благословите выжить – такова была мера послушания и веры нашего отца протоиерея Анатолия.

День венчания Серафима и Марины был для них днем начала их общего пути. Благословение Божие, благословение родительское утверждали это начало.

А для папы? Что это было для папы? Для папы это был день славы, день его победного торжества по благословению и молитвам отца Иоанна.

Венчание прошло и торжественно, и печально. И радостно, и горестно. Ощущение чуда, исключительности происходящего исполняло сердце благодарностью Богу, страхом и трепетом. Радость и слезы соседствовали. Плакали и Серафим, и Марина, и мы, близкие.

После венчания, когда папу привезли домой, они с мамой встретили молодых хлебом-солью. Благословили иконами. Вера у нас у всех в слово отца Иоанна была непоколебимая.

А у папы – особенно. Еще в 1976 году он записал в дневнике: «...Немного о прозорливости отца Иоанна. Он и слышать не хочет, когда кто-то говорит ему о ней. Огражденный смирением, он считает, что вот были люди святые, и прозорливые, и старцы, все это было, а может быть, где и ныне есть. Но он-то ни с какой стороны – ни тот, ни другой, ни третий. Однако так часто его слова оказываются пророческими. Так, говорил он о престарелой и неоднократно умиравшей нашей маме: "Она еще правнучка увидит". Так и было. Увидела и потом только умерла. Не сказано – "правнучку" или "правнуков". И точно. Девочки-правнучки до сих пор нет, а два правнука мамы родились один за другим, но одного мама увидела, а другого нет, хотя он и родился еще до ее смерти.

Другой случай. У жены брата, Нины Ивановны, дети очень трудно рождаются. И давно не было. Врачи не советовали родить и с тревогой ждали родов, предполагая возможной даже смерть родильницы, не очень здоровой. Отец Иоанн сказал: "Не бойтесь, все будет хорошо, родится девочка". Прислал два маленьких золотых крестика: один девочке, а другой второму нашему внуку, Николаю. И все было и есть благополучно.

В моей крайне тяжелой болезни всех ободрял и говорил, что я еще поживу, что не все еще, что надо, мной сделано...

Таких историй можно было бы привести немало. Но главное все-таки у подобных старцев не в прозрении будущего, не в видении воочию весьма отдаленных предметов, а в сообщении нам, сколько можем принять, крупиц собственной их благодати, в помощи делу нашего спасения.

Молитвами отца нашего Иоанна, Господи Иисусе Христе, помилуй нас. Аминь».

В день папиного погребения мы получили телеграмму: «Печоры Псковские. 18 февраля 1981 года. Принята в Сынтале в 20 часов 05 минут.

"Сегодня, семнадцатого, с глубокой скорбью воспринял полученную весть о кончине дорогого батюшки протоиерея Анатолия. Выражаю вам соболезнование, разделяю нашу общую скорбь, молюсь вместе с вами о почившем. С сего дня будут совершаться постоянные молитвы наши о упокоении души его. Дорогие матушка с детками и внучатами, дорогие и близкие, Господь да будет с вами в вашей скорби, долгоденствием насытит вас и явит вам вечное спасение Свое. Архимандрит Иоанн (Крестьянкин)".».

Вспоминая прошлое, перебираю свои давние записи. В заключение своего рассказа приведу некоторые из них.

«Гадать по Священному Писанию нельзя, – говорил отец Иоанн. – В нем каждое слово значительно, каждое – пророческое. Нарушил одну заповедь – нарушил весь Закон. Надо прислушиваться к голосу Божию, и все поймешь без гадания».

«...В "затвор и пустыню" уходить сейчас нельзя. Время такое, что, наоборот, надо выходить из затвора и пустыни – людям важно и дорого каждое доброе и сказанное с любовью слово. Но угол свой нужен, чтобы собирать воедино свои мысленные силы, укрепляться духом. Во всем нужны рассуждение и терпение».

«...Многие вопросы, с которыми приезжают люди, они вправе и просто обязаны решать самостоятельно. Ибо Господь дал нам голову, чтобы она тоже трудилась. Хотелось бы вас несколько призвать к благоразумию: осенью, в такую тяжелую погоду, с детьми совершать поездку – что за нужда? И вопросов неотложных нет. Сами обстоятельства и через них явная воля Божия к тому нас призывают. Давайте беречь друг друга для себя же».

«Надо делать добрые дела. Но знать, что они не наши. Надо делать и сразу же "отдавать" их Богу. Потому что они – Его. Когда же мы злое дело делаем, то становимся бесовскими послушниками. Сатана свои дела не берет, ему самому от них деваться некуда. И злые дела остаются нашими». Так говорил отец Иоанн маленькой девочке.

«...Моменты милости Божией храни в тайниках сердца. И "Господь твой, видящий тайное, воздаст тебе явно"».

«...Надо хранить сам дух уходящей теперь Святой Руси, хранить с тщанием и верностью всю жизнь. Хранить то, что единственное имеет цену в жизни, – огонь Духа Божия, источник живой жизни».



*В алтаре Михайловского собора. 1977*



*Панагиар – архимандрит Иоанн. Печоры. 1967*



*С дьяконом Николаем. 1982*

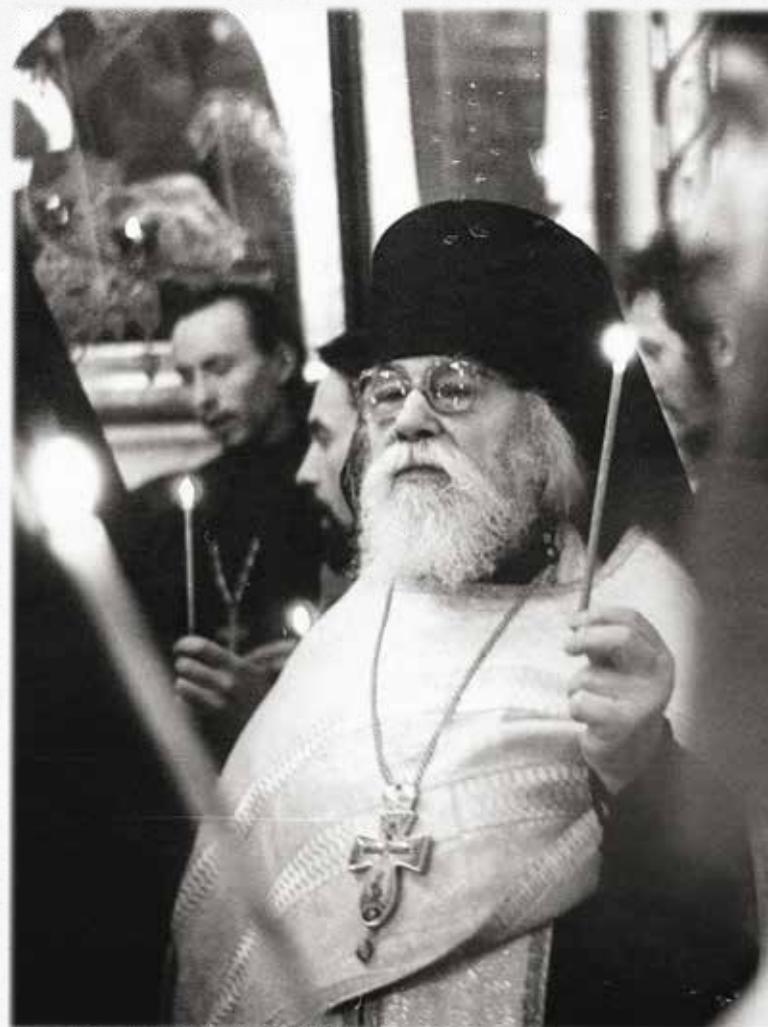




*Литургия в Сретенском храме. 1983*



*Чин монашеского погребения. Печоры. 1974*



*Отпевание архимандрита Серафима. 1994*

